

Т В О Й К Р У Г О З О Р

А. Н. Томилин

КАК ЛЮДИ ОТКРЫВАЛИ СВОЮ ЗЕМЛЮ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОСВЕЩЕНИЕ»

КАК ЛЮДИ ОТКРЫВАЛИ СВОЮ ЗЕМЛЮ

А. Н. Томилин

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Т В О Й   К Р У Г О З О Р

А. Н. Томилин

КАК ЛЮДИ ОТКРЫВАЛИ СВОЮ ЗЕМЛЮ

Иллюстрации И. В. Кольцовой

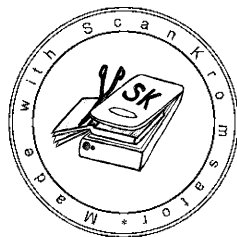

М О С К В А
« П Р О С В Е Щ Е Н И Е »
2 0 0 8

УДК 087.5:91
ББК 26.8
Т56

Серия «Твой кругозор» основана в 2007 году

Томилин А. Н.

Т56   Как люди открывали свою Землю : [для сред. шк. возраста] / А. Н. Томилин; ил. И. В. Кольцовой. — М. : Просвещение, 2008. — 160 с. : ил. — (Твой кругозор). — ISBN 978-5-09-018068-9.

Это настоящая энциклопедия географических открытий, рассказывающая о том, как менялись представления о нашей планете у разных народов, как были придуманы глобус и карта, как отважные путешественники отправлялись на поиски новых земель. Самые яркие страницы из истории географических открытий на всех континентах раскроются перед вами

**УДК 087.5:91
ББК 26.8**

ISBN 978-5-09-018068-9

© Издательство «Просвещение», 2008
© Издательство «Просвещение»,
оформление, дизайн серии, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	
КАК ЛЮДИ ПРИДУМЫВАЛИ ФОРМУ СВОЕЙ ЗЕМЛЕ	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	
КАК ОТКРЫВАЛИ ЕВРОПУ	25
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
КАК ОТКРЫВАЛИ АЗИЮ	48
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	
АРКТИКА — СЕВЕРНАЯ МАКУШКА ЗЕМЛИ	75
ГЛАВА ПЯТАЯ	
КАК ОТКРЫВАЛИ АФРИКУ	89
ГЛАВА ШЕСТАЯ	
КАК ОТКРЫВАЛИ АМЕРИКУ	110
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	
КАК ОТКРЫВАЛИ АВСТРАЛИЮ	132
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	
КАК ОТКРЫВАЛИ ЛЕДЯНОЙ КОНТИНЕНТ	144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	159

ОТ АВТОРА

Много лет живут на Земле люди. Ходят по ней, ездят, плавают на кораблях по морям и океанам. А может ли кто-нибудь из них сказать, что видел Землю *целиком*, знает, какая она из себя, и что убедился он в этом своими глазами? Я думаю — никто не может. Ведь даже маршрут кругосветного путешественника — это всего лишь узенькая ниточка-тропинка, незаметный след на огромном земном шаре. Сколько нужно проложить таких тропинок, чтобы обойти все континенты, все острова и полуострова, чтобы увидеть, изучить и нарисовать на картах все горы и все реки Земли, все пустыни и все дремучие леса! Никому из людей в одиночку не под силу такая задача. Решить ее может только все человечество. А ведь человечество — это ты, читатель, и я, наши родные, друзья, знакомые и незнакомые люди. Среди них есть смелые и веселые, есть добрые и умные, а есть и не очень добрые, не чересчур умные, даже не очень-то и смелые... Разные люди составляют человечество... Но именно они прошагали и облетели всю Землю, составили глобусы с материками и океанами и нарисовали карты, по которым можно отыскать дороги в любую страну, в любое государство.

Конечно, глобусы не настоящая Земля, а только ее модели, какими бы подробными они ни были. Всю-то Землю, как планету, охватить глазом мало кому удавалось. Огромный участок поверхности Земли из космоса первым увидел наш летчик-космонавт Юрий Алексеевич Гагарин 12 апреля 1961 года. За сто восемь минут он облетел ее кругом. В общем-то не такой уж большой она и оказалась... Но зато: «Какая она красивая!» — не раз говорил Юрий Алексеевич по радио тем, кто оставался внизу.

После него в космос поднимались многие космонавты, и каждый так же восхищался видом Земли. А через несколько лет американская ракета «Аполлон-11» с тремя астронавтами на борту стартовала к Луне. Американцы благополучно «прилунились», подняли головы и увидели в черном звездном небе большой голубой шар. Это была уже не просто Земля, к виду поверхности которой успели привыкнуть летчики и космонавты. Это была наша планета, планета по имени Земля!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КАК ЛЮДИ ПРИДУМЫВАЛИ ФОРМУ СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

Почему люди покидали обжитые места

В древние времена мало кто из людей отваживался на далекие путешествия. Дорог не было. Один очаг цивилизации от другого отделяли огромные расстояния. Чтобы их осилить, в одних местах приходилось преодолевать безводные пустыни, в других — дремучие леса, реки и болота, горы и моря. И повсюду — дикие звери, кровожадные чудовища... Так и сидели люди на тех землях, на которых родились и выросли. Думали, что район их поселения, их охотничьи угодья — это и есть вся Земля.

В те времена каждый человек, побывавший в чужих землях, был героем. Имя отважного землепроходца обрастало легендами, а его путешествие становилось великим событием. И не было ничего интереснее для людей, чем слушать о хождениях в чужие земли, к чужим народам.

Но век от века все больше становилось людей в обжитых районах. В поисках пищи охотникам и собирателям приходилось уходить дальше. Случалось, что целые племена снимались с одного места и переходили на другое. Одни бежали с истощившихся земель от голода, другие — от набегов воинственных соседей. А бывало, что и сама Земля прогоняла и людей и животных на поиски новых мест.

Есть на берегу реки Камчатки, что течет по неширокой долине, окруженной вулканами, небольшая впадина. В ней когда-то нашли охотники в мерзлой земле целое кладбище мамонтов, умерших здесь более десяти тысяч лет назад. Какая же причина согнала на небольшой пятачок столько мохнатых гигантов? Ведь на протяжении всего остального течения реки кости этих великанов встречаются редко... И вот такая гипотеза возникла у ученых...

Давным-давно случилось в этих местах быстрое похолодание. Почему — неизвестно. Так ведь и сегодня бывает, что в одних местах на некоторое время становится теплее, в других — холоднее. В горах начали образовываться ледники. Глубокий снег покрыл зеленые долины. Тем животным, что питались травой и листьями, стало не хватать пищи. А горные ледники становились все толще, все тяжелее. Под действием собственного веса поползли они с вершин вниз, сгоняя животных в долины по берегам рек.

У реки Камчатки ледяные барьеры замкнули долину, отгородили ее от остального мира. Ледяной плен сжимался и сгонял мамонтов на крошечный пятачок в средней части реки, где им совсем нечего было есть...

В то время похолодание продолжалось долго. Ледяной панцирь занял огромное пространство суши. Вымерзала вода. Льды покрыли большую часть Европы и Северной Америки. В горных районах Азии, даже на юге Африки, в Австралии и в Южной Америке появились снеговые и ледяные шапки. При этом, чем больше льда надвигалось на сушу, тем меньше воды оставалось в озерах и реках, в морях и океанах. Понизился общий уровень всего Мирового океана. Многие острова соединились с континентами. С одного материка на другой перекинулись сухопутные мосты... Одновременно с оледенением проснулись по всей Земле вулканы. Страшные землетрясения стали сотрясать материки. Горы проваливались. А на равнинах с грохотом вспучивались новые хребты и складки. Клубы вулканического пепла и тучи пыли закрыли солнце. И от этого стало на Земле еще холоднее...

От холода и катастроф все живое потянулось в новые места. В Северном полушарии животные, а за ними и люди устремились к югу, а в Южном полушарии — к северу, где потеплее. Началось великое переселение.

Но вечно так продолжаться не могло. Со временем рассеялись тучи, снова ярко засветило солнце. Лед начал таять и добавлять воду в моря и океаны. Снова стал подниматься уровень Мирового океана, затапливая сухопутные мосты, по которым живые существа с одного континента переходили на другой. Непреодолимая водная гладь навсегда отделила ушедших от оставшихся.

Вслед за отступающими ледниками ушли крупные животные. Преследуя их, снимались с мест и охотничьи племена. Скотоводы захватывали степи с обильными травами. А в долинах больших рек оставались земледельцы.

Но вскоре после оледенения новая беда надвинулась на обитателей Земли. С каждым летом солнце грело все жарче. Высыхали озера и речки, оставленные ледниками. Цветущие равнины постепенно превращались в пустыни... И снова двинулись в поход сначала животные, а за ними и люди. Только теперь не к экватору, где стало жарко, а от него — к полюсам.

В древние времена человек полностью зависел от природы. И немудрено, что такие всеобщие катастрофы гоняли людей с места на место. При этом одни народы отыскивали и занимали свободные земли. Другие вторгались на занятые территории. И тогда уж кто кого победит — хозяева захватчиков или пришельцы коренных жителей...

Первая модель — Земля плоская

Чем дальше уходили в своих походах и странствиях вожди, полководцы и купцы, тем чаще спрашивали у мудрецов: «На что же похожа Земля, какая у нее форма?» Возможно, что раньше других стали о том размышлять мудрецы из страны Тянься, что означало «Поднебесная империя». Вы, наверное, догадались, что эта страна — Китай.

С незапамятных времен там жило множество народа. Богатые и воинственные вожди племен разделили территорию на отдельные государства и постоянно воевали друг с другом, стараясь подчинить себе больше земли и больше людей. Самые богатые и сильные властители присваивали себе титул императора, то есть высшего властителя государства. При этом каждый но-

вый император, чтобы по-своему управлять государством, приказывал по-новому делить его территорию. А чтобы провести новые границы в старых провинциях, во все стороны из столицы отправлялись императорские чиновники. Одни отправлялись в путь в покойных повозках-колесницах и ехали в бескрайние степи. На каждой повозке стоял секретный прибор.

Китайцы берегли его пуще глаза и называли указателем юга. Стрелка этого прибора всегда указывала одно направление. Тут уж не заблудишься...

Древний секретный прибор дожил до нашего времени. Только теперь все знают, как он устроен, и называют его компасом. Ничего нет в нем сложного: простая коробочка, а в ней магнитная стрелка на иголке. Синим концом она юг показывает, красным — север...

В степях и пустынях путники часто по вечерам смотрели на небо. Они замечали, что звезды всегда движутся с востока на запад. А почему? Никто не мог на это ответить.

Другие чиновники отправлялись в горы. По узким тропам ни в повозке, ни верхом не проедешь. И потому несли их носильщики в носилках-паланкинах. Тряслись они в душных кабинках и думали: «Почему это одна часть Поднебесной империи такая высокая, что поднимается к самому небу, а другая часть низкая?» Но никто не мог придумать ответа на свой вопрос.

Третьи чиновники отправлялись в путь на лодках. Плыли они по большим рекам и маленьким речкам. Плыли каналами. Слуги держали у них над головами зонтики и отгоняли мух. «И почему это, — рассуждали чиновники, — все реки в землях императора текут в одном направлении — с запада на восток?» Но сколько ни размышляли, не могли найти объяснений.

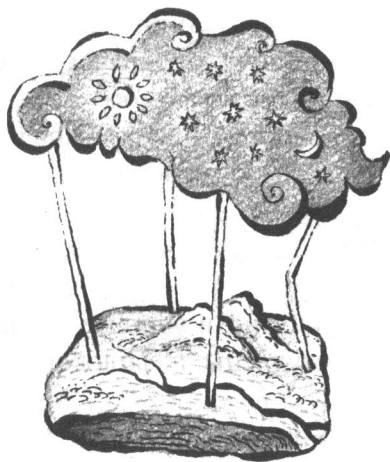
А может быть, это все от того, что Земля плоская, как рисовая лепешка с обрезанными краями? На каждом краю Земли-лепешки стоит по высокому столбу, подпирающему небо. Один столб на севере, другой — на востоке, третий — на юге, а четвертый — на западе. Сколько сторон света, столько и столбов... Однажды злой дракон согнул один из столбов, поддерживавших небо. И от этого земля и небо наклонились в разные стороны. Западные провинции поднялись горами к самому небу, а восточные опустились к морю. Реки в Поднебесной империи по-

текли на восток, а звезды на небе покатились к западу...

Но однажды, после большой войны, воцарился в Китае император злой, как дракон. Прочитал он в книгах, что за границами Поднебесной империи тоже живут люди и что земли у них ничуть не хуже, а воины еще и более смелые и ловкие. Император тут же приказал сжечь книги, в которых описывались чужие земли, а на границах империи построить Великую стену. Стена должна была отгородить Китай от всего мира. Затруднить чужеземным воинам вторгаться в ее пределы, а своих подданных заставить думать, что за пределами их страны нет на свете ничего интересного. Злой император повелел даже называть Китай по иному — Чжунхуаго, что означало в переводе «Срединное цветущее государство», хотя далеко не все в нем так уж цвело и благоухало. Но так часто бывает в мире: чем хуже дела, тем красивее слова...

Потом стало еще хуже. Чтобы подданные Сына Неба — так называли чиновники своего императора — не думали даже носа высовывать за Великую стену, стали они говорить, что Китай — это вся земля. Вся как есть. И со всех четырех сторон она окружена бурными морями, в которых кишат огромные рыбы и страшные драконы. «Всякий, кто отважится хотя бы взглянуть на них, найдет себе верную гибель!» — уверяли чиновники, а им поддакивали мудрецы. И знаете, многие верили в это и старались побольше сидеть дома.

Многие верили, но не все. До наших дней сохранились рассказы и описания далеких путешествий древних китайцев в чужие страны. Военачальники скакали на лошадях, завоевая новые земли и отражая

врагов, дипломаты ехали в тяжелых повозках. Пробирались тайными тропами в чужие государства шпионы. Шли монахи, размахивая посохами, тянулись купеческие караваны. Везли товары в далекие западные страны продавать. Приезжали китайские путешественники и совсем в незнакомые земли. Приезжали и удивлялись тому, что там такие же культурные народы живут. Землю обрабатывают, посеы поливают, скот пасут... А о тех, кто через горы добирался, и говорить нечего. Попадали они в удивительную страну Индию, где жили замечательные мудрецы и философы... Но об этом дальше...

В стране мудрецов и мыслителей

Древнюю Индию не зря так называли. В те далекие времена, когда в окружающих ее странах еще только зарождалась цивилизация, здесь, на огромном полуострове, вытянувшемся языком в сине-зеленый Индийский океан, было уже немало ученых людей. При дворе каждого князя-раджи жили свои мудрецы.

Встречались среди них математики и астрономы, грамматик и врачи, а то и просто философы — любители мудрости, рассуждавшие над непонятными вопросами. «Великие мудрецы» — так называли их индийцы, и все их уважали.

Мы еще побываем в этой удивительной стране вместе с путешественниками, посмотрим, как жили в ней люди и чем занимались, а сейчас давайте посмотрим, какой представляли себе нашу Землю «великие мудрецы».

Оказывается, единого мнения среди них не было. Большинство из них соглашались, что Земля плоская. Не такая плоская, как «китайская рисовая лепешка с обрезанными краями», а похожая больше на плоский диск огромных размеров. В центре диска находилась гора Меру. Вокруг горы обращались Солнце, Луна и звезды... Но дальше среди мудрецов начинались разногласия.

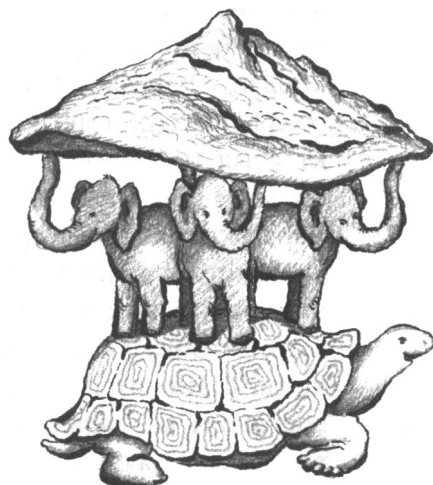
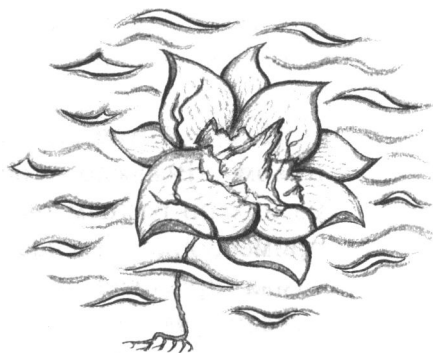
Одни говорили, что вся суша делится на четыре континента, отделенных от горы Меру и друг от друга океанами. На берегу каждого континента стоит по огромному дереву, по имени которого континент и называется. Так, на берегу южного континента, где только и обитают человеческие существа, рас-

тет розовая яблоня — дерево джамбу, и потому весь континент называется Джамбудвипа.

Другие мудрецы не соглашались. Они считали, что Джамбудвипа имеет форму кольца, расположенного вокруг высокого пика горы Меру. Соленый океан отделяет этот континент от следующего, который также имеет форму кольца. Но его внешние берега омывает уже океан не соленой воды, а сладкой патоки. Семь колец-материков насчитывали мудрецы в своей модели Земли. И все они друг от друга отделялись океанами разного состава. Так, следом за патокой шел океан вина, потом топленого масла, густого и вкусного молока, простокваши и, наконец, пресной воды... Ну-ка, кто посмеет протестовать против такой великолепной картины мира?

И все-таки находились несогласные. Они уверяли, что Земля похожа на раскрывшийся цветок лотоса. Четыре самых больших лепестка — четыре континента. Пестик же и тычинки — горы, окружающие долины главных рек Индии Инда и Ганга. Растет же этот цветок лотос в безбрежном океане, плавает, как кувшинка на воде, прикрепившись стеблем ко дну. Но и эта картина не всех мудрецов удовлетворяла. Находились такие, что рисовали и вовсе чудную модель.

«В огромном море из молока, — говорили они нараспев, — плавает огромная черепаха. Что может быть на свете прочнее ее панциря? На спине черепахи стоят четыре слона. Кто на свете сильнее их? Слоны повернулись головами на все четыре стороны света и подняли хоботы. А на своих могучих спинах держат слоны Землю. Конечно, круглую и плоскую, как блин, а вовсе не с обрезанными краями, как говорят китайские философы...» Удивительные модели придумывали древние индийские мудрецы и мыслители!

Кто первым догадался, что Земля — шар

Пожалуй, точно ответить на этот вопрос сегодня не удастся никому. В каждом государстве были свои мудрецы, и многим из них по разным причинам приходила в голову эта идея. Например, древнегреческий мудрец Пифагор считал, что шар — самая красивая и самая идеальная геометрическая фигура. И если Земля — центр Вселенной, то может ли она иметь иную форму, кроме как идеальную? Вот он и учил, что Земля — шар!

Но первым это сумел доказать древнегреческий философ по имени Аристотель. Много лет он учился сам. Потом был учителем знаменитого полководца Александра Македонского. А когда тот ушел в походы, Аристотель вернулся в Афины и открыл там школу. У него сразу же оказалось множество учеников. Да и сам Александр, даже став великим полководцем, никогда не забывал учителя. Из разных стран посылал он в Афины Аристотелю письма и редкости, которые находили его спутники.

Как всякий настоящий учитель, Аристотель хотел знать как можно больше... Знания — это ведь такое богатство, копить которое никому не зазорно.

Среди многих не решенных в ту пору вопросов один интересовал и волновал всех: «Отчего случаются лунные затмения?» Никто не мог на него ответить. Одни думали: злые великаны уносят с неба Луну, чтобы лишит всех ее серебряного света. Другие были уверены, что лунное затмение предвещает какое-нибудь несчастье: может быть, войну, а с нею — голод или мор. Находились и такие, что направо и налево рассказывали, будто бы затмение отравляет воздух и люди гибнут от удушья. И люди верили им, и те, кто был побоязливее, с самого вечера запирались в глубоких погребах и подвалах. Они замазывали щели, затыкали окошки. А обманщики тем временем грабили покинутые дома.

Аристотель не был трусом. Он не раз наблюдал затмение, и ничего с ним не случилось. «А может быть, темное пятно на лунном боку — это просто тень, которую отбрасывает Земля, когда становится между Луною и Солнцем? — подумал философ и тут же задал себе другой вопрос: — Но почему эта тень всегда круглая?»

Взял он кубик. Вынес его на солнышко. Тень от кубика — темный квадрат, куда ни поверни. Нет, не могла Земля быть квадратной.

Взял он круглую плоскую лепешку. От лепешки в одном положении тень круглая, а в другом — тоненькая, как прутик.

Значит, и лепешкой Земля быть не может.

Взял он половинку яблока и тоже подставил солнцу. От половинки тень круглая только тогда, когда солнечные лучи падают на срез или на горбатую спинку. Но стоило повернуть половинку яблока к солнышку боком, как тень тут же оказывалась неполным кружком...

И только от целого яблока тень была всегда круглой, как его ни верти.

«Значит, и Земля наша должна быть шаром!» — сказал Аристотель своим ученикам и показал, как просто пришел к такому выводу. Ученики во все глаза смотрели на учителя и удивлялись его мудрости.

Одно оставалось непонятно: как живут люди на противоположной — нижней половине земного шара? Как они ходят вниз головами и почему не падают?..

Однако на этот вопрос и сам Аристотель не мог придумать убедительного ответа. Тогда ведь еще никто не знал, что все тела в мире притягиваются друг к другу и что именно сила притяжения удерживает на поверхности Земли не только людей, но и горы, дома, реки и океаны, и даже воздух.

Не будь такой силы в природе — все бы развалилось.

Но Аристотель этого еще не знал. И потому его ученики, а за ними и все остальные решили считать Южное полушарие Земли просто необитаемым.

Как Эратосфен Киренский измерил Землю

Когда мысль о том, что Земля — шар, укрепилась в головах философов, всем захотелось во что бы то ни стало определить размеры земного шара.

Но никто не знал, как это сделать. Примерно во II веке до нашей эры в египетском городе Александрии жил знаменитый

математик, астроном и землеописатель Эратосфен. Происходил он из греческого города Кирены, а учился в Афинах. В Александрии же Эратосфен был хранителем самой большой в мире библиотеки и писал свои сочинения. Много книг написал он за долгую жизнь, много сделал интересных работ. Одной из них и явилось определение размеров земного шара.

Слышал Эратосфен, что в египетском городе Сиене — современном Асуане — в самый длинный день в году солнце отражается от воды даже в самых глубоких колодцах. «Это значит, — подумал ученый, — что оно находится прямо над головой, в зените». Поставил он столбик во дворе, у себя в Александрии, и нашел, что здесь лучи солнца в полдень падают не вертикально вниз, а под углом.

Александрия и Сиена лежали примерно на одном меридиане. Это ученому было известно. А раз так, то, зная расстояние между двумя городами и разницу в углах падения солнечных лучей, нетрудно было вычислить и окружность по александрийскому меридиану.

Так и сделал мудрый Эратосфен. И хотя точных инструментов у него еще не было, величина, которую он определил, совсем немного отличалась даже от наших самых современных измерений. А получилось это, наверное, потому, что главное в науке не хитроумные приборы и инструменты, а голова самого ученого...

Среди трудов Эратосфена было большое сочинение, названное им «Географика». По-древнегречески это означало «Землеописание». С тех пор слово это стало названием целой науки о нашей планете.

К сожалению, сочинение древнегреческого ученого не сохранилось полностью до наших дней. Но современники Эратосфена и другие, более поздние философы писали, что это был замечательный труд. Сам автор разбил его на три части.

В первой он рассказывал историю географии от эпохи знаменитого поэта Гомера. Во второй — излагал основы математической географии, «отцом» которой он являлся. А в третьей части давал описание суши по самым последним сведениям, полученным из записок людей, сопровождавших в походах Александра Македонского.

Кто придумал карту

Можете ли вы представить себе географию без карт? Конечно, нет. А кто и когда первым придумал и нарисовал карту? Пожалуй, точно и этого не скажешь. В глубокой древности люди, наверное, уже умели рисовать планы ближайших окрестностей. А то как еще объяснить, где охота лучше или где корешки слаще? Потом, когда роды и племена познакомились друг с другом, стали первобытные географы указывать на своих планах соседние селения. Соединили их со своими черточками-дорогами. А когда первые караваны ушли к другим народам, пришло время составлять планы и описания долгих караванных путей.

Древнегреческий философ Анаксимандр собрал множество известных в его время описаний и попробовал начертить план всей Земли. Получилась первая карта.

От карты к глобусу

Пока корабли первых путешественников не отходили далеко от берега, можно было не заботиться о том, какая в действительности форма у земного шара. Можно было вполне считать Землю плоской. И чертить любые карты без всяких помех. Подумаешь, большое дело — перерисовать местность с большой плоскости на маленькую!

Но чем дальше уходили корабли от родных берегов, тем больше ошибок приходилось исправлять капитанам на старых картах. Это и понятно.

Попробуйте разложить на ровном столе, к примеру, оболочку от воздушного шарика или волейбольную камеру. Только разложить так, чтобы все ее точки плотно-плотно прилегли к плоскости стола.

После множества мучений вы придете к выводу, что способ для этого один: круглую оболочку-сферу нужно резать на полоски. И чем уже окажутся полоски, тем лучше будут они прилегать к столу.

Но кому нужна карта, нарезанная как лапша? Ею и пользоваться-то невозможно!

Когда-то давно, лет так за полтораста до начала нашей эры, изготовил древнегреческий философ Кратес из Малоса модель Земли в виде шара. Вы, конечно, понимаете, что он был последователем Аристотеля и учеником его учеников. К сожалению, сама модель до наших дней не дошла. Но те, кто ее видел, говорили, что Кратес нарисовал на ней единую сушу, разделив ее на части пересекающимися реками, которые именовались океанами...

Трудно, конечно, сегодня назвать этот образец настоящим глобусом, то есть точной моделью Земли со всеми материками и океанами, известными в ту пору людям. Скорее это был просто символ Земли.

Первый настоящий глобус появился в Европе только в XV веке. Однажды в старинный немецкий город Нюрнберг приехал погостить сын почтенного торговца сукном Мартин Бехайм. К великому горю родителей он не унаследовал дело отца. Вместо спокойной торговли Мартин скитался по морям. Неплохо зная математику, он стал опытным мореходом и поступил на службу к португальскому королю Жуану Второму.

Здесь он стал главным штурманом Португалии, и король посвятил его в рыцари.

Через некоторое время новоиспеченный дворянин пожелал посетить родной город, чтобы похвастаться в кругу родных и знакомых тем, чего он добился вдали от родины. Почтенные нюрнбергцы, разинув рты, слушали рассказы земляка, объехавшего «третью часть шара земного». Большинство из них и не подозревало, что Земля-то — шар... Стали просить нарисовать им на память то, что видел Мартин в своих дальних путешествиях.

Согласился Бехайм. Приказал выточить деревянный шар размером в один фут восемь дюймов (примерно полметра) и оклеить его пергаментом. А потом сам нарисовал на нем все, что видел и знал. И снабдил свои рисунки подписями... Эх, Мартин, Мартин! Лучше бы он не делал этого. Столько небывших расписано на глобусе черными и красными чернилами, что немного спустя нюрнбергцы уже не гордились, а стыдились своего земляка.

Известные всем места на глобусе Мартина Бехайма имели такие ошибки в широтах, каких уже не делали даже на самых простых картах. А уж дальние страны были описаны и вовсе несуразно.

В разных странах строили множество всевозможных глобусов — и маленьких, и больших, и совсем огромных... Однажды во время Северной войны в царствование Петра Первого русские войска оттеснили шведов, осаждавших твердыню Шлезвиг-Голштинского герцогства замок Готторп, и вечером в мрачном замке средневековой постройки был устроен пир. Зная, что русский царь интересуется всякими редкостями, хозяева показали Петру огромный глобус, более трех метров в диаметре. Снаружи он был оклеен бумагой с нарисованными контурами островов и континентов. Внутри вела дверца. Нагнув голову, Петр шагнул в чрево огромного шара. Там посередине был укреплен столик, вокруг которого шла скамья. А на стенах над головой и под ногами блеснули звезды...

Подали знак — и нарисованное небо стало вращаться, повторяя движение истинной небесной сферы.

Царю очень понравился глобус, и голштинцы подарили его русским. Если вы будете в Петербурге, пойдите в Кунсткамеру. Там на пятом этаже башни музея по сей день находится Большой академический глобус, построенный русским мастером Тирютиным вместо Готторпского, который погиб во время пожара.

К открытию Парижской выставки в XIX веке французские мастера изготовили глобус диаметром больше двенадцати метров и установили его в специальном павильоне. Глобус вращался со скоростью Земли, и перед очарованными зрителями проплывали леса и пустыни, горы и океаны... Правда, в конце девятнадцатого столетия на Земле оставалось еще немало «белых пятен», то есть мест, которые не были исследованы и изучены людьми.

Но о них мой рассказ позже.

От глобуса к карте

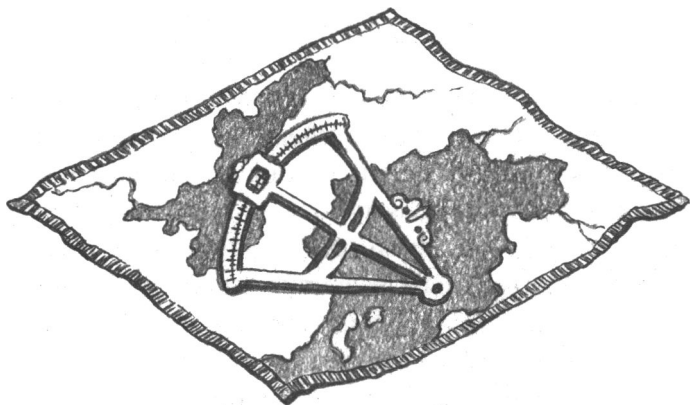
В XV веке наступила на Земле эпоха великих географических открытий. Отчалив от родных берегов, поплыли парусники через океаны. Невероятной смелости были эти предприятия.

Посудите сами. Прежде всего европейские моряки не умели ориентироваться в открытом море. Как определить стороны света, они, конечно, знали. А вот чтобы вычислить высоту солнца в полдень над горизонтом, им обязательно надо было пристать к берегу.

Интересно тогда прокладывали путь штурманы и капитаны. Надо было, к примеру, отправиться от берегов Португалии или Африки на острова в океане. Так вот, сначала корабль шел точно на север или на юг вдоль берега. И только когда солнце оказывалось в полдень на известной высоте, капитан давал команду повернуть к западу.

Если вы играете в шахматы, то, наверное, заметили, что такой способ плавания по морям очень напоминает ход коня по шахматной доске.

Между тем у арабских мореплавателей уже давно была в ходу астролябия — прибор, позволяющий измерять высоту солнца, не приставая к берегу.

В конце концов, освоив нехитрые навигационные приборы своего времени, люди повели корабли через океан. Тут-то капитанам и понадобились географические карты больших пространств.

Засуетились тогда ученые-географы. Принялись думать, изобретать новые способы изображения шаровой поверхности на плоскости. Привлекли великих математиков к этой работе. Стала по-настоящему развиваться наука о создании географических карт — картография.

Помните, я говорил о разрезанной на полоски и похожей на лапшу географической карте? А ведь такие были. Их чертили на узких клиньях, как будто содранных с глобусов. Но конечно, это был не метод. Впрочем, среди картографов до сих пор нет единогласия в том, как лучше чертить карты.

Одни считают, что главное — не исказить углы между меридианами. Такие карты удобны в открытом море. Другие уверены, что следует сохранять неискаженными очертания стран и континентов.

Третьи составляют свои карты так, что они дают правильную картину или правильный масштаб в одном каком-нибудь, главном для этой карты направлении.

Много способов изображения земной поверхности на плоскости существует сегодня.

Картографы учитывают главные требования заказчика и выбирают проекцию в зависимости от того, для каких целей предназначается карта, каков ее масштаб и кто и как будет ею пользоваться.

О чем спорили космографы

Ни в какие времена люди не хотели отправляться в путь, ничего не зная о том, что их ожидает. И потому для первых путешественников были очень важны предположения и гипотезы ученых — географов, астрономов и математиков, которых называли в те времена космографами. Но еще важнее оказались их идеи для будущего развития науки о Земле.

Главная из них — представление о шарообразности нашей планеты. К такой мысли и прийти людям было не просто, но еще сложнее с нею согласиться. Корабли еще не выходили в открытый океан, а караваны не решались пересекать бескрайние пустыни без дорог, опасаясь заблудиться и погибнуть. Для коротких же поездок представление о плоской Земле было куда удобнее, чем о Земле-шаре. И постепенно люди забыли великое учение.

Но истина не умирает!

Прошло время — поплыли корабли по океанам. Все дальше и дальше уходили они от своих берегов. Наконец ушли на запад, а вернулись домой с востока. Тут уж хочешь не хочешь, а признать приходится: Земля — шар!

Ну что же, шар так шар. Только пусть самый лучший, самый ровный, круглый как мячик...

Решил однажды английский ученый Исаак Ньютон проверить фигуру Земли. Такая ли уж она идеально круглая? И что бы вы думали? По всем расчетам, основанным на точных законах, получалось, что земной шар должен быть сплюснут у полюсов.

Но в это же время французские астрономы, которые всегда ревниво относились к успехам своих английских коллег, рассчитали и получили совсем другую форму. «Не сплюснута Земля у полюсов, а вытянута», — твердили они, ссылаясь на свои измерения.

Победил в споре Ньютон. Посланные в разные места экспедиции доказали, что полярный радиус нашей планеты примерно на двадцать один с половиной километр меньше радиуса экватора. Как же назвать такую фигуру? Решили окрестить ее эллипсоидом. Вы, наверное, знаете, что в геометрии эллипсоидом

называют поверхность, которая образуется, если сплюснутый круг — эллипс — начать вертеть вокруг малой оси. Теперь все пошло хорошо.

Но вот в космос взлетели первые спутники. Ученые всегда внимательно наблюдали за тем, по какой орбите движутся они вокруг Земли. И вдруг обнаружилось, что над Северным полушарием спутники словно ныряют. То есть их орбита там проходит ниже, чем над южной половиной. Почему? Долго размышляли ученые, считали. И наконец сделали вывод: не ровный эллипсоид наша Земля, а «корявый». Фигура нашей планеты скорее похожа на грушу с нашлепкой на севере и сплюснутую с юга.

А как назвать такую фигуру? Грушей целую планету не назовешь — неприлично. Придумали слово: геоид! Что означает «землеподобный». Теперь все стало на свои места: «Земля похожа на Землю — землеподобна». Какие бы уточнения ни возникли в будущем, название менять больше не нужно, так что форма у геоида может быть любой, самой сложной.

С Землей-шаром связана и еще одна интересная гипотеза. Выдвинул ее сирийский астроном и математик Посидоний, живший примерно между I и II веками до нашей эры, то есть больше двух тысяч лет назад.

Посидоний разделил земной шар на девять географических поясов: на крайнем севере и на крайнем юге — нестерпимо холодные и потому необитаемые. А посередине, у экватора, — нестерпимо жаркие и тоже необитаемые. Люди, по мнению сирийского ученого, могли жить только в умеренных климатических зонах.

На первый взгляд, казалось бы, ничего удивительного в таком делении нет. Ведь сегодня мы тоже изучаем географические пояса. Только не девять, как у Посидония, а тринадцать. Однако сочинение сирийца на долгое время отбило у европейских мореплавателей желание проникнуть из Северного полушария в Южное. Никто не хотел добровольно изжариться на нестерпимо горячем экваториальном солнце. А ведь именно это обещал смельчакам Посидоний.

А возьмите знаменитый спор философов: «Земля находится в океане или океан в Земле?» Если Земля — в океане, то мо-

рем можно добраться до любой части света. А если океан — в Земле? Тогда лучше снаряжать сухопутные экспедиции.

Много лет сторонники первой точки зрения искали путь из Европы в Азию по океану. Те же, кто придерживались мнения противоположного, уходили все дальше на юг в поисках Южного континента, который там, по их мнению, должен был быть.

В конце концов и те и другие оказались правы. Одни путешественники из Европы добрались водным путем до Азии. Другие отыскиали за Южным полярным кругом Антарктиду. Именно споры и противоположные мнения во многом помогли этим поискам.

Не менее важной для развития всей науки, в том числе и географии, оказалась идея философа Гераклита из города Эфеса. Жил он очень давно, еще в V веке до нашей эры. И уже тогда уверенно говорил, что ничто в мире не остается в покое, а, наоборот, «все течет, все изменяется».

А это означало, что должны меняться не только день и ночь, не только вода в реке, но и земля и небо, природа и общество.

Очень страшным казалось такое утверждение многим людям. Тем, кто мало знает, кто не любит учиться и узнавать новое, гораздо спокойнее верить, что Земля всегда была такой, какая она есть, и такой же она и останется. Вот и старались многие позабыть Гераклита. Скрыть его учение от людей. Но это не удалось!

Много прекрасных идей и гипотез выдвинули античные философы и географы. Но все они были введены по догадкам, по предположениям, без проверки на опыте, то есть умозрительно.

А такие догадки — как сказки. Слушать их интересно, но практически использовать невозможно. Никакая теория без практики не проживет долго. Ее нужно подтвердить опытом, утвердить и передать в пользование человечеству. А для этого науке нужны не только философы — любители мудрости, но и путешественники-практики. Должно было наступить их время. И оно наступило.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КАК ОТКРЫВАЛИ ЕВРОПУ

На земле Эллады

Греция — гористая страна с очень изрезанным берегом и массой бухт и островков. Склоны гор сбегают и поднимаются во всех направлениях, образуя между собой небольшие долины. Многие долины имеют выход к морю. В этих-то долинах, у подножия склонов, в разумном удалении от морского берега — чтобы избежать наводнений и нападений пиратов — и построили древние греки свои первые города. Давайте поднимемся вместе с пастухом, который пасет коз, на выжженный склон одной из невысоких гор на полуострове Пелопоннес.

В узкой долине окруженные полями теснятся деревни. В середине на холме или у подножия горы возвышаются стены укрепления. Нечто вроде городка. Все очень маленькое — по нашим представлениям. И народу в такой долине немного. Но тем не менее перед нами полис — отдельный самостоятельный город-государство Древней Греции со своим политическим строем, своим народом и заботами.

Странно звучит такое словосочетание, не правда ли: город-государство... Мы привыкли, что в государстве должно быть множество городов. В древности это было не так. Почти в каждой стране можно найти упоминание о городах-государствах,

городах-республиках. Венеция и Флоренция в Италии, Любек и Гамбург в Германии, Новгород и Псков у нас...

Греческие полисы почти непрерывно воевали и грабили друг друга. А если случайно не было войны с соседями, то почтенные горожане дружно отправлялись в разбойничьи набеги на соседей или на более далекие земли и государства. После удачных набегов предводители забирали себе, конечно, львиную долю добычи и рабов.

Рабство было основой хозяйства, основой экономики древних государств. Почти все свободные граждане полиса имели рабов, которые занимались домашней, а также самой тяжелой и грязной работой. Дома дробили и мололи зерно, стряпали. Под надзором хозяек рабыни пряли, ткали и шили одежды. Под бичом надсмотрщика рабы добывали руду, рыли каналы, участвовали в строительных работах. Они были подсобной силой. У рабов не существовало никаких прав, даже имен. Чаще всего, чтобы отличить одного от другого, им давали клички по названию родины...

Ремесло работорговца было чрезвычайно распространено в античном мире и даже считалось почтенным. Захватив город противника, победители чаще всего убивали взрослых мужчин и стариков, а детей и женщин уводили в плен. Пленных варваров продавали. Варварами греки называли всех чужеземцев без исключения. Не понимая чужого языка, греки передразнивали иноземцев: «Барбарбар...» Отсюда и пошло название «варвар».

Воюя друг с другом, греки редко забирали в плен и продавали в рабство своих же соотечественников. Не потому, что было совестно. Просто существовало мнение, что из греков получались плохие рабы, и потому стоили они на рынках дешево.

Путешествие Геродота в скифские земли

Однажды ярким солнечным утром, примерно две с половиной тысячи лет тому назад, накануне больших праздников, в Пирее — в гавани знаменитого древнегреческого города Афины — бросил якорь корабль, который назывался в те времена триерой. Что же он собой представлял?

Длинный черный корпус с тремя ярусами весел по каждому борту. У каждого весла — свой гребец-раб. На корме триеры высилась голова деревянного лебедя, а на остром носу далеко вперед выдавался грозный таран в виде крокодила, окованного бронзой.

Пока матросы убирали снасти, на берег в сопровождении рабов сошел пассажир. Загорелый и статный, одетый в белую тогу с ярко-синей каймой, он выступал важно. Значит, был человек с достатком.

Портовые зеваки, раскрыв рты, глядели, как рабы выгружали с корабля багаж незнакомца. Еще бы не удивляться! Кажется, вся его поклажа состояла из бесчисленных свитков исписанной бумаги. Словно человек привез с собой целую библиотеку. Но если бы эти бездельники умели читать, они удивились бы еще больше, потому что все свитки исписала одна и та же рука. То были записки путешественника о его странствованиях и размышления историка о судьбах народов, которые он повидал. Звали автора — Геродот.

В Афинах приезжий обратился к городским властям и попросил разрешения в предстоящие праздники публично прочитать на городской площади отрывки из

своих сочинений. Отцы города удивились. Вообще-то в Древней Греции существовал такой обычай — читать на площадях вслух. Но, как правило, читали стихи или поэмы. К тому же в таком городе, как Афины, на публичное выступление решались только самые знаменитые поэты. А тут какой-то неизвестный провинциал собирается угостить избалованных афинян презренной прозой?.. Жители великого города были оскорблены.

В назначенный день они все-таки собрались на площади. Но у многих в сумках и узелках лежали гнилые фрукты — ими они собирались попотчевать самоуверенного чтеца.

И вот на возвышение поднялся Геродот. Он развернул первый свиток и приступил к чтению... Никогда древним афинянам не приходилось слышать ничего более удивительного. От одного отрывка к другому разворачивалась перед ними целая энциклопедия народов, не только населяющих соседние земли, но и живущих так далеко, что никто из присутствующих и представить себе не мог.

А Геродот все читал и читал бесхитростные рассказы о тех краях, в которых побывал сам или о которых слышал от других. А побывал он во множестве мест, объехал огромное пространство. Геродот жил в Вавилоне и Ассирии. Вместе с египетскими воинами поднялся он вверх по течению Нила в места, не известные даже самим жителям этой древней страны. Затем путешественник объехал всю Малую Азию и Северное Причерноморье, где находились самые северные греческие города-колонии, граничащие с землями таинственных скифов.

Это было путешествие, беспрецедентное по смелости. Вместе с купцами на корабле он проплыл Геллеспонтом, счастливо избежал нападения пиратов, переправился через Понт Эвксинский и высадился на берегах Таврики (так называли в те времена Крымский полуостров). Это был самый край Ойкумены, как называли греки известные им населенные земли. Дальше шли степи диких скифов и сарматов, о которых никто почти ничего не знал. И Геродот решает собрать все, какие только можно, сведения об этих неизвестных народах. Тем более что в одной из битв воинственные скифы разбили даже могучих персов — извечных врагов греческих городов-государств.

Высадившись в Ольвии — черноморском греческом поселении, расположенном на берегу Бугского лимана, Геродот начинает завязывать знакомства с местными жителями. Здесь он знакомится со скифом по имени Тимн, доверенным лицом скифского царя. Много интересного рассказал Тимн греческому путешественнику. Особенно поразили Геродота размеры территории, по которой кочевали скифы. «Страна скифов представляет собой богатую травой и хорошо орошаемую долину... — писал он в своих записках. — У скифов нет ни городов, ни укреплений, и свои жилища они возят с собой. Все они конные лучники и промышляют не земледелием, а скотоводством, их жилища в кибитках».

Впрочем, не все скифы непрестанно кочевали вслед за своими стадами. Геродот перечисляет разные скифские племена, главными среди которых были так называемые царские скифы. Они жили по левому берегу Днепра. На правом берегу обитало другое племя скифов-кочевников. Еще Геродот называет скифов-земледельцев, эллино-скифов, скифов-пахарей...

Во время поездки Геродота все эти племена находились в самом расцвете. Но путешественник познакомился лишь с небольшой их частью, занимавшей Северное Причерноморье.

А сегодня ученые-археологи находят предметы, принадлежавшие некогда скифам, на огромном пространстве от берегов Дуная и до Великой китайской стены. На семь тысяч километров протянулась эта полоса. И тем более невероятной представляется трагическая судьба некогда могучего народа... Но знать ее Геродот еще не мог.

Пока он читал свои записки, слушатели и думать позабыли о гнилых фруктах. Все тихо стояли на городской площади, боясь пропустить хоть одно слово из рассказов историка.

Уже при свете факелов усталый путешественник свернул последний свиток, и афиняне разразились овациями.

Они потребовали, чтобы власти наградили Геродота такой премией, какую не получал еще ни один поэт. И никто не посмел отказать народу.

На полученные деньги Геродот мог бы построить себе дом в Афинах и спокойно жить, предаваясь воспоминаниям.

Но вместо этого, поблагодарив за оказанную честь, неутомимый историк вскоре опять отправился в путешествие. Теперь вместе с несколькими видными афинянами он поехал на юг Италии, чтобы основать там новую колонию.

Много воды утекло с тех пор. Но из века в век ученые неизменно называют Геродота «отцом» истории, потому что именно он оставил нам первое историческое произведение о важнейших событиях того времени.

Записки Геродота обладают не только исторической ценностью. В них множество сведений о землях, в которых побывал путешественник, и о народах, с которыми он познакомился. Поэтому древнегреческого путешественника вполне можно назвать и «отцом» географии, и «отцом» этнографии. Потому что именно эти науки изучают Землю, а также жизнь и культуру населяющих ее народов.

Путешествие Пифея за солнечным камнем

Когда греческие купцы стали постепенно вытеснять финикийцев с побережья Средиземного моря, на месте заброшенного финикийского поселения они основали греческую колонию Массалию. Благодаря выгодному положению и прекрасной защищенной гавани, колония привлекала к себе многих. Селение разрасталось, богатело, и скоро Массалия стала независимой. Но торговле местных купцов мешал Карфаген. Жадные пунийцы, как называли римляне карфагенян, захватили города у самого выхода из Средиземного моря в Атлантический океан и не пропускали чужие корабли. Массалийские купцы до слез расстраивались, видя, какие доходы получают их соперники от северной торговли оловом — самым важным металлом Древнего мира.

Правда, время от времени с гор к Массалии тоже спускались отдельные отряды северных варваров. Они приносили с собой золото, «оловянную руду» и величайшую редкость для обитателей Средиземноморья — солнечный камень, янтарь! Убедившись в неприступности массалийских стен, варвары начинали обмен. Однако добровольных приношений было так

мало! Вот если бы наладить регулярную торговлю... Но как перехитрить бдительных пунов?

И однажды на высшем совете Массалии было принято решение: снарядить, не скупясь, экспедицию, которая в обход карфагенских крепостей и гарнизонов найдет путь на север. Пусть она проникнет в самое сердце диких кельтских племен и найдет дорогу к олову и янтарю. Вот только кто бы мог возглавить отряд? Повести его так, чтобы и задание выполнить, и тайну сохранить, дабы не пропали даром купеческие деньги, затраченные на поход.

О том, чтобы самим отправиться в путь, богатые массалиоты и думать не хотели. С севера город окружали непроходимые горы, страшные леса, а главное — многочисленные варварские племена, объединенные названием «кельты».

На самом деле эти народы вовсе не были такими «дикими», как о них говорили спесивые греки. Они уже давно обрабатывали землю тяжелыми плугами, каких не знали во многих греческих колониях. Разводили скот, умели плавить металлы, делать стекло и керамику, мять кожи. На территории современной Франции, Швейцарии и Чехии у них были города-крепости. А каждая родственная община владела своим округом. Поход к кельтам был опасен...

И все-таки подходящий человек на должность предводителя в Массалии нашелся. Звали его Пифей. Он немало поездил по белу свету, написал несколько научных сочинений и был небогат. То есть как нельзя лучше подходил для задуманного дела. Даже то, что он не был богат, говорило в его пользу. «Значит, не будет и строптив», — рассуждали купцы.

Члены совета тут же послали за Пифеем. Стражники привели ученого и вышли, затворив дверь. О чем говорили на совете и какой был выбран маршрут — тайна. Просто некоторое время спустя Пифей и еще несколько массалиотов исчезли, и никто не знал, куда они отправились.

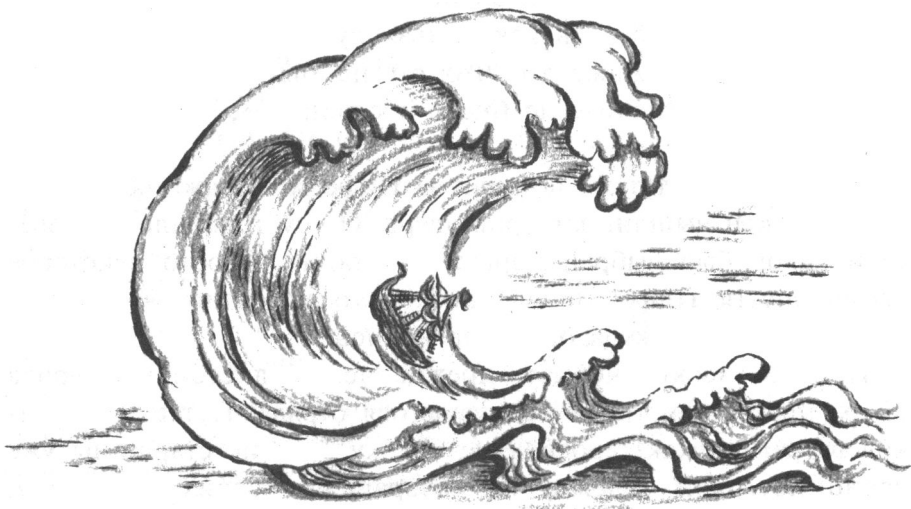
Прошло несколько лет, прежде чем под стенами города вновь прозвучали трубы вернувшегося отряда. Путешественников встретили как героев. Еще бы, купеческие старшины уже давно потеряли надежду на возвращение своих капиталов,

а родственники пропавших людей оплакали их гибель. И все-таки Пифей вернулся.

После торжеств те же стражники в бронзовых латах проводили его с почтением в пустой дом, заперли и встали у дверей караулом, чтобы никто из любопытных сограждан не подглядел, чем занимается их почетный пленник. А Пифей описывал свои странствия...

Каждый день рабы исправно приносили ему еду и вино. Каждый день меняли масло в светильниках. И каждый день в сумерки приходили нетерпеливые старшины справиться: не готов ли отчет? Наконец длинный свиток, исписанный мелким почерком, лег на стол городского совета. Купцы внимательно изучили все, что написал путешественник, и спрятали его отчет в тайном архиве. А по городу поползли слухи, что Пифей лгун и обманщик. Нет, конечно, никто из купцов не рассказывал о маршруте, по которому прошел отряд. Они лишь иногда проговаривались об удивительных явлениях, описанных путешественником.

«Подумайте, — возмущенно говорили старшины, — этот человек утверждает, что во время бури он видел волны высотой до шестидесяти локтей... Кто может поверить такому преувеличению! Он уверяет, что добрался до таких мест, где море свернулось и его вода тверда и холодна. Что воздух там похож на густую смесь в виде морской пены, а солнце только на два ча-

---

са прячется в воды океана, давая отдых дню. Может ли такое быть?!»

Так и умер Пифей с позорной кличкой лгуна. А секретный его доклад триста лет пролежал в пыльном архиве Массалии, пока воинственные римляне не захватили и не разграбили город. Тогда свиток, исписанный рукой путешественника, попал к одному из римских историков, который и обнародовал кое-что из него.

Но и сегодня никто не знает точно, как пробивался отряд Пифея на север. Одни считают, что, обманув пунов, корабли массалиотов вышли за Геркулесовы столбы и там повернули на север вдоль побережья Иберии, как называли тогда Пиренейский полуостров. Другие придерживаются иного мнения о маршруте.

Скорее всего, что, отыскав проводников, Пифей сначала пробрался со своим отрядом через горы, вверх по реке Роне до Луары к большому торговому городу варваров. Там, наняв корабли и захватив с собой новых проводников, Пифей отправился дальше на север.

Он писал в отчете, как вышел в туманное Северное море и как сорок дней и ночей плыл вокруг главного острова страны, населенной бриттами. Будто бы остров этот имел треугольную форму и за свои белые скалы получил название Альбион. Здесь туземцы занимались земледелием и добывали в штольнях оловянный камень. За этим-то товаром и приходили сюда сначала финикийские купцы, а потом карфагеняне. Еще дальше на север лежала самая крайняя земля. Пифей назвал ее Ультима Туле. Но плавание кораблей в тех местах совершенно невозможно.

От земли Туле они повернули назад и вышли в мелкое море, где на острове Абалус обитало племя германцев. Каждую весну на низкие песчаные берега острова волны выбрасывают множество разноцветного янтаря. Местные жители собирают его и жгут в своих очагах вместо дров, которых на острове не хватает. Самые большие и красивые куски янтаря они продают или обменивают с соседними племенами. Сам же янтарь вовсе не свернувшиеся от холода солнечные лучи, как говорят некоторые философы, а просто смола древних деревьев, окаменевшая от долгого хранения в земле. Так писал Пифей...

Купеческие старшины узнали путь на север — к олову и янтарю. А чтобы другим неповадно было им воспользоваться, приоткрыли тайну над чудесами, рассказанными Пифеем, объявив рассказчика лгуном.

Прошло много лет. Другие путешественники прошли теми же путями, что и Пифей. Их рассказы полностью восстановили доброе имя древнегреческого землепроходца. Все, о чем он писал, оказалось правдой. Вот только остров Абалус никто так и не смог нигде найти. То ли Пифей ошибся, то ли остров исчез. Так ведь тоже бывает на нашей Земле. Кто теперь установит истину?..

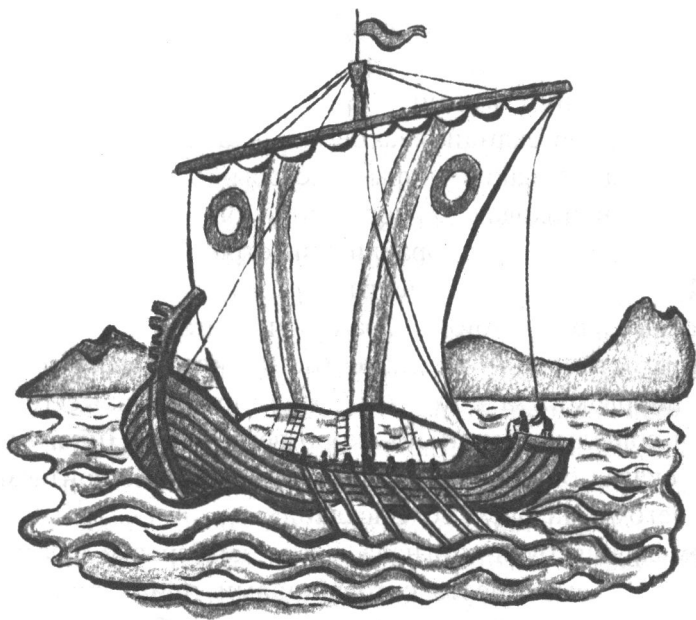
О том, как разбойники-викинги открывали земли

Далеко на севере Европы лежит гористый Скандинавский полуостров. Множество лесов и озер, множество порожистых рек, тундры и болота покрывают его земли. Ни климат, ни природные условия не благоприятствуют земледелию. Да и земли, способной родить хлеба, здесь немного. Оттого, наверное, испокон веку занимались скандинавы морским промыслом, а то и разбоем. Тем и торговали с соседями. Норманны, северные люди — так называли морских разбойников-викингов жители европейских берегов.

Суровые условия жизни выработали среди скандинавских племен жестокие обычаи. Хозяйство наследовал только старший сын. Младшие дети после смерти отца оказывались без крова и должны были собственными силами добывать себе пропитание. Для большинства это означало уходить в море. Но и оно не могло прокормить всех обездоленных.

Постепенно в длинных скалистых фиордах собиралось столько изгнанников, что сбивались из них буйные ватаги. С детской доверчивостью слушали люди с железными характерами рассказы бывалых товарищей: о богатых и беспечных городах на теплом юге, об удачных походах и славной добыче. А кто в Скандинавии не умел строить корабли — быстроходные дракары (драконы) и носить оружие?

В бурю и ветер, когда все корабли старались укрыться в защищенных бухтах, норманны поднимали на своих судах пол-

ные паруса. «Буря, — пели они, — помогает рукам наших гребцов, нам служит ураган и несет нас куда хотим...»

Как вихрь налетали «морские волки» на чужие берега. «Норманны, норманны!!!» — в ужасе кричали местные жители. Горожане затворяли ворота города, захлопывали ставни и двери. Всяк вооружался чем мог...

А разбойники уже в гавани. Уже их корабли с высоко задранными носами у самых причалов. По команде предводителя-конунга воины лавинами скатываются с палуб и устремляются в улицы. Начинается разбой. Всяк, кто стал на пути викинга, — уже мертв. Норманны тащат все, что представляет хоть какую-то ценность. Жителей, оставшихся в живых, сгоняют на корабли. Через несколько дней на невольничьих рынках будет хороший торг...

Разбойничьи дружины норманнов-викингов наводили ужас на жителей всех прибрежных стран. Они совершали набеги на Англию и Ирландию, ходили к берегам Германии и Франции. Обогнув на быстроходных дракарах Пиренейский полуостров, они заходили в Средиземное море и грабили не только острова, но и прибрежные города королевств франков и Италии. Порою пиратские экспедиции проводились с таким размахом, что напоминали настоящие нашествия. Это время в истории Евро-

пы так и называется: «эпоха викингов». Христианские писатели старались представить норманнов кровавыми дикарями, не знающими ни истинного Бога, ни законов. А между тем в эпоху викингов скандинавские скальды сложили немало прекрасных песен. А какие мифы рассказывали вечерами старики, побывавшие в походах. У норманнов была письменность, немало художников, а уж корабли они строили так, как никто не умел. И торговали всегда честно...

Однажды буря прибила корабль викинга Наддода — жителя Фарерских островов — к неизвестной земле. Берега ее были изрезаны фиордами, за которыми высились снеговые горы. Наддод один сошел на берег, но скоро вернулся. «Ничего интересного, — сказал он своим спутникам, — земля необитаема и покрыта снегом. Назовем ее Снееланд».

Потом другая буря отогнала к тем же берегам судно викинга Гардара, и ему вместе с товарищами пришлось зазимовать на незнакомом берегу. Смелые норманны обошли незнакомую землю кругом и увидели, что это остров. Большой и вовсе не такой уж неприятный. Там росли хорошие леса, было много пастбищ, покрытых сочной зеленой травой, и полным-полно привольных охотничьих и рыболовных угодий. А что еще человеку нужно?..

Рассказы спутников Гардара побудили многих обедневших норвежцев задуматься о переселении на новые, никем не занятые земли. На поиски путей к Снееланду вышел «морской король» — конунг Флоки. Он вышел из Норвегии и взял путь сначала на запад, на Шетландские, а потом Фарерские острова, заселенные соотечественниками. И только миновав крайний из двадцати двух клочков суши, составлявших этот небольшой архипелаг, Флоки приказал повернуть севернее.

Легенды рассказывают, что, не зная, куда плыть, конунг взял с собой трех воронов. И когда Фарерские острова скрылись за кормой, выпустил первую птицу. Но она улетела обратно на юго-восток. Некоторое время спустя Флоки выпустил второго ворона. Но тот полетал-полетал и вернулся на корабль. Зато третий ворон улетел точно на северо-запад и не вернулся. В той стороне викинги и нашли далекую страну — Снееландию.

Трудной была зимовка на необжитом берегу. Зима выдалась суровая. Скот, привезенный из Норвегии, не мог пробить корку льда и добыть себе корм из-под снега. На рыбную ловлю мешали выходить льды, забившие фиорды.

Не понравилась новая земля конунгу. «Это проклятая страна, она вся покрыта льдом, — говорил он товарищам. — Пусть же и зовется она ледяной страной — Исландией». И хотя дружинники Флоки не соглашались с мнением своего предводителя, это название за островом так и осталось до наших дней.

Вернувшись на родину, викинги наперебой хвалили новые земли. И тогда стали собираться в путь первые переселенцы. Во главе экспедиции стали два отчаянных викинга, два побратима — Ингольфр Арнарсон и Лейф. Оба они за совершенные убийства должны были по приговору народного собрания — тинга — «по истечении трех зим» покинуть Норвегию. Тяжелое наказание. Но покинуть так покинуть. Собрали братья людей, погрузили их со всем скарбом и припасами в свои пузатые корабли — кнорры — и подняли паруса.

Нелегким был переход. Жалобно мычали коровы, качаясь на свирепых волнах в темных чревах вместительных кнорров. Били копытами лошади. Визжали свиньи. По утрам, когда стихал ветер, далеко по морю разносилось пение петухов.

На норвежских судах не было ни кают, ни коек. Мужчины и женщины, старики и дети спали прямо под открытым небом на досках палубы, забравшись в меховые спальные мешки. Не готовили в походах и горячей пищи. В корме были сложены мешки с рожью и ячменем, лежала соленая рыба, копченая свинина и козий, остро пахнущий сыр. Чтобы не заболеть цингой, опытные мореплаватели брали с собой много лука, брусники, клюквы и кислых диких яблок.

По дороге Лейф «заглянул» в Ирландию. Налетел на прибрежные селения и пригнал на корабль целую толпу мирных жителей, обращенных в рабов. Пригодятся вестманны в хозяйстве. (Норманны называли ирландцев западными людьми, то есть вестманнами.)

У берегов Исландии корабли разлучились. Ингольфр сразу высадился на низменном юго-восточном берегу. А Лейф поплыл дальше. Несчастливым оказалось для него это плавание.

Он так жестоко обращался с захваченными рабами-ирландцами, что те взбунтовались. Убили Лейфа, убили всех мужчин-норвежцев и высадились на небольшом островке у южного берега Исландии.

Трудно сегодня во всех подробностях восстановить дальнейшую историю. Как узнал Ингольфр о судьбе своего побратима? Но однажды к острову вестманнов пристал его корабль, полный вооруженных людей. Норманны перебили всех ирландцев до одного. И ушли с острова. Но и в своем углу не остались. Через три тяжелые зимы перебрался Ингольфр со всеми переселенцами на новое место, на более теплую юго-западную оконечность Исландии.

Здесь мужчины, вооружившись топорами, построили предводителю первый дом. Ингольфр зажег по обычаю от домашнего очага толстый факел и что было силы побежал с ним по кругу. Он бежал и бежал, пока факел не погас. И следы обозначили границу его земли в поселке, названном Рейкьявик, что означало «Дымящаяся бухта».

Местность, в которой был заложен поселок, ставший к нашему времени главным городом страны, была малопродуктивной. Но она лежала на берегу никогда не замерзающей бухты, и из земли там было столько горячих источников, что часть города отапливалась их теплом.

Про походы новгородских ушкуйников

Немалый урон наносили лихие разбойники — викинги мирным земледельцам — финнам, латышам и славянам, которые жили по восточным берегам Балтийского моря. Опережая других западных европейцев, проникали норманны на своих кораблях-дракарах в устья могучих рек, покрывавшихся на долгий зимний срок толстым льдом. С ранней весны и до поздней осени не было покоя местным жителям от пиратов. То скот пограбят, то деревни пожгут. Людишек, кого поймают, в полон угонят. А еще запирали они выход в Варяжское море русским купцам. Грабили викинги и иноземных гостей, направлявшихся в восточные земли.

Наверное, для того чтобы заслонить древние торговые пути, и срубили славяне в самом устье гостевых дорог, у Ильмень-озера, городище. Хорошее место выбрали. С севера защищали город волховские пороги. С запада загорождался он непролазными лесами. А с юга да с востока лежали болота... Господин Великий Новгород — величали его люди.

Был Новгород боярской республикой. Правили в нем богатые бояре. Они созывали народ на вече, приглашали к себе на службу князя с дружиной, а если князь новгородцев не устраивал, они могли его и прогнать.

Неважные земли окружали боярскую республику. Хлеба урождались скудные; а что поднималось веснами от черной пахоты, то часто губил мороз. Да и травы были не такие обильные, как в степных районах. Оттого и скота держали новгородцы мало.

Чем же жили? С незапамятных времен занимались жители этих мест пушным да зверобойным промыслом. Ходили на север по берегам северных рек, «угодных и обильных» пушным зверем, и птицей, и рыбой.

Добытые припасы отправляли новгородцы в низовье — на Среднюю Волгу, в русские княжества. А оттуда шел к ним поток хлеба, скота и других товаров. Низовые княжества хорошо покупали и заморские товары, которые привозили в Новгород ганзейские купцы по Балтийскому морю. Увозили же они в Западную Европу все, что ни доставляли, и с севера, и с юга.

Когда первые новгородцы пробрались на север, точно никто не знает. Было это больше тысячи лет назад. Уже тогда шло от Великого Города несколько разведанных путей в северные земли. Как наладят по весне боярские ли холопы-сбои или другие

какие гулящие люди на волховском берегу ладьи-ушкуи, как собьются в ватаги — тут и путь выбирают. Кому какой по душе, кому какой лучше ведом. Одни спускались вниз по Волхову, пробивались через пороги и выходили в Нево-озеро, нынешнюю Ладогу; из него рекой Свирью попадали в Онежское озеро. Шли его восточным низким берегом от погоста до погоста к Водле-реке. А потом по ней, по ее притокам в Кен-озеро. Отсюда неведомыми протоками по малоприметным речкам добирались кто до Онеги-реки, кто до Северной Двины. И уж по ним, по их полноводью выходили в Белое море. От Онежского озера, от Онеги-реки, как пальцы руки, расходились на север разведанные дороги.

Другие ушкуйники выбирали северо-западный путь. От новгородского городка Карелы на западном берегу Ладожского озера на Корельский берег Белого моря, в «дикую лопь». За ушкуйниками двигались в северные земли и мелкие промышленники и переселенцы. Места на севере было много, а людей — мало. Местные жители карелы и саамы учились у пришедших сюда русских крестьян земледельчеству. Русские перенимали навыки местных жителей и становились ловкими

охотниками и зверобоями. Боярские же холопы, ушедшие на ушкуях, грабили одинаково как своих, так и иноверцев.

Чем больше селилось людей в северных краях, тем меньше становилось в них пушного вольного зверя. В погоне за ним все дальше и дальше на север и северо-восток уходили охотники, уходили и первопроходцы-ушкуйники. Так, передвигаясь от реки к озеру и к другой реке, перетаскивая волоком по мхам и болотам тяжелые лады, открыли ушкуйники богатый крайний северо-восток Европы, бассейн реки Печоры. В те времена этот район назывался Подкаменная Югра. Потому что Камнем наши предки называли Уральский хребет. А «югрой» обозначали все племена, жившие между Печорой и Нижней Обью, по обе стороны Уральских гор.

Постепенно ватаги новгородских ушкуйников росли. Не раз печорские и югорские данники встречали их оружием, и тогда многих ратников и воинов-кметей недосчитывались в новгородских «концах» и посадах.

Огромную территорию захватила Новгородская феодальная республика. Вассалами Новгорода были такие города, как Старая Русса, Ладога, Торжок, Корела, Орешек. Долгое время в зависимости от Новгорода был Псков с пригородами. Но для простых людей — а таких было большинство — жизнь в боярской республике была нелегкой. Всего три-четыре десятка именитых боярских фамилий владели половиной всех новгородских земель. Огромные богатства сосредоточились в руках патриарха и у монастырей. Простое же население несло на себе всю тяжесть податей и государственных повинностей. Потому так часто и вспыхивали ссоры то между жителями соседних улиц — уличанами, то между кончанами, населявшими один из пяти новгородских «концов».

С XIV века начинаются попытки Москвы и Великого княжества Литовского сначала переманить Новгород на свою сторону, а потом и просто присоединить его со всеми землями к себе. Бояре разделились. Одни хотели податься под власть Литвы, другие тяготели к Москве. После долгой политической борьбы в 1478 году Новгород был окончательно включен в состав Русского государства. Новгородская феодальная республика перестала существовать.

Путешествия в Московию

В моем рабочем кабинете на второй полке тяжелого шкафа стоят старые книги в кожаных переплетах с длинными-предлинными названиями. Это записки иностранных путешественников — тех, что первыми посетили только-только образованное и скинувшее с себя татарское иго Русское государство. Вот воспоминания фламандского рыцаря, который служил в Пруссии и Ливонии и в 1413 году посетил Новгород. Звали его Жильбер де Леннуа. А вот книги двух венецианцев. Один

из них в середине XV века ездил в Азов, а другой немного позже пересек южные степи, направляясь к царю Персидскому. Тесно прижавшись друг к другу, стоят на ребре толстые книги, снабженные многими рисунками. Это воспоминания дипломатов. Потом идут книги английских и голландских купцов...

Но самое подробное и самое интересное сочинение принадлежит Сигизмунду Герберштейну — послу деятельного и коварного германского императора Максимилиана Первого. У книги его воспоминаний тоже длинное и трудное название, вполне в духе своего времени: «Записки о московитских делах Сигизмунда вольного барона в Герберштейне, Нейберге и Гюттенгаге. Кратчайшее описание России и Московии, которая ныне состоит ея столицею...» и так далее, и тому подобное — еще целых семь строчек. Пожалуй, эта книга — самый первый более или менее достоверный очерк о нашей стране. Конечно, здесь тоже немало неточностей,

а то и просто выдумок, записанных автором с чужих слов. Но у Герберштейна они встречаются все-таки реже, чем у других.

Вместе с его посольством я и предлагаю вам совершить путешествие и посмотреть на нашу Родину глазами жителя Западной Европы XVI века. Посольство, в котором мы с вами решили принять участие, собралось в путь в 1517 году. К этому времени русские войска освободили от литовцев свой старый город Смоленск и значительно расширили территорию государства за счет последних удельных княжеств и земель, отвоеванных у Великого княжества Литовского. Теперь Великое княжество Московское превратилось в большое и сильное централизованное Русское государство. И это немало беспокоило всех соседей. Литовский король Сигизмунд Первый по прозвищу Старый не мог смириться с потерей Смоленска и пограничных земель. Он пугал ливонцев, уверяя, что русские войска вот-вот двинутся на запад и отберут у ливонских рыцарей земли, населенные славянами и балтийскими племенами. Посылал Сигизмунд деньги и послов с богатыми подарками к крымскому хану, чтобы привлечь того на свою сторону и обратить против России.

Татары были всегда легки на подъем. Их конница совершенно неожиданно появилась под стенами Тулы. А другое войско пошло грабить Путивль... Русские войска отбили разбойничьи набеги. Но земли были разорены, деревни сожжены, люди побиты и угнаны...

А тут еще и литовские войска нанесли русским тяжелое поражение под Оршей, хотя Смоленска и не захватили...

Сразу же германский император Максимилиан, с которым у великого московского князя Василия Третьего был договор против Сигизмунда, раздумал воевать с Литвой. Вместо этого он решил стать посредником мира между Москвой и Краковом, послать посольство, которое бы примирило воюющие стороны.

Вот почему в Вене стал собираться большой посольский поезд из карет и телег. Главным послом император назначил знатного и ловкого дипломата барона Сигизмунда Герберштейна.

«Записки о московитских делах»

Сигизмунд Герберштейн был не только знатен и ловок, но и весьма образован. Тринадцатилетним мальчиком записал его отец в число студентов Венского университета. И три года Сигизмунд прилежно учил латинский язык, а также все науки, которые преподавали ему профессора.

За заслуги в войне с Венецией император Максимилиан посвятил его в рыцари. А познакомившись с ученостью кавалера, сделал членом придворного совета.

Герберштейн побывал с дипломатическими поручениями при дворах многих европейских королей, прежде чем получил назначение ехать в Московию.

Император задумал создать коалицию — политический союз государств против Турции и вовлечь в него Россию. Миссия была тонкая и деликатная. Особенно если учесть, что Максимилиан непременно хотел помирить еще Россию с Литвой и заставить московитов отдать Литве Смоленск.

Кого отправить послом? Сначала выбор пал на епископа из Лайбаха. Но его преосвященство оказался таким трусливым человеком, что пришлось отказаться от его кандидатуры. Правда,

путь в Московию в те времена мог испугать кого угодно, и прежде всего — своей полной неизвестностью. Бывалые путешественники рассказывали такие ужасы о «дикой» стране, о бездорожье, о дремучих лесах с дикими зверями и разбойниками, что отбивали охоту пускаться в путь даже у самых смелых. Тут-то и вспомнил император о своем бароне Сигизмунде фон Герберштейне, который знал славянский язык...

15 декабря 1516 года по мокрым мостовым зимней Вены застучали копыта посольских коней. В окружении всадников ехали кареты, подпрыгивали тяжелые телеги с багажом и подар-

ками. Сопровождаемый напутствиями и слезами, рыцарь-дипломат Герберштейн выступил на восток.

Первый участок пути соединял Вену с Вильной — сегодняшним Вильнюсом — резиденцией польского короля и великого князя литовского Сигизмунда. Здесь десять дней обсуждались условия возможного мира с Россией, после чего посольский поезд выступил на дорогу из Вильны в Москву.

Знаете ли вы, сколько сегодня идет поезд от Москвы до Вильнюса? Часов десять, не больше. Герберштейн ехал почти месяц. Уже в Польше, после благоустроенных немецких городов, соединенных друг с другом мощными дорогами, путешественников встретили грязные грунтовые дороги и бедные маленькие села с убогими постоялыми дворами. И чем дальше на восток, тем дороги становились все хуже, деревни с постоялыми дворами попадались все реже, леса делались гуще, болота — обширнее, а реки — глубже и шире. И почти через каждую речку приходилось стелить свой мост... Наконец дорог не стало вовсе. Глухие лесные края между Литвой и Москвой были страшно разорены войнами и потому совершенно пустынные. Куда ехать? Где остановиться? Кругом ни следа человеческого жилья. Только разбойничьи посвисты не то ветра, не то лихих ватаг. Хорошо, что с посольством Герберштейна ехали московские послы, которые возвращались из Испании. Они не только указывали, куда ехать, но и не раз выручали спутников Герберштейна из очень неприятных ситуаций. Наконец после длительного пути посольство вступило в Подмоскowie. Навстречу выехали встречающие. Проводили в город и отвели на квартиры. Теперь надо было ждать. Чем меньше уважения хотел царь оказать послу, тем дольше длилось время ожидания.

Однако Сигизмунд Герберштейн времени даром не терял. Он поднес кому надо подарки и познакомился с нужными людьми. Всякого, с кем удавалось разговориться, императорский посол жадно расспрашивал о государстве Московском. Его интересовало все: границы и города, реки, торговые пути и народы, населяющие обширную территорию. Все эти сведения барон тщательно записывал, потому что был он не только послом, но, как полагалось, и разведчиком.

Правда, царь приказал боярам зорко следить, чтобы иностранец поменьше знался с русскими людьми. Но разве за делами да заботами за всем углядишь... А Герберштейн охотно знакомился с обычаями и обрядами русских, с их семейной жизнью, привычками и праздниками. И постепенно обнаружил, что большинство из того, что читал в сочинениях путешественников, побывавших до него в этой удивительной стране, — неправда. То ли были это басни и выдумки самих рассказчиков, не знавших Московии, то ли записывали они все подряд, что ни рассказывали им сами русские. А те так любили преувеличивать достоинства и богатства своего государства, что картина создавалась совершенно невероятная.

Наконец попал Герберштейн к царю на прием. И тут его миссия полностью провалилась. Московиты и слушать не хотели о том, чтобы отдать Смоленск. А без него Литва не соглашалась на мир. Да и идея коалиции с императором против Турции не встретила ни у кого поддержки. Так и уехал императорский посол ни с чем восвояси. Однако эта неудача, по видимому, не повредила Герберштейну в глазах Максимилиана. Потому что он еще раз приезжал с посольством в Москву.

Когда же служба его при дворе закончилась, Герберштейн удалился в поместье и там написал книгу о своем путешествии и о том, что же, по его мнению, представляла собой загадочная страна Московия.

Если собрать все ранние описания нашей страны, то получится прелюбопытная картина. Всем путешественникам Московия казалась прежде всего необозримой равниной, покрытой лесами и болотами. Иностранцы в один голос утверждали, что на огромных заснеженных пространствах этой страны «холода и мрака» нельзя встретить ни одного холма, ни одной горы. Тридцать одна река, по мнению авторов старых описаний, пересекала Русскую землю. А уж о климате, особенно о зимах, иноземцы рассказывали чудеса.

Европейцы писали, что зимой «деревья в лесах раскалываются от морозов, а лошади привозят в санях замерзшие трупы ездовых, завернутые в овчинные тулупы... Волки, гонимые стужей и голодом, прямо в городах и селах нападают на скот, а то и врываются в дома жителей».

Не менее невероятными были описания и других времен года.

Герберштейн опроверг многие из выдумок. Он писал, что леса, заполняющие большую часть Московии, во многих местах расчищены и заселены. Воздух Московии настолько чист и здоров, что население страны не знает большинства заразных болезней, от которых страдают жители европейских городов. На карте, составленной Герберштейном, указана уже не тридцать одна речка, а значительно больше. Причем все они снабжены не латинскими названиями древних авторов, а местными, что было очень важно.

В сочинении императорского посла множество рисунков, которые сделали художники, сопровождавшие его в поездке.

Книга Герберштейна долгие годы служила и справочником и источником для многих других географических сочинений той эпохи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КАК ОТКРЫВАЛИ АЗИЮ

С чего начинались азиатские знакомства

В Азии области древних цивилизаций отделялись друг от друга степями, бесплодными, труднопроходимыми пустынями и высокими горами. А уж дорог там и вовсе никаких не было. Даже по ровной степи редко кто решался пускаться в путь. В степи — кочевники. Встретишься — пощады не жди. Наверное, поэтому так трудно было путешествовать из государства в государство, из одной исторической области в другую.

Правда, археологи находят изредка в западных странах вещи, например, из Древнего Китая или из Индии, но, как они попали в Европу, сказать трудно. Торговали азиатские купцы с Грецией и Римом, чаще через посредников, по цепочке. Из одних рук в другие, из других в третьи. И были этими посредниками разные народы.

Но постепенно, мало-помалу все больше сведений накапливалось у народов. Сначала узнавали о самых близких соседях, потом о тех, кто жил рядом с соседями, и так далее... Еще до начала нашей эры китайцы знали, например, на востоке Корейский полуостров, знали Японские острова, острова Тайвань и Хайнань в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Лишь в 138 году до нашей эры состоялось и первое китайское путешествие на далекий Запад. И случилось это так...

Приключения Чжан Цяня и его телохранителя Таньи

С давних пор китайцы, которые жили между реками Хуанхэ и Янцзы на землях Северо-Китайской низменности, страдали от набегов жестоких кочевников-гуннов. Как ни старались военачальники, китайские солдаты, набранные из бедняков, не справлялись с гуннской конницей. А гунны словно рождались верхом на коне. С гиканьем и криком налетали они на селения и так же внезапно исчезали, оставив за собой кровь, смерть и разорение.

Пробовали китайские императоры заключать с гуннами союзы «мира и родства». Выдавали замуж за диких гуннских вождей изнеженных принцесс. Пробовали платить дань. А чтобы племена варваров не вторгались в приграничные китайские города, построили Ваньличанчэн — Великую каменную стену больше четырех тысяч километров длиной... Ничего не помогало. Гунны прекрасных принцесс увозили. Дань брали, а набегии не прекращали. Никакие стены не были им помехой...

Долго думали советники китайских императоров: что делать? Наверное, только прирожденным кочевникам под силу бороться с гуннами. А следовательно, нужно искать союзников. Вот тогда-то и возникло решение послать посольство к соседнему народу — юэчжи. Юэчжи были во многом похожи на гуннов. Так же кочевали, говорили на непонятном языке. Но как и китайцы, терпели от гуннов массу обид.

Ранним утром в назначенный день из ворот императорского дворца выехали попарно сто всадников. Впереди всех на великолепном скакуне гарцевал человек в богатой одежде. Его сопровождал низкорослый гунн, цепко сидевший на невзрачной мохноногой лошаденке. Это были императорский посол Чжан Цянь — офицер дворцо-

вой стражи — и его слуга и телохранитель Таньи. Таньи по рождению действительно был гунном. Но он уже давно жил в Китае, служил переводчиком и помогал хозяину во всем.

Всадники ехали мимо рисовых полей и цветущих равнин, пока не показались на холмах башни Ваньличанчэн. Увидев императорскую печать, сторожа распахнули железные ворота, и посланцы императора один за другим выбрались за пределы Поднебесной империи. Но видно, счастье отвернулось от них. Не успели верхушки сторожевых башен скрыться из виду, как налетели... гунны. Соппротивление было бесполезным. Повинуясь приказу, Чжан Цянь повернул коня вслед за предводителем отряда.

Плохо бы пришлось китайскому посольству, если бы не Таньи. Он поговорил с шаньюем — гуннским вождем, — и скоро его хозяин и все спутники были освобождены из-под стражи. Более того, вождь гуннов приказал женить молодого Чжан Цяня на дочери одного из своих приближенных и предоставил ему почти полную свободу. Почти — потому что ни вернуться домой, ни продолжать свое путешествие императорский посол уже не мог...

Десять долгих лет прожил Чжан Цянь среди гуннов. За это время он немало покочевал с ними, выучился их языку и собрал множество сведений не только о самих кочевниках, но и о тех, кто жил рядом с ними и о ком в Китае до него и не слыхивали. Он узнал, что гунны разбили юэчжей и оттеснили их в Среднюю Азию.

Настал день, когда Чжан Цянь вместе с женой и маленьким сыном, в сопровождении части своей свиты и верного Таньи, все-таки бежал от гуннов. С большим трудом разыскал он, переходя от одного народа к другому, вождя юэчжей и предложил ему военный союз от имени своего императора. Но юэчжи и слышать не хотели о новой войне. Вот торговать—это дело другое. И они рассказывали Чжан Цяню о древних торговых путях, которые проходили севернее и южнее Тянь-Шаня.

Целый год ждал Чжан Цянь, не переменит ли упрямый вождь своего решения. Не дождался. Зато неплохо изучил страну, и когда пришло время собираться обратно, он мог считать себя самым осведомленным человеком в географии Центральной и Средней Азии.

Обратный путь Чжан Цянь решил пройти северной границей Памира. Он назвал эти места Луковыми горами — так много там росло дикого лука.

Однако вскоре дорогу поредевшему посольству снова преградили гунны. Лишь через год вывел верный Тэньи своего хозяина с семьей из плена. Без средств и припасов побрели они опять на восток. Хорошо, что в руках у Тэньи оказался лук со стрелами. Без промаха бил он непуганых птиц и зверей, добывая пропитание маленькому каравану.

Слезы навернулись на глаза Чжан Цяня, когда за последним поворотом увидел он зубчатую стену, сложенную из дикого камня. Здесь начиналась родина.

Почти тринадцать лет продолжалось его путешествие. Молодого офицера совсем забыли и дома и при дворе. Но тем радостнее была встреча. Чжан Цянь получил княжеский титул. Император назначил его начальником над большим отрядом и... тут же отправил воевать против гуннов.

Первое время удачи не оставляли Чжан Цяня. Но военное счастье переменчиво, а вместе с ним меняется и милость императора. Завистливые придворные постарались оговорить путешественника. И вот, разжалованный и опозоренный, он был приговорен к смертной казни. Все накопленное богатство ушло на то, чтобы откупиться от смерти. Еще недавно богатый и знатный, Чжан Цянь оказался бедняком, лишенным титулов и привилегий. Впрочем, такая жизнь продолжалась недолго. Скоро императору снова понадобился знающий человек, чтобы возглавить посольство в западные земли. Он вызвал Чжан Цяня, наскоро «простил» и услав за пределы государства. Императорский посол объехал еще раз те места, в которых побывал. Исследовал Центральный Тянь-Шань и послал своих помощников в Индию.

Чуть ли не девяностолетним старцем вернулся Чжан Цянь в китайскую столицу. Здесь он и обрел наконец покой после бурно проведенной жизни.

Прошли годы, и могущество гуннов было сломлено. Проезд по землям Центральной и Средней Азии стал более безопасным. По следам Чжан Цяня потянулись на запад китайские купцы, послы и разведчики. Китайцы открыли для себя Рим-

скую империю и стали оживленно торговать с римлянами шелком и другими товарами. Потянулся от берегов Тихого океана к Средиземному морю Великий шелковый путь.

Похождения Сулеймана — купца из Басры

Почтенный Сулейман — да продлит Аллах его дни — был довольно зажиточным купцом в городе Басре. А сама Басра, расположенная у высохшего теперь рукава неподалеку от места, где сливаются реки Тигр и Евфрат, была тогда большим и богатым городом, — можно сказать, центром международных торговых путей. Чего только не было на ее рынках. Отсюда вывозили медь, финики и лошадей; привозили строевой лес и пряности, рис, кофе и синюю краску — индиго. Популярность старой Басры была так велика, что даже Персидский залив в те годы называли Басорским морем.

Набрав товара за деньги и в долг, купец Сулейман нанял судно и поплыл из Персидского залива сначала в Аравийское море. Здесь его спутникам пришлось день и ночь звонить в большой колокол, чтобы отпугнуть огромную рыбу, способную проглотить корабль. Только миновав опасные воды, путешественник пристал к Лаккадивским, а потом Мальдив-

ским островам, что идут от берегов Индии к экватору. Дальше его путь лежал через Индийский океан в страну тысяч и тысяч островов Зондского архипелага. Здесь Сулейман насмотрелся столько диковинок, что не знал, верить ли своим глазам. На некоторых островах главную роль в жизни и в делах играли женщины. А мужчины находились у них в подчинении. Такое положение не могло не возмутить правоверного мусульманина.

Вернувшись, он рассказывал землякам, что возле острова Цейлон видел одетых в белое ловцов жемчуга, бес-

страшно ныряющих в кишашую акулами воду. Не иначе, как они знали заклинания против хищных рыб...

На острове же Суматра великое множество золотых рудников, но он населен людоедами. Впрочем, здесь слушатели не без основания полагали, что почтенный купец, мягко говоря, привирает, чтобы остудить пыл охотников за благородным металлом...

У жителей Никобарских островов путешественник обменял имевшееся у него на борту железо на кокосовые орехи, вино и бананы и повернул к северу. Он побывал на полуострове Малакка и бросал якорь в устье Меконга — большой реки на юге полуострова Индокитай.

Много интересного рассказал почтенный купец, возвратившись в родной город. Неизвестный мудрец записал его рассказы, похожие на сказки о знаменитом Синдбаде-мореходе из «Тысячи и одной ночи». Получилась книга, которая долгие годы была любимым чтением арабских читателей. А когда известный арабский географ Абу Сеид Гассан дополнил ее еще и научными сведениями, книга Сулеймана стала просто бесценной. Ее переписывали и читали во всем средневековом мире.

Путешествие монаха Плано Карпини в «страну монголов»

Следом за арабами стали пробираться в азиатские земли и европейские путешественники. Особенно интересны первые путешествия, которые совсем не по доброй воле совершили монахи, а вернее, шпионы в рясах, посланные на Восток с различными поручениями.

Однажды поздно ночью весной 1245 года к низкой калитке в стене лионского собора Сен-Жермен папские солдаты привели шестидесятилетнeго монаха-францисканца Джованни Плано дель Карпини. Потирая одна о другую озябшие босые

ноги, францисканец терпеливо ждал. И зачем только его орден дал обет не носить обуви! Но вот загремели засовы, вышли ключники и пригласили его войти.

В жарко натопленной и хорошо освещенной комнате Джованни увидел Папу. Глава католической церкви Иннокентий Четвертый сидел за столом. Рядом стояли кардиналы. Один из них сделал монаху знак приблизиться и притворил за ним дверь... Большую тайну доверили в ту ночь брату Джованни, страшную тайну.

Уже давно до всех уголков Европы дошли ужасные слухи о жестоком разорении, которое принесли восточным землям нахлынувшие из Азии кочевники. Огнем и мечом прошли они по русским княжествам, разорили Польшу, Моравию, Силезию, Венгрию. Европейцы бежали от них куда глаза глядят, уверяя, что это орды дьяволов, вырвавшиеся из преисподней — тартара. Дети сатаны — тартары, татары... Так и закрепилось за монгольскими воинами это название.

И вот с этими-то исчадиями ада и решил заключить союз «благочестивый» папа Иннокентий Четвертый. Для того и решил послать к ним верного человека. Пусть Европа захлебнется в крови и пожарах, но зато ненавистные Гогенштауфены, из рода которых император Фридрих, будут поражены!

В начале апреля того же 1245 года Плано Карпини в сопровождении второго монаха Стефана Богемского выехал из Лиона. Для монахов путешествие по дорогам Западной Европы было не в диковинку. А для странствий в неизведанную землю монголов папа римский и кардиналы снабдили Плано Карпини и его спутника немалым количеством золотых монет.

Без приключений добрались братья до столицы чешского короля. И получили от него грамоту в Польшу. Из Польши поехали в Киев, встретив на пути следы страшного опустошения.

«Татары... осадили Киев, который был столицей Руси, — писал Плано Карпини в своих заметках. — После долгой осады они взяли его и убили жителей города. Поэтому, когда мы ехали через их землю, мы находили в поле бесчисленное количество голов и костей мертвых людей. Этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь разорен почти дотла: едва

существует там двести домов, а людей татары держат в самом страшном рабстве. Уходя отсюда, они опустошили всю Русь».

Русские князья доброжелательно встретили проезжих иноземцев. Они и понятия не имели о том, с каким поручением едут те к хану. Жалели их. А Плано Карпини даже спутнику своему не доверил тайных инструкций, полученных от папы. Русские посоветовали приобрести побольше подарков для жадных ханских вельмож. И «нищие братья» накупили множество «мягкой рухляди» — куньих, бобровых и лисьих шкурок. Сменили они лошадей, пересев, по совету русских, на выносливых татарских лошадок, которые сами умели находить себе корм под снегом.

В городе Каневе на Днепре папские посланники встретились с татарами. И дальше от одного укрепленного лагеря к другому, от другого к третьему проехали через всю страну, лежащую между великими русскими реками Днепром и Доном, Волгой и Яиком (Уралом). Двор одного из самых могущественных полководцев монголов — хана Батыя — находился на Волге. Батый выслушал папское послание и, ни слова не говоря, отправил послов дальше на Восток.

Через безлюдные половецкие степи, через разоренные города и села, через сожженные татарами крепости день за днем скакали они, по несколько раз на день меняя лошадей. Три с половиной месяца подгоняли их вперед татарские проводники, от Волги до самой Сыр-Орды. Здесь, недалеко от города Каракорума в верховьях реки Орхон, притока Селенги, была главная резиденция великого хана.

Монахам не повезло. Весной, перед самым их приездом, старый хан умер. И теперь надо было ждать выборов нового. А когда на престоле наконец воцарился хан Куюк и послы познакомили его с содержанием папских грамот, новый монгольский властитель не выразил никакого интереса к заботам хри-

стианского пастыря. Он передал им свой ответ, содержащий знаменательные слова: «Мы поклоняемся своему богу и с его помощью разрушим весь мир от Востока до Запада».

Никто не знает, что сказал папа, выслушав отчет своего посла. За два с лишним года многое изменилось в Европе.

Зато от Плано Карпини узнали жители Западной Европы о тех страшных событиях, которые происходили на Востоке. И у многих пробудился интерес к стране, в которой вот уже не первый раз захлебывалось нашествие варваров; к стране, которая до нашествия монголов была Киевской Русью, а после, сбросив тяжкое иго, стала Москвией — Великим государством Московским...

Капитан венецианской галеры

В 1298 году в жестоком морском сражении генуэзцы наголову разбили венецианский флот и взяли в плен семь тысяч моряков. Длинной вереницей, скованные общей цепью, поднимались пленные по крутым улицам богатой Генуи. Жители смеялись, мальчишки кидали в них камни. В числе побежденных шагал старый капитан боевой галеры республики Венеции — Марко Поло.

Пленников развели по тюремным камерам. И потянулись долгие дни ожидания, пока родные и близкие соберут деньги и внесут выкуп, чтобы освободить заключенных. Впрочем, обращались с ними неплохо. Генуэзцы понимали: военное счастье переменчиво. Особенно в такой войне, какую вели между собой две богатые торговые республики, разделенные основанием Аппенинского полуострова.

Товарищем по заключению у капитана Поло оказался молодой Рустичиано из города Пизы. От скуки, чтобы скоротать время, стал капитан рассказывать о своих путешествиях: где побывал, что видел. Рассказы оказались настолько интересными, что умный Рустичиано решил все-все подробно записывать. И когда выкуп был внесен и генуэзцы выпустили пленников на свободу, предприимчивый сотоварищ венецианца издал его рассказы отдельной книгой. Книга была тут же раскуплена. Молодой пизанец разбогател, а Марко Поло стал знаменит.

Венецианцы хорошо знали торговую контору Поло. Старик еще помнил, как много лет назад два брата Никколо и Маффео Поло нагрузили товаром стройную галеру и исчезли в направлении восходящего солнца. Долгие годы о них ничего не было слышно. Родные уже потеряли всякую надежду увидеть их снова, как вдруг однажды братья вернулись. И не с пустыми руками.

За эти годы вырос у Никколо сын Марко. Теперь ему исполнилось шестнадцать лет. Ах, как разгорались глаза молодого человека, когда он слушал рассказы дяди Маффео.

Оба Поло побывали во многих азиатских землях, гостили у великого хана — повелителя Золотой Орды на Волге, добрались даже до Китая. Они были первыми итальянцами, а может быть, и первыми европейцами, проникшими в сердце Азии.

В Китае в это время правил пятый монгольский великий хан Хубилай — внук завоевателя Чингисхана.

Он приветливо встретил купцов. Все его приближенные с удивлением рассматривали невиданные товары, а еще больше — невиданных людей, которые эти товары привезли. Слушали их рассказы. Император щедро одарил купцов и отпустил домой.

Недолго погостили братья Поло в родном доме. Скоро стали они снова собираться за море. На этот раз вместе с отцом и дядей отправился в путь и юный Марко.

Сначала шли они морем. Потом, переложив товары на мулов, двинулись посуху. Когда впереди показались соляные и песчаные пустыни, настала очередь еще одной перегрузки. В пустыне главный транспорт — верблюды. И снова горы. Да какие... Сквозь отвесные скалы с ревом мчит ледяная вода. Как клыки тигра торчат из нее острые камни. На перевалах ледники, на вершинах снеговые шапки. Как идти дальше? В горах верблюды — только помеха. Копыта лошадей и мулов скользят. Не удержать им груза. Лето на земле, а в горах мороз. Налетит буря со снегом. «Заметуу!» — воет ветер, ослепляя путников острыми снежинками. Пришла пора снова менять транспорт. Дальше выюки с товарами понесут яки — круторогие тибетские быки, словно в длинные юбки одетые по брюхо теплым мехом. Якам ни холод, ни кручи не страшны. Цок-цок копытами, как по ровному...

С великим трудом преодолели путешественники горные отроги. Не дни, не недели длилось такое путешествие. Многие месяцы, а то и годы проходили, прежде чем добирались купцы до первого китайского города.

Но все когда-нибудь проходит. И вот наши путешественники в центре плодородной долины, на берегу быстрой речки. Из домов невиданной постройки выбегают люди на городскую площадь, чтобы поглядеть на тех, кто спустился к ним с непроходимых гор. А во дворец великого императора — хана — уже мчатся гонцы с вестью: итальянцы вернулись.

Император обрадовался. Еще больше он был доволен, когда увидел молодого Марко, выучившего к тому времени персидский, монгольский и китайский языки. Видно, неглупый был человек... И император сделал его своим личным секретарем. Теперь Марко Поло стал важным китайским чиновником. Как настоящий мандарин, разъезжал он по всей стране. В просторные степи отправлялся в повозке, в горы его несли на носилках-паланкине, а к морю спускали в лодке. Молчаливые китайские слуги держали над его головой зонтик и отгоняли мух.

Много лет знакомился Марко Поло с жизнью китайского государства. Смотрел, как крестьяне сажают рис и возделывают сады, как разводят гусениц тутового шелкопряда, собирают коконы и ткут из нитей самый лучший в мире китайский шелк. Все интересно любознательному европейцу. Да от него ничего и не скрывали. Но была в этом и некоторая опасность. Открыв перед чужеземцами все двери, император и слушать не желал об их отъезде домой.

Так бы и остались они навсегда в Китае, как вдруг — удача... Была у императора племянница — девушка необыкновенной красоты. Узнал о ней персидский царь и попросил в жены. Персидский царь был сильным правителем. «Такого лучше иметь среди друзей, чем среди врагов», — подумал китайский император и приказал снаряжать племянницу в дальнюю дорогу. У девушки никто и не спрашивал. Но кто доставит столь драгоценный груз в Персию, лежащую за тридевять земель? Китайцы были неважными мореходами. Вспомнили про семейство Поло.

И вот тринадцать груженных сокровищами джонок — так назывались большие лодки, на которых китайцы плавали по рекам и даже выходили в море, — отправились в путь. Руководил экспедицией Марко. Он уже давно стал взрослым, опытным и решительным мужчиной. Целых два года продолжалось это путешествие. В полном здравии прибыла китайская принцесса к месту назначения в персидский город Ормуз.

Тотчас, сдав девушку с рук на руки и увязав накопленное добро, двинулись итальянцы дальше, домой в Венецию. Главные трудности были позади. И скоро на горизонте поднялись из воды башни родного города. Теперь пришла пора удивляться землякам. Двадцать четыре года были в отлучке купцы Поло. Все уже похоронили их, а Никколо и Маффео не в первый раз. И все-таки они вернулись. Вернулись живые, невредимые и богатые.

Марко Поло вышел из геновской тюрьмы и увидел книгу своих рассказов уже изданной. Тогда еще не было печатных станков, и книги переписывали от руки. Он внимательно просмотрел все, что записал Рустичиано, и кое-что исправил.

Много удивительного рассказал капитан Марко Поло. Так много, что те, кто просидел всю жизнь дома, не высывая даже кончика носа за городскую стену, не хотели верить его рассказам. И лишь много лет спустя, когда в Центральной Азии побывали другие путешественники и привезли свои рассказы, пришлось признать всем: да, капитан Марко Поло о многом говорил чистую правду!..

Но на это признание понадобилось немало лет.

Сторона холода и мрака

Если Средняя Азия, Центральная Азия, Восточная и даже жаркая Южная Азия были более или менее известны в средневековом мире, то о северной части Азии того же не скажешь.

Путешественники с ужасом рассказывали о диких кочевниках, населявших северные степи. А уж что скрывалось еще выше к северу, в глубине темных лесов, не знал никто. Стороной холода и мрака называли средневековые географы эти неизвестные земли. «Там птицы замерзают на лету, а деревья

лопаются с треском от страшного холода. Там люди и звери по полгода не видят солнца и забираются на зиму в глубокие норы, чтобы впасть в спячку. И никто не может сказать, какие из себя эти люди. Ибо даже торговля с ними ведется немая и заочная».

Знаменитый арабский путешественник XIV века Ибн-Баттута, объехавший полмира, рассказывал: «Путешествие туда совершается не иначе, как на маленьких повозках, которые везут большие собаки, ибо в этой пустыне (езде) лед, на котором не держатся ни ноги человеческие, ни копыта скотины; у собак же когти, и ноги их держатся на льду.

Проникают туда только богатые купцы, из которых у иного по сто повозок или около того, нагруженных его съестными припасами, напитками и дровами, так как там нет ни дерева, ни камня, ни мазанки.

Путеводитель в этой земле — собака, которая побывала в ней уже много раз; цена ее доходит до тысячи динаров или около того. Повозка прикрепляется к ее шее; вместе с нею прикрепляются еще три собаки. Это авангард, за которым следуют прочие собаки с повозками. Остановится он, и они останавливаются. Та-

кую собаку хозяин ее не бьет, не ругает. Когда подается корм, то он кормит собак раньше людей, в противном случае собака злится, убегает и оставляет хозяина своего на погибель».

Что же привлекало непривычных к морозу южных жителей в эти суровые места? Прежде всего пушнина, драгоценные меха, а еще «рыбий зуб» — огромные клыки моржей, не уступающие по качеству слоновой кости тропических стран. А сколько еще неведомых богатств скрывали в себе непроходимые таежные дали?..

Стеной непросветной стояла тайга по берегам рек и реченок. Болота — по пяти сот верст. А за ними снова буреломы да ветровалы, как лабиринт. Редкость встретить человека в этих-то местах. Как острова среди таежного моря — лесостепные участки. На светлом грунте травы поднимаются, пониже — где потемнее, повыше — на солнышке. А где травы, где вода с солнцем, там и зверье всякое, там и человек.

Пасут здесь свои стада кочевые народы. Всю жизнь на телегах в кибитках живут, изб не рубят. Чудно! А князья-ханы у них — ох люты! Большую дань-ясак со своих же сородичей дерут. Что хотят, то и делают. А то соберут орду и на редкие городища, на земледельцев — разбоем. Пожгут пашни, строения порушат, кого захватят — с собой за темные леса в полон уведут...

Такой-то была неоглядная земля сибирская, занимающая всю Северную Азию. В XIII веке часть ее завоевали монголы. Вместе с некоторыми территориями Средней Азии и частью Восточной Европы вошли завоеванные области в состав государства, которое восточные историки называли Улусом Джучи или Синей Ордой. В русских летописях называлось оно Золотой Ордой.

С самого начала Золотая Орда держалась жестокостью и сильной военной организацией. Но долго так продолжаться не могло.

Уже в первой половине XV века внутри Золотой Орды образовались самостоятельные Казанское и Крымское ханства. Потом выделилось и еще одно — Астраханское ханство. В бассейне рек Оби, Иртыша и Тобола образовалось обширное Сибирское ханство со столицей Чинги-Тура на месте современ-

ной Тюмени. На севере, в нижнем течении Оби, жили ханты и манси; на востоке, за Енисеем, — кыргызы. Сибирские ханы обложили покоренные народы разорительной данью.

И некому было пока ни рубежные города защитить, ни руки ханские укоротить.

Но вот воспряла Москва. Почувствовала свою силу. Велел Великий князь Иван Третий Васильевич устюжанину Василию Скрыбе идти в поход — «воевать Югорскую землю».

Югрой в то время называли часть побережья Северного Ледовитого океана по обе стороны Уральских гор и в низовьях Оби. Название свое получили эти земли по имени обитавшего здесь когда-то сильного племени.

С того и пошло открытие русскими людьми новых, никому не ведомых, северных азиатских земель, занимающих треть Азии.

Походы Ермака Тимофеевича «со товарищи»

Ох и мудрый «купецкого чина человек» был Григорий Аникиев Строганов! Мудрый да хитрый. Происходил он то ли из поморов, то ли из новгородских гостей — купцов. Говаривали, что еще в XIV веке Строгановы перебрались в Двинскую землю. Там, занимаясь соляным промыслом, рыбной ловлей и торговлей с местными племенами, нажили себе огромное состояние. Историки рассказывают, что, когда в 1445 году великий князь Московский Василий Иванович Темный попал в плен к татарам во время Шемякинской смуты, Лука Строганов собрал казну и выкупил князя из плена. Оттого и обласкан был весь род Строгановых не в одном колене. А купцы уже глядели дальше, глядели на другие земли.

«Велика страна Сибирская, обильна и обширна, а людей нет. Всего в восьмидесяти верстах от Великой Перми лежат по обе стороны Камы-реки да Чусовой пустые места. Реки и озера здесь дикие, леса черные, пашни не паханы. Никогда в сих местах дворы не стаивали, никакой прибыли от них в царскую казну нет» — так говорил Григорий царю Ивану Грозному и просил дозволения занять пустующие земли, чтобы «городок

поставить и на городе пушки и пищали учинить и пушкарей и пищальников устроить для бережения от ногайских людей и от иных орд».

Согласился Грозный-царь на просьбу купца.

Написали писцы грамоту. Выговорил себе Григорий льготы: и торговать беспошлинно, и соль варить, и рыбу ловить безоброчно. Но главное заключалось в том, что разрешил ему царь в сторожа казаков нанимать и огненный наряд в городах держать. Записали, что не должны Строгановы принимать к себе людей, приписанных к другим городам, воров и разбойников. Но при том все понимали, что не исполнят купцы такого пункта договора. Откуда других-то им брать?

Еще в трудные годы татарского ига много русских людей бежало на окраины государства в вольное «поле», расстилавшееся от Урала в сторону Каспийского и Черного морей. Здесь, по берегам Днепра, Дона и Яика, образовывались вольные казачьи общины. Управлялись они выборными атаманами и общинным кругом. Со временем казачья вольница распространилась на Волгу, на Терек-реку. Казаки воевали с татарами, совершали дерзкие набеги на купеческие караваны, не разбирая толком, кто на стругах идет: иноземные ли купцы или царские люди.

В годы правления Ивана Грозного отряды «воровских казаков» стали такой внушительной силой, что фактически перегородили волжский торговый путь. Поехали царские воеводы ловить и казнить смертью казаков. Перевешали их тьму: с царским войском шутки плохи. Стали сниматься с привычных лагерей казачьи отряды, уходить к северу по Волге и по Каме. Тут-то и встретили их строгановские приказчики. Стали уговаривать к купцам на службу идти. Обещали царское прощение. И многие согласились. Скоро собралось в стро-

гановских городках с полтысячи казаков под началом нескольких атаманов. Главным же среди них был Ермак Тимофеев.

Кто таков Ермак родом, откуда — никто толком не знал. Одни считали его выходцем из Суздальской земли. Будто бежали оттуда его предки, а сам Ермак родился уже в Прикамье и получил при крещении имя Василия. И дескать, прозвище Ермак пристало к нему в ту пору, когда, будучи кашеваром в одной из волжских станиц, молот он зерно на ручной мельнице — ермаке. Другие утверждали, что родился он на вольном Дону и получил при крещении имя Германа или Ермолая, откуда и пошло сокращенное его прозвище Ермак...

Так оно было или иначе — не то важно. Отважный и решительный, обладающий могучим телосложением, Ермак был одновременно умным и хитрым атаманом. Он умел складно говорить и вести за собой отряды словом и делом. Из беззаботной и разбойничьей вольницы сколотил он войско, скованное железной дисциплиной. Вот что писал летописец: «Было у Ермака два сверстника: Иван Кольцо, да Иван Гроза, Богдан Брязга и выборных есаулов четыре человека, тож и полковых писарей, трубачи и сурначи, литаврщики и барабанщики, сотники и пятидесятники, и десятники с рядовыми, и знаменщики чином, да три попа, да старец бродяга, ходил без черных риз, а правило правил и каши варил, и припасы знал, и круг церковный справно знал; и указ на преступление чинили жгутами, а кто подумает отойти от них и изменить, не хотя быти, и тому по донски устав: насыпав песку в пазуху и посадя в мешок, в воду. И тем у Ермака вси укрепилися...»

Два года жили казаки в строгановских городках. Подгоняли кольчуги, куяки — пластинчатые доспехи — да бехтерцы, менялись шлемами, выбирали по руке сабли, булавы да кистени, ладили луки и самострелы. В строгановских амбарах под надежными замками и караулом лежали наготове пушки, пищаля да дробовые ружья — испанские скорострельные аркебузы. Такого огненного боя у сибирцев быть не могло.

И вот однажды, осенним погожим утром 1581 года, запели военные трубы, застучали барабаны в строгановской вотчине. Начался поход. С Камы из Орла-городка спустился Ермак на Чусовую. Перетащил волоком струги до Тобола-реки и вниз по

Иртышу к Оби... Много улусов и городов сибирских повоевали казаки. Захватили даже столицу сибирского хана Кучума, взяли в плен храброго царевича Махмет-Кула.

После такой победы отправил Ермак гонцов не только к Строгановым, но и к самому царю. К Грозному поехал от атамана лихой Иван Кольцо.

Немало надо было иметь смелости на это. Царские воеводы хорошо знали Ермакова помощника. Не раз гонялись за его неуловимой шайкой по волжским просторам. Самого атамана царский указ приговорил к смерти. И вот он при дворе...

Трудно сказать, что думал Иван Кольцо. Но когда Грозный-царь ласково принял его и простил все вины, наверняка отлегло у него от сердца.

Весело погрузил он цареву жалованье казакам. Спрятал деньги, сукна, парчу да камку. Особо тщательно увязал в торока два панциря и кубок. А потом с воеводами — князем Семеном Болховским и Иваном Глуховым — во главе трехсотенного отряда ратников пустился в обратный путь.

Но для отрядов Ермака с приходом московского войска началась полоса неудач. Престарелый хан Кучум, почти полностью ослепший, но хитрый и коварный, решил изменить тактику борьбы. Не вступая в открытые схватки, он стал дробить силы Ермака и уничтожать его отряды один за другим. Гибли товарищи. Уменьшались казацкие силы...

Однажды донесли Ермаку, что Кучум перегородил путь бухарским купцам и не дает проезда. Взяв с собою пятьдесят казаков, Ермак вышел из укрепленного города и поплыл вверх по Иртышу навстречу бухарцам. Но нигде о них не было никакого слуха. Недалеко от устья реки Вагая отряд застала ночь. Причалив к острову, который отделялся рукавами Иртыша, казаки сочли себя в полной безопасности. Но Кучум был рядом. Из засады тайно следил он за всеми передвижениями отряда.

В сумерках хан послал лазутчика, приговоренного к смерти за какое-то преступление, разведать, нет ли брода на стоянку казаков. Тот ушел, но скоро вернулся и доложил, что брод есть и что казаки спят, не выставив даже простого караула. В доказательство он положил к ногам хана три пищали и три ляндунки с порохом, украденные у спящих. И тогда Кучум двинул

на лагерь своих людей. Как тени замелькали татары в русском лагере, приканчивая во сне казаков.

Проснулся Ермак среди общего стона и смятения. Кинулся к стругу, но не сумел вскочить на него, попал на глубокое место. И утянул тяжелый царский панцирь атамана на дно... Только один человек чудом спасся после этой ночи резни из отряда Ермака. Он-то и принес в строгановские городки печальную весть.

Путешествия Семена Дежнева и Ерофея Хабарова

В 1638 году пришел на службу в Якутский острог бывалый казак Семен Дежнев. Был он уроженцем города Великого Устюга, но еще в молодые годы отправился искать долю в неведомую Сибирь. Там и прижился. Нелегка была казацкая служба в Сибири. С малыми отрядами товарищей собирал Дежнев ясак, облагал пошлиной добычу местных охотников. Такой грабеж, конечно, не проходил безнаказанно. То в одном месте, то в другом возмущенные поборами племена восставали и били казаков. Но слишком прибыльным было ремесло сборщика ясака. И потому, несмотря ни на какие опасности, залечив раны, снова и снова выходили служилые люди на поиски путей через никому не ведомые земли, к «мягкому золоту» — пушнине и «рыбьему зубу» — моржовым клыкам.

Примерно в середине 40-х годов XVII века, когда Дежнев только-только оправился от раны, нанесенной стрелой в одном из походов, распространились по Нижнеколымску соблазнитель-

ные слухи. Будто совсем недалеко, в трех-четыре суток «парусного бега», есть богатейшая соболями река... Рассказывали, что кто-то будто бы даже пытался проникнуть туда, но побоялся сойти на берег и наторговал прямо с коча немалую прибыль.

И вот во второй половине июня 1648 года вышли из Нижне-колымска семь кочей. Вышли в открытое море и повернули к востоку. На одном из них шел приказчик богатых московских купцов Федот Попов, финансировавший экспедицию. На другом — Семен Дежнев, назначенный колымской администрацией начальником отряда. А всего было на кочах девяносто человек.

О том, какие трудности пришлось пережить путешественникам в этом походе, трудно рассказать. Это была настоящая «северная одиссея» с бурями и смертями. Весь июль шли корабли русских на восток, а в августе берег стал понемногу заворачивать на юг. Казаки и не заметили, как оказались далеко в море, куда их вывел Большой Каменный Нос.

На самом деле это был край Евразийского континента, самая восточная его оконечность. И русские первопроходцы оказались первыми европейцами, которые прошли между Азией и Северной Америкой.

Почти одновременно с отрядом Дежнева в юго-восточной части Сибири казацкий отряд под началом Ерофея Хабарова, пробившись через густые орешниковые заросли, вышел на широкий Амур.

Русский землепроходец и промышленник Ерофей Павлович Хабаров был родом из Сольвычегодска. В те годы, в XVII веке, таких людей, как он, называли «добытчиками и прибыльщиками». Поселившись на пустоши при впадении реки Киренги в Лену, Хабаров устроил там соляную варницу, поставил мельницу и распахал земли, обязавшись отдавать в казну десятую часть жатвы. Но уже после первого урожая якутский воевода Петр Головнин отобрал у него вдвое больше. А когда недовольный «добытчик» возроптал, воевода самовластно отобрал все, а самого Хабарова посадил в острог под арест. Прошло немало лет, прежде чем новый якутский воевода Францбеков решил Ерофею Хабарову набрать охотников и отправиться «для покорения земель, лежащих по Амуру». Редкое население этого края состояло из оседлых — «пашенных» и бродячих — «зве-

роловных» дауров. Это были высокие, крепкие люди со скуластыми лицами монгольского типа, с косым разрезом больших круглых глаз. По народной пословице, тремя дарами владел народ, населявший Приамурье: чудодейственным корнем женьшенем, исцеляющим все болезни, тонкой и мягкой, как шерсть, луговой травой «ула» и пушистым соболем. Шкурками драгоценного зверька платили дауры тяжелую дань маньчжурам. Еще в начале XVII века маньчжурские аймаки объединились в государство, жестоко притеснявшее даурские племена.

Вернувшись в Якутск, Хабаров привез чертеж вновь открытых земель, меха, образцы хлеба и «расспросные речи туземцев». Все это, в добавление к красочным описаниям самого Ерофея Павловича, привлекло новых охотников. И в следующем году вниз по Амуру отправилась новая, еще более людная экспедиция.

Казачьи первопроходцы разведали в новых краях немало богатств. Тут были горы с серебряной и оловянной рудой, с красной медью. В лесах, кроме соболя и другого пушного зверя, казаки встретились с тиграми и леопардами. А уж кабанов в болотистых речных поймах, лосей и косуль и вовсе было не счесть! В реках водилась белая и красная рыба. Чем, казалось бы, не жизнь? Почему пустовали богатые земли? Мало кто знал о них. А кто знал — чего только не рассказывал. Особый страх нагоняли на путешественников мелкий гнус, мошка, комары, бурые да серые оводы. По долинам рек встречались места, где в летнюю пору насекомые насмерть заедали и людей и животных.

И все-таки, несмотря на трудности, после казачьих походов больше переселенцев стало перебираться в эти места. Мало-помалу они заселяли и осваивали богатый край.

В поисках лазеек в азиатские земли

Пришло повеление великого государя Алексея Михайловича (отца Петра Первого) в далекий сибирский город Тобольск воеводе Петру Годунову готовить «первое чертежное описание Сибири от древних жителей». Торопил воевода писцов да подьячих. Уже не раз из Москвы приходили грозные запросы:

что, дескать, мешкаете? А работа задерживалась. Непростое дело проглядеть груды накопившихся чертежей да планов, свести воедино, выбрать главное из «расспросных листов». Составить «Роспись противу чертежу <...> Сибирской земле, городам и острогам, и слободам, и где меж слобод Тобольского и Верхотурского уездов построить какие крепости... и сколько где у крепостей... посадить драгун».

Лишь в январе 1677 года «годуновский» чертеж с «Росписью» был доставлен в Москву и «внесен» к царю.

И сразу же среди иноземных «гостей» началась настоящая охота за привезенной картой.

Уже давно иностранные купцы и посланники просили пропустить их посмотреть богатые сибирские края. Однако царев указ, вышедший еще в начале XVII века, предупреждал: «Чтобы немецкие (чужеземные. — А. Т.) люди в Мангазею отнюдь дороги не проискивали, а будет кто с немецкими людьми ездити или в Мангазею дорогу учнет указывать, и тем людям быти от нас в великой опале и в смертной казне».

На какие только ухищрения не пускались иноземцы, чтобы хоть глазком взглянуть на заветный чертеж неизведанной и труднодоступной части Евразийского континента... Шведский посол тайно выпросил сибирскую карту у кого-то из бояр на одну ночь. Выпросил с тем, чтобы «только посмотреть, но отнюдь не счерчивать».

Стоит ли говорить, что всю ночь почтенный посол не сомкнул глаз, лихорадочно копируя документ.

Сохранилось письмо и британского посла. Оно сопровождало украденную копию сибирской карты. Интересовались точными землями голландцы, немцы, даже Ватикан...

И все-таки никому из них истинную «годуновскую» карту увидеть так и не удалось. Русские показывали иностранцам лишь упрощенную схему без всяких подробностей, нарисованную в уменьшенном размере. А истинная карта Сибири, полная и подробная, хранилась в такой тайне, что и по сей день никто из историков не может ее отыскать.

Примерно во время описанных выше событий первые западноевропейские исследователи проникли в неприступные горные районы Центральной Азии. С разрешения местных влас-

тей в Тибете и в Гималаях появляются первые католические миссии. Так называли миссионерские организации католической церкви. Монахи-миссионеры лечили местное население и заодно собирали важные географические и этнографические сведения, а католические миссии становились отправными пунктами многочисленных экспедиций.

Про гвоздику, перец и про новые географические открытия

Самые бурные события в XVII веке развивались в южной островной части Азии. Могучие морские державы стремились захватить власть на островах. Золото, драгоценные камни и пряности — перец и шафран, анис, почки тропического гвоздичного дерева и кардамон, горчица, тмин и кориандр, мускат, ваниль, душистая кора коричневого дерева, лавровые листья и мясистые корни многолетнего тропического растения имбирь — все это с давних пор было важным предметом торговли Азии с Европой. Но в XIII и XIV веках турки захватили все подходы к Красному и Черному морям. Пути доставки пряностей в Европу оказались перерезанными. В Италии, во французских и германских городах цены на перец поднялись так высоко, что даже люди с достатком не могли его купить.

Нужно было во что бы то ни стало отыскать новые дороги к Молуккским островам, снабжавшим весь северный мир своими пряностями.

В немалой степени готовность отправиться в далекие страны подогревалась вечной погоней европейцев за золотом. Один за другим уходили корабли и целые флотилии по открытому португальцами пути вокруг Африки, через Индийский океан, к островам пряностей. Привозимый товар ценился так высоко, что, даже если из трех-четырех кораблей возвращался с грузом один, это покрывало все расходы и приносило прибыль. А какие рассказы о новых землях, о гигантских островах Ява и Суматра привозили моряки! Они повествовали о тропических архипелагах, на которых «прямо из земли растут деньги, под ногами валяется золото и драгоценные камни,

а моря наполнены жемчугом и черепахами с прекрасными панцирями». Деньги, деньги, деньги... Казалось, мир обезумел от жажды золота.

Но торговцы, пираты и конкистадоры-грабители осваивали только края новых земель. По-настоящему их изучали истинно научные экспедиции.

Про тех, кто по-настоящему открывал новые земли

После первого кругосветного плавания, совершенного русской экспедицией под командованием капитан-лейтенанта Ивана Федоровича Крузенштерна, среди географов утвердилось ошибочное мнение, что Сахалин — полуостров и что устье реки Амура мелкое, пригодное только для прохода по нему шлюпок. Лишь полвека спустя другой русский офицер, Геннадий Иванович Невельской, посланный из Кронштадта вокруг мыса Горн в Петропавловск-на-Камчатке, на свой страх и риск на грузовом транспорте «Байкал» обошел Сахалин и убедился, что это остров. Он же промерил Амурский лиман и выяснил, что тот вполне пригоден для прохода больших судов.

Назначенный начальником Амурской экспедиции, Невельской очень удачно сумел подобрать себе помощников. Его небольшой отряд обследовал огромные территории Приамурья, Сахалина и Татарского пролива.

Среди путешественников и исследователей азиатских просторов много интереснейших людей. Вот, например, Петр Алексеевич Кропоткин — могучий бородач, выходец из древнего русского княжеского рода. Он окончил аристократический Пажеский корпус, но ни в гвардию, ни на гражданскую службу не поступил, хотя его и ждала там прекрасная карьера. Он закончил университет и по собственному желанию отправился служить в Восточную Сибирь. Кропоткин путешествовал по Северной Маньчжурии и в горах Восточного Саяна. Во главе большой экспедиции он прошел по реке Лене и пересек множество неизвестных ранее горных районов. В качестве офицера Амурского казачьего войска объехал Амурскую область и Северную Маньчжурию. Он произвел в Восточной Сибири такие

важные исследования, что его книги стали настоящим событием в науке.

Кропоткин установил, что большинство пересеченных им хребтов простирается на северо-восток. Это явилось большой неожиданностью для ученых того времени. Потому что после путешествия выдающегося немецкого естествоиспытателя и географа Александра Гумбольдта, проехавшего от Петербурга через Средний Урал до Алтая, считалось, что хребты Северо-Восточной Азии тянутся либо по параллелям с востока на запад, либо по меридианам с севера на юг. Такую схему предложил Гумбольдт, и ее придерживались не только его современники, но и следующее поколение ученых. Петр Алексеевич Кропоткин исправил ошибки немецкого коллеги и сделал важный шаг вперед в изучении рельефа Азии.

Замечательную работу проделал Петр Александрович Чихачев, командированный в Саяны и на Алтай штабом корпуса горных инженеров. Он составил геологическую карту Алтая, установил границы и размеры знаменитого угольного месторождения, предложив назвать его Кузнецким бассейном. Кроме того, он совершил несколько путешествий по Малой Азии и написал книгу, которая прославила его имя.

Чрезвычайной широтой научных интересов отличался известный русский натуралист и географ-путешественник Александр Федорович Миддендорф. Он закончил Дерптский (ныне Тартуский) университет. Защитил диссертацию и получил ученую степень доктора медицины. Побывал во многих университетах Западной Европы.

По поручению Петербургской академии наук организовал Сибирскую экспедицию. Он был первым ученым-исследователем Таймырского полуострова. Вместе с топографом Вагановым Миддендорф прошел огромный путь по неизвестным до того районам Сибири. При этом Ваганов вел съемку и составлял карты, а Миддендорф изучал рельефы и геологию гор и побережий, занимался исследованием вечной мерзлоты. Ему принадлежат интересные наблюдения по физической географии, а также описания современного и ископаемого животного мира России.

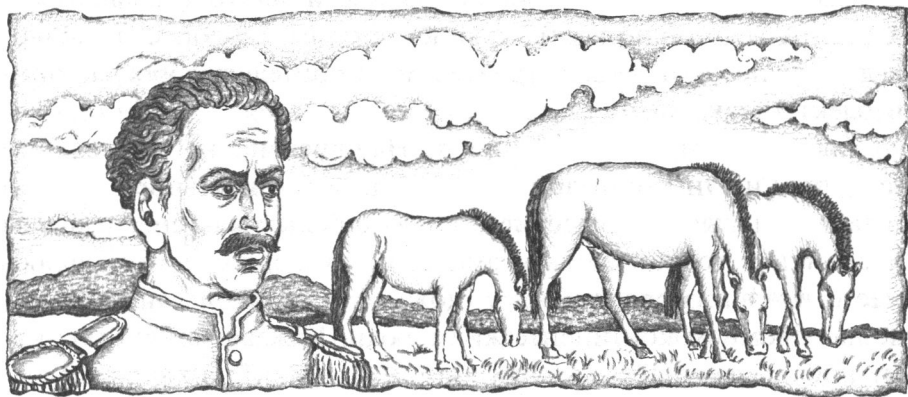
По возвращении из экспедиций Миддендорф много сил отдал вопросам сельского хозяйства России. Он занимался улуч-

шением пород крупного рогатого скота и выведением чистопородных лошадей.

А вот Иван Дементьевич Черский, исследователь Якутии, был сослан в Сибирь царским правительством как участник польского восстания. В ссылке ему пришлось служить солдатом Омского линейного батальона. Тогда-то и заинтересовался он геологией и детально изучил строение горной части Сибири.

Не только Сибирские земли изучали в то время русские ученые. Отправлялись экспедиции и в район знаменитых Небесных гор — Тянь-Шаня. Петру Петровичу Семенову первому из европейских ученых удалось проникнуть в Центральный Тянь-Шань. За этот научный подвиг он получил право прибавить к своей фамилии название горной страны и стал именоваться Семеновым-Тян-Шанским.

Но самым выдающимся путешественником — исследователем недоступных районов Центральной Азии был, конечно, Николай Михайлович Пржевальский. Его, еще совсем маленького, часто брал с собой на охоту дядя, который воспитал в мальчике истинную страсть к походам и любовь к природе. Позже, окончив учебу и получив офицерский чин, Николай Михайлович преподавал историю и географию в Варшавском юнкерском училище. При этом он самостоятельно изучил историю всех важнейших африканских путешествий, их успехи и неудачи, внимательно познакомился с зоологией и ботаникой и составил учебник географии. А когда ему исполнилось 28 лет, он получил долгожданную командировку в Уссурийский

край. Приложив все старания, Пржевальский отлично выполнил задание командования и написал интересную книгу о своей поездке. За это он получил повышение по службе — его назначили старшим адъютантом штаба войск Приамурской области. С тех пор его путешествия почти не прекращались.

Николай Михайлович Пржевальский путешествовал по Монголии и по пустыне Такла-Макан. Он первым из европейцев описал «кочующее» озеро Лобнор, о котором долго не смолкали в науке споры. Побывал он и в Тибете. Длина маршрутов Пржевальского по самым недоступным районам Центральной Азии — больше тридцати тысяч километров.

Он не только совершил ряд крупных географических открытий, но и обнаружил множество новых животных и растений, собрал огромные зоологические коллекции и ботанические гербарии. Спустя много лет, уже после смерти Пржевальского, специалисты все еще продолжали по этим коллекциям открывать и описывать неизвестные науке виды представителей живой природы. В истории открытий Пржевальский по праву считается одним из величайших путешественников всех времен и народов.

Можно назвать много имен замечательных русских путешественников, сделавших все для того, чтобы загадочная Азия открыла людям свои тайны. Но окончательно эта часть света стала известна человеку только во второй половине XX века.

Неоценимую помощь оказали и оказывают географам авиация и космонавтика. С помощью совершенной аппаратуры, установленной на самолетах и искусственных спутниках Земли, ученые получили изображения самых недоступных мест. Снимки расшифровали. Нанесли подробности на топографические карты. А ведь такие карты крайне нужны и геологам, и почвоведом, и лесо- и землеустроителям, строителям дорог, плотин и электростанций.

Удивительной оказалась Азия. Нашлись на ней и ледяные пустыни, и тундры, и тайга, и степи, горы, пустыни, джунгли и такие дивные тропические острова с белым как снег горячим песком и с голубыми лагунами теплого моря. Всему нашлось место в Азии: морозу и жаре, дождям и великой суше. И везде на огромном континенте жили люди. Каждая земля была кому-нибудь родина!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

АРКТИКА — СЕВЕРНАЯ МАКУШКА ЗЕМЛИ

Что такое Арктика

Слово это греческое. «Арктикос» в переводе означает «северный». Мы так называем северную полярную часть Земли, которая включает в себя окраины материков Евразии и Северной Америки, громадный остров Гренландию, еще множество островов, весь Северный Ледовитый океан и прилегающие к нему части Атлантического и Тихого океанов. Арктический рельеф ровный, довольно унылый. Лишь на островах поднимаются горы, заснеженные, частично обдуваемые жестокими ветрами. Низкие берега переходят в шельф. Напомним, что шельфом мы называем материковые отмели, примыкающие к берегам. Глубины океана над шельфом обычно невелики — сто-двести метров, но встречаются и котловины, где дно опускается на километр и больше. (Шельф — важнейшая экономическая зона любого государства, потому что там разрабатываются месторождения нефти и газа, ведутся поиски других полезных ископаемых. По международным договорам шельф принадлежит прибрежным государствам, и никто без их согласия не имеет права вести там работы.)

Существует мнение, что в глубокой древности людей в Арктике не существовало — ни на Евразийском континенте, ни на Американском. Первыми на арктической территории Северной

Америки были люди, перебравшиеся туда в один из ледниковых периодов вслед за мигрирующими животными из Азии по перешейку (позже на этом месте образовался Берингов пролив). Это были предки эскимосов (сами себя они называют «инуитами», что означает просто «люди»). Они и дали начало заселению Арктики. Позже норвежские викинги колонизировали Южную Гренландию. Но по-настоящему проникновение людей в Арктику и ее изучение начались примерно с XVI века.

Некоторые ученые считали, что в далеком геологическом прошлом приполярная область занимала больший участок суши, чем ныне. Немецкий географ XIX века Иоганн Эгер придумал даже красивое название этому гипотетическому матерiku, соединявшему Евразию с Новым Светом, — Арктида. Якобы много лет назад Арктида была затоплена, и на поверхности воды и льда остались лишь верхушки ее гор — нынешние острова и архипелаги. Недоступность холодных областей породила много преданий среди разных народов, в том числе и населяющих полярные области.

Когда-то еще древние греки говорили о том, что далеко на севере лежит сказочная страна, в которой живут гипербореи — «люди по ту сторону северного ветра». (Предания о «теплой земле» были и у народов, населяющих приполярные земли.) Греки считали Гиперборею райской страной. Ее жители могли жить сколько хотели, хоть тысячу лет, и оставаться молодыми и здоровыми. Среди этого народа охотно жил бог Аполлон, целитель и отвратитель бед, покровитель путников и мореходов, непревзойденный музыкант и певец. Среди гипербореев никогда не бывало ссор и войн, они не знали чувства мщенья. Устав от долгой жизни, они расставались с нею, кидаясь со скалы в море.

До начала XX века гипербореями называли все народы, живущие за полярным кругом, что у нас, что в Северной Америке. Потом придумали легенду о том, что затопленная Арктида, мифическая Гиперборея, была родиной высшей нордической расы, перебравшейся в Европу...

А могут ли в действительности растаять льды и затопить евразийские низины? К сожалению, по многолетним наблюдениям в Арктике от года к году становится теплее и коли-

чество льда во всеземном холодильнике уменьшается... Вряд ли это приведет к глобальной катастрофе. Но если начнет таять вечная мерзлота и гигантская глыба льда гренландского щита.... Вот это может оказаться опасно. Это изменит климат Западной Европы из-за похолодания вод Гольфстрима. Кроме того, освободившаяся вода поднимет уровень Мирового океана...

Арктическая летопись

В 1770 году якутский купец Иван Ляхов, промышлявший на берегу Ледовитого моря, увидел, как с севера по льду идет стадо оленей. Сметливый купец подумал, что для такого количества животных там, откуда они идут, должно быть и достаточно корма. Он снарядил отряд и отправился на север. Через несколько дней пути Ляхов обнаружил три больших неизвестных острова, ставшие в дальнейшем знаменитыми из-за огромных залежей там мамонтовой кости. Купец донес о своем открытии в губернскую канцелярию, и неизвестные земли стали называться островами Ляхова.

Прошло почти полвека, когда в 1809 году недоучившийся студент Матвей Геденштром, чиновник Ревельской канцелярии, сосланный в Сибирь по делу о контрабанде и поступивший на службу в иркутскую канцелярию, получил служебное поручение: исследовать берега Студеного моря. Совершенно не подготовленному к ученым занятиям Геденштрому был дан помощник — геодезист Пшеницын. В инструкции было указано составить карту новооткрытых островов.

Геденштром решил отправиться на собаках. Дождавшись, когда спадут морозы, он выехал примерно с того же места, откуда начинал свой путь Ляхов, но продвинуться сумел недалеко. Быстро таявший лед стал настолько угрожающе трещать под нартами, что путешественники вынуждены были повернуть обратно. Несколько раз пробовали они предпринять поездки, но возвращались ни с чем. Геденштром сделал вывод, что сибирские реки выносят в Ледовитое море так много теплой воды, что за ледяной кромкой, скорее всего, должно существовать пространство, свободное ото льда. Мысль неновая, по-

сколько идея о свободном море на полюсе существовала давно и была весьма популярна в то время.

Адмиралтейский департамент решил организовать сразу две экспедиции и отправить их к устьям рек Яны и Колымы. Этнографам тех лет были известны предания северных народов о существовании обитаемых земель на север от Новосибирских островов. Поэтому в решении о снаряжении Усть-Янской и Колымской экспедиций было записано: «Отправить двух морских офицеров с помощниками, доставив им всевозможные способы к открытию предполагаемых в Ледовитом море земель и точнейшему описанию берегов Сибири к востоку от реки Яны». Начальником Усть-Янской экспедиции был назначен лейтенант Петр Федорович Анжу, а Колымской — его товарищ по Морскому кадетскому корпусу Фердинанд Петрович Врангель. Анжу выехал из Жиганска, добрался до Новосибирских островов и увидел на севере туманную дымку, которая обычно поднимается над открытой водой. Тающий лед заставил экспедицию вернуться на берег. Следующую поездку лейтенант предпринял из Верхоянска. На этот раз он воочию увидел море, полное дрейфующих льдов, и возвратился в Верхоянск вполне убежденный в невозможности проникнуть к полюсу на санях.

Врангель решил предварительно порасспросить местных жителей о землях, расположенных в океане. Все предания сходились к тому, что далеко на севере есть какая-то земля. Некоторые рассказчики уверяли, что летом в хорошую погоду со скалы на берегу можно различить белые вершины гор и что зимой оттуда, бывает, приходят олени. Врангелю рассказывали также, что однажды на остров Раутан был выброшен труп кита, истыканный копьями. Наконечники копий совсем не походили на те, какими пользуются местные охотники.

Переправившись в устье Колымы, Фердинанд Петрович в течение 1820—1824 годов предпринял четыре путешествия на собачьих упряжках по льду. В третьем путешествии ему удалось отдалиться от берега на двести двадцать восемь километров. Врангель оказался на краю огромной полыньи, настоящего моря, о котором писал в свое время Геденштром.

Четвертое путешествие едва не стоило жизни ему и его спутникам. Буря взломала лед, и собаки, ташившие нарты, време-

нами погружались в воду и двигались вплавь. Льды с грохотом сталкивались между собой, и лишь благодаря силе и выносливости собак отряд Врангеля благополучно достиг берега.

В поисках северо-западного прохода

До прорытия Панамского канала плавание из Европы в Америку было очень долгим. Судам приходилось огибать Южную Америку и идти через опасный Магелланов пролив. Поэтому неудивительно, что мысль проникнуть из Европы в Тихий океан северным путем постоянно гвоздем сидела в головах и мореплавателей и торговцев. Для ее осуществления имелись две возможности: северо-западный путь, через полярные льды севера Канады, и северо-восточный путь, по северному краю российской Арктики.

Еще в конце XV века английский капитан Джон Кабот (выходец из Италии) пытался разведать северо-западный путь, чтобы попасть в Китай, но неудачно, зато он открыл Ньюфаундленд.

Проблема была настолько острой, что английский парламент назначил премию в сто тысяч фунтов стерлингов тому, кто дойдет хотя бы до сто десятого меридиана западной долготы.

В 1818 году лондонское Адмиралтейство отправило под командой опытных моряков Джона Росса и Уильяма Парри корабли «Александра» и «Изабелла» для исследования Баффинова залива, где, казалось, имелась возможность найти северо-западный проход. Оба судна благополучно дошли до Шетландских островов и скоро оказались у берегов Гренландии. Несмотря на давно существовавшие здесь поселения, эти земли лишь приблизительно были намечены на картах, и экспедиции предстояло уточнить береговую линию. Затем корабли вошли в Баффинов залив...

Однако в морском рукаве, уходящем вдаль, Росс приказал повернуть назад. Он заявил, что увидел на горизонте горы, запиравшие выход из рукава. Никто, кроме самого Росса, никаких гор не видел, но дисциплина есть дисциплина.

Вернувшись в Англию и выслушав обвинение в небрежном выполнении инструкции, Росс тем не менее заявил: «Льщу себя надеждой, что во всем существенном я выполнил постав-

ленную передо мной задачу, ибо я доказал существование залива, простирающегося от Диска до пролива Камберленд, и навсегда покончил с вопросом относительно существования здесь северо-западного прохода». Росс категорически заявлял, что такового не существует. Увы, это была самая большая ошибка английского мореплавателя.

Лейтенант Уильям Эдуард Парри не разделял мнения своего начальника и в 1819 году возглавил плавание двух небольших судов — бомбарды «Хекла» и брига «Грайпер». Задание было прежним: достигнуть 110-го градуса западной долготы и найти северо-западный проход.

Корабли благополучно добрались до бухты, еще хранившей следы их прошлогоднего присутствия, и вступили в пролив Ланкастер, откуда бежал Росс. «Легче представить себе, — рассказывал Парри, — чем описать беспокойство, написанное на всех лицах в то время, когда мы, увлекаемые все усиливавшимся ветром, со все возрастающей скоростью двигались по проливу. Во вторую половину дня на марсах теснились офицеры и матросы, и постороннего наблюдателя, если такой возможен при подобных обстоятельствах, немало позабавила бы горячность, с какой передавались сообщения вперёдсмотрящих. Пока что все известия были благоприятными и отвечали нашим самым честолюбивым надеждам».

И действительно, более чем на пятьдесят миль оба берега тянулись параллельно друг другу. Высота волн, отсутствие льдов — все должно было убедить англичан, что они достигли открытого моря и так давно отыскиваемого прохода, как вдруг дорогу им преградил остров, перед которым скопились огромные массы льда. Однако к югу мореплаватели увидели рукав. Все надеялись, что там путь не настолько загроможден льдами. Неожиданно кто-то обратил внимание на странное поведение корабельных компасов. Пока они шли проливом Ланкастер к западу, колебания стрелки компаса усиливались; теперь же, когда корабли свернули на юг, приборы словно потеряли чувствительность. Способность магнитных стрелок указывать единое направление настолько ослабла, что они не могли больше сопротивляться притяжению самого корабля, и компасы в сущности показывали северный полюс «Хеклы» или «Грайпера».

Это означало, что корабли вышли на Северный магнитный полюс Земли. Кроме того, обилие рукавов и проливов говорило о том, что исследователи блуждают в огромном архипелаге, состоящем из тысячи островов, подводных скал и мелей. Начавшиеся туманы делали плавание весьма опасным. Однако все стремились вперед, желая во что бы то ни стало пересечь 110-й меридиан.

Наконец, обнаружив за небольшим мысом удобную стоянку, командиры определились и заявили в один голос, что заветная долгота пройдена. Громкое «ура» было им ответом. Мыс тут же назвали мысом Щедрости и стали готовить корабли к зимовке. Снимали снасти, скатывали паруса, утепляли внутренние помещения. Неотвратно наступала долгая полярная ночь. Что делать экипажу, чем заняться, чтобы не впасть в уныние? Пробовали охотиться, но все животные, кроме волков и лисиц, ушли на юг. Так что результатом вылазки были лишь помороженные носы, руки и ноги. Парри запретил это развлечение. Кому-то из офицеров пришла в голову идея организовать театр. Стали выпускать еженедельную рукописную газету. Выращивали в ящиках вокруг печек зеленую горчицу и кресс-салат — какая-никакая защита от цинги.

В начале февраля из-за горизонта показалось солнце, а 12 мая матросы увидели первую белую куропатку — вестницу весны. Но лишь в августе корабли освободились из ледяного плена и смогли продвинуться на запад до конца острова Мелвилл. Далее все по-прежнему сковывали льды. Координаты крайней точки, достигнутой экспедицией, составили 113°46'43"» западной долготы и 74°26'25"» северной широты. Командир Уильям Парри отдал приказ поворачивать обратно.

К середине ноября оба корабля без потерь вернулись в Англию. Результаты плавания были высоко оценены Адмиралтейством. Фактически в эту экспедицию Парри сделал даже больше, чем все исследователи, штурмовавшие север Американского континента в течение тридцати лет после него. Он еще неоднократно плывал в высоких широтах, но ни одна последующая экспедиция не была столь удачной.

С 1903 по 1906 год северо-западный путь от Гренландии до Аляски с тремя зимовками был наконец успешно пройден норвежским исследователем Руалем Амундсеном на судне «Йоа».

Через льды на Восток

Не менее сложно обстояли дела и с попытками пройти по северному пути на восток. Еще в 1596 году амстердамский сенат организовал экспедицию из двух кораблей с целью «отыскать удобный морской путь в царства Китайское и Синское, проходящий по северу от Норвегии, Московии и Татарии». Долго думали, кого назначить капитанами. Жили в то время в Амстердаме три известных мореплавателя с большим опытом плавания в северных морях: Якоб Гемскерк, Ян Рейп и Виллем, сын Барентса, или просто Баренц, — как человек простого происхождения, по обычаям своего времени, фамилии он не имел. Думали, думали «господа Сенат» и решили, что командовать кораблями будут Гемскерк и Рейп, а Баренц пойдет на судне Гемскерка штурманом.

Снарядили экипажи, набрали припасов и вышли из гавани. Да только с самого начала экспедиция не заладилась. Баренц настаивал на том, чтобы идти на северо-восток в направлении Новой Земли, Рейп же упрямылся и требовал повернуть прямо на север.

Среди моряков и географов того времени ходило мнение, что за ледяным барьером Полярное море свободно от льдов. Гемскерк согласился с Рейпом, и оба корабля двинулись на север.

Дальше Рейп повел себя еще более странно. Он все больше и больше уклонялся к западу, хотя целью экспедиции было найти путь на восток. Что-то такое знал хитрый капитан Рейп, о чем не хотел говорить своим спутникам. Не исключено, что когда-то он слышал о плаваниях русских поморов к неизвестной земле Грумант и теперь решил первым «открыть» эти острова. Так это было или иначе, но по прошествии нескольких дней впередсмотрящий корабля Рейпа закричал, что видит землю. Сначала голландцы приняли ее за Гренландию, но скоро разобрались в ошибке. Перед ними лежал целый архипелаг островов, покрытых множеством зазубренных остроконечных скал. За это и называли его голландские моряки Шпицбергом — «острые вершины». С этим названием острова и попали на географические карты XVII века.

Дальнейшие споры о выборе маршрута привели к тому, что корабли разделились. Упрямый Рейп пошел на север, а Гемскерк и Баренц повернули на восток. Льды прижимали судно, оттесняли его к югу. Гемскерк и Баренц лавировали между огромными льдинами, но дальше северо-восточной оконечности Новой Земли продвинуться не смогли. Наступила осень. Решили зимовать. Для голландцев, не привычных к столь суровым условиям, зимовка стала тяжелым испытанием. Не выдержав лишений, Баренц заболел. И весной, когда моряки отплыли в обратный путь, он уже не вставал. Умер он в пути, и тело его, по обычаю, опустили в морскую пучину.

На пути домой голландцы встречали много русских поморов, которые, как оказалось, давно обжили эти места и чувствовали себя в высоких широтах, среди льдов и снегов, как дома.

Впервые по северо-восточному пути из Атлантического океана в Тихий с одной зимовкой совершил успешное плавание швед Нильс Адольф Эрик Норденшельд. В июле 1878 года он вышел в плавание из норвежского порта Тромсё на корабле «Вега».

24 августа «Вега» достигла устьев реки Лены. Но короткое полярное лето закончилось, и 28 сентября у Питлекой мели, совсем недалеко от Берингова пролива, «Вега» окончательно затерли льды. Пришлось, всего в нескольких днях плавания от главной цели всей экспедиции, зимовать.

Отсутствие известий о судьбе экспедиций не могло не тревожить оставшихся. Американский публицист и владелец одной из самых распространенных и богатых газет в САСШ* — New York Herald — Джеймс Гордон Беннет снарядил за свой счет судно «Жаннетт» и отправил его под командованием морского офицера Джорджа Вашингтона де Лонга на поиски «Веги». Корабль де Лонга пересек Берингов пролив и нашел стоянку Норденшельда.

Освободившись от льда, «Вега» обогнула Восточный мыс, вошла в Берингов пролив и благополучно вернулась в порт.

---

* Северо-Американские Соединенные Штаты — распространенное в русском языке до второй четверти XX века название США.

Так европейцы установили существование северо-восточного прохода. Правда, карта берегов Сибири, составленная Норденшельдом, оказалась неточной, поскольку от Карского моря и до места зимовки из-за отсутствия солнца и из-за туманов экипаж не мог заниматься определением широт.

Судьба судна «Жаннетт» и его экипажа была менее благополучной. Де Лонг направился к Земле Врангеля, но в начале сентября был затерт и без малого два года дрейфовал с ледяными полями, пока не погиб в июне 1881-го.

Экипаж сумел погрузить на сани лодки и провизию и попытался добраться до сибирского берега. Но льды по-прежнему несли их на север и северо-запад. От нового острова, получившего название Беннета, пришлось бросить сани и перейти в лодки. Поднявшаяся буря рассеяла их. Часть экипажа была спасена местными жителями. Другая часть, в которую входил и де Лонг, погибла.

Гонка за рекордами

В XIX веке разразилась в мире эпидемия рекордов. Люди восхищались смельчаками, штурмующими недоступные точки планеты, в первую очередь полярные полюса. Но парусные суда были плохими помощниками в реализации честолюбивых планов. Несколько американских и британских экспедиций пробовали достичь Северного полюса на санях, запряженных собаками, но пробиться выше 83-го градуса северной широты не могли.

Среди арктических путешественников и первых исследователей Арктики безусловно выделяется норвежец Фритьоф Нансен. Его первое плавание по Ледовитому океану состоялось в 1882 году, когда двадцатилетний Фритьоф отправился на одном из судов промышленной компании на тюлений промысел. По возвращении он занялся наукой и получил место консерватора бергенского музея. Работа по зоологии, вышедшая в 1885 году, принесла ему золотую медаль.

В двадцать шесть лет от роду Нансен получил степень доктора зоологии. Но страсть к полярным исследованиям победила мирный труд кабинетного ученого. Он решает совершить пере-

ход через ледяное плато Гренландии от восточного берега до западного.

Вместе с пятью спутниками 17 июля 1888 года он высадился с корабля у восточного берега Гренландии и с невероятными усилиями стал пробиваться сквозь полосу плавучих льдов. Застрав на ледяном поле, путешественники попали в бурю, которая отнесла их на 400 километров от намеченного места высадки. И лишь 16 августа 1888 года они начали свой трудный переход.

Шестеро смельчаков тащили за собой тяжелые сани с провиантом и инструментами, питались почти впроголодь холодной пищей, а воду добывали из наколотого льда, собранного в бутылки и растопленного теплом собственного тела. Несмотря на морозы, доходившие до 45 °С, они проникли во внутреннюю область ледяного плато и поднялись на высоту более двух с половиной километров. На всем невероятно трудном пути путешественники вели научные наблюдения и в конце концов благополучно достигли противоположного края плато и западного берега. Таким образом, они прошли насквозь с востока на запад всю область материкового льда, что до них считалось невозможным.

Получив массу наград, Нансен подготовил к печати описание совершенной экспедиции «На лыжах через Гренландию» и описание быта коренных обитателей Гренландии «Жизнь эскимосов». Затем он принялся готовить новую, еще более трудную экспедицию к Северному полюсу.

Нансен предполагал воспользоваться течением от Берингова пролива и восточно-сибирских островов в район Северного полюса, сворачивающего затем на юг или на юго-запад между Шпицбергом и Гренландией. На корабле «Фрам» он хотел подняться, насколько удастся, к северу от Новосибирских островов, там дать кораблю обмерзнуть в плавучих льдах и вместе со льдами дальше двигаться по течению. Чтобы судно не было раздавлено, Нансен придумал корпусу такую конструкцию, при которой льды выпирали бы корабль вверх.

Из столицы Христиании Нансен с 12 надежными товарищами отплыли 24 июня 1893 года. Затем он сделал остановку у мыса Хабаров, чтобы забрать ездовых собак, и двинулся по

намеченному маршруту. После этого три года ничего не было слышно об экспедиции.

Между тем все шло по плану. Вмерзший в лед «Фрам» достиг в конце 1894 года $83^{\circ}24'$ и оправдал надежды Нансена во время январского шторма. Корабль был приподнят льдами, а не раздавлен и таким образом высвободился из ледяного ложа.

Нансен предвидел, что течение не позволит «Фраму» достичь желаемых северных широт, и решил покинуть судно, чтобы по льду пробираться на собаках и лыжах дальше к северу. 14 марта 1895 года на $83^{\circ}59'$ северной широты и $102^{\circ}27'$ восточной долготы Фритьоф Нансен и лейтенант Йогансен оставили «Фрам».

Их переход был невероятно трудным. 7 апреля 1895 года Нансен со спутником достигли $86^{\circ}14'$ северной широты. Это было на 3° широты дальше всех ранее бывших экспедиций. Здесь они повернули к Земле Франца-Иосифа, где им и пришлось зазимовать. С наступлением весны частью пешком по льду, частью в каяках путешественники продолжали путь к юго-западу. 17 июня 1896 года они неожиданно наткнулись на зимовавшую на Земле Франца-Иосифа экспедицию Джексона. И через полтора месяца пароход «Уиндворт», привезший припасы экспедиции, доставил Нансена и его товарища на родину. «Фрам», как и было рассчитано, прибыл в Норвегию со стороны Шпицбергена.

В результате были открыты несколько новых островов и установлены неточности карт, доказано существование ледников в Арктике в прошлом, о чем немало спорили геологи. Интересные открытия были сделаны в области биологии, астрономии и мореплавания, океанографии и даже в области земного магнетизма, не говоря уж о метеорологии и климатологии.

Были и другие попытки покорить «макушку земного шара».

В 1909 году района Северного полюса на собачьих упряжках достиг американский полярный путешественник Роберт Эдвин Пири.

В 1926 году над Северным полюсом пролетел американский летчик Ричард Бэрд.

В 1937-м в районе Северного полюса дрейфовала советская станция «Северный полюс-1» под руководством Ивана Папа-

нина, за которой последовала целая вереница подобных станций, выполнявших как научные, так и военные задачи.

В конце 40-х годов над Северным полюсом были проложены первые скандинавские авиалинии.

В 1977 году советский атомный ледокол «Арктика» впервые в истории мореплавания проломал себе дорогу к Полюсу.

А в 90-х годах двадцатого столетия к Северному полюсу стали ходить энтузиасты на лыжах. Путешествие к макушке Земного шара перестало быть героическим подвигом.

Конец романтики

Сегодня арктические исследования в корне отличаются от работ XIX и XX веков. Изменилось все: на помощь людям пришла новая техника, иными стали задачи. Если раньше полярниками двигали желания открыть неведомые земли, а организаторы смелых экспедиций мечтали о приключениях, то теперь главным стала экономика. И если раньше в Арктику отправлялись сначала ушкуйники с луками и стрелами, с древними пищами, потом на парусных судах романтики и промышленники, то ныне туда едут охотники за сокровищами недр — природными ресурсами, скрытыми под толщей льда и воды Северного Ледовитого океана.

По некоторым данным, полученным учеными разных стран, в арктическом шельфе спрятаны сотни миллиардов тонн нефти и природного газа. Это почти столько же, сколько драгоценного углеводородного сырья находится в недрах всех ведущих государств, владеющих его запасами.

Согласно докладу, опубликованному британской нефтяной компанией «Бритиш Петролеум», мировых запасов нефти на Земле хватит еще лет на сорок. Что будет потом — пока никто не знает. Если ученые не найдут замену топливу, которое используется в качестве основы практически в каждой отрасли хозяйства, то решающую роль станут играть арктические запасы нефти и газа. Но чтобы добраться до них, недостаточно только создать новое геолого-разведывательное оборудование, установки, способные пробурить полярный лед до дна Северного Ледовитого океана и обеспечить людям условия для работы в суровом климате.

Есть и еще одна проблема — в исследования вмешиваются политики...

Дело в том, что некогда Арктика была разделена на пять секторов. На суше основанием их служили северные границы СССР, США, Канады, Дании и Норвегии. На море — меридианы с вершиной на Северном полюсе. Соответственно считалась и принадлежность дна океана.

Это разграничение получило международное признание и было закреплено в международном праве. Но если с территориями СССР, США и Канады все было более-менее ясно, то вопрос о полярном секторе Дании оказался спорным. В дискуссии о принадлежности Гренландии на остров по праву первооткрывателей претендовали как Дания, так и Норвегия. В 1933 году Постоянная палата международного правосудия решила этот спор в пользу Дании. И датчане тут же стали претендовать на Северный полюс, который до сих пор считался ничьим. Однако в конце 50-х годов двадцатого столетия права на Северный полюс предъявила и Канада...

Конечно, проблема заключается не в географической точке полюса. Все дело в шельфе, о котором я рассказывал выше. По мнению ученых он простирается далеко за пределы двухсотмильной зоны. Свои претензии на Арктический шельф имеет и Россия. Уже были организованы несколько экспедиций, целью которых являлось установить истинные границы российского арктического шельфа. Не будем забывать, что большая часть нефти, газа и других наших ресурсов расположены именно в этом секторе.

А как быть с Северным полюсом, кому он должен принадлежать?

Международный суд постановил, что его получит то государство, которое в течение ста лет неоспоримо докажет, что дно Северного Ледовитого океана принадлежит ему.

Естественно, что заинтересованные страны тут же принялись лихорадочно собирать документальные географо-геологические доказательства. В 2002 году наши пограничники даже водрузили на Северном полюсе российский пограничный столб... Хотя это вряд ли сможет явиться серьезным аргументом для ООН.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КАК ОТКРЫВАЛИ АФРИКУ

Колыбель человечества

Многие ученые считают, что люди раньше всего появились на Африканском континенте. Оттуда и разошлись они по всей Земле. Казалось бы, зная свою родину люди должны бы лучше. А на деле выходило совсем не так. Об Африке в одном научном журнале, изданном лет двести пятьдесят назад, говорится: «Карта внутренностей материка представляет собой большую белую поверхность». Вы же помните, что неизвестные области географы оставляют на картах незакрашенными. Так вот, почти вся поверхность Африки, за исключением узкой береговой полосы и речных долин, еще двести пятьдесят лет назад была почти совсем не исследована жителями других континентов. А ведь двести пятьдесят лет — это такой маленький срок для истории.

По величине Африканский континент занимает второе место в мире после Евразии. Посмотрите на карту. Желто-коричневая поверхность Африки может показаться однообразной. Это потому, что большую часть материка занимают возвышенности. Самые высокие из них — горные хребты — расположены на востоке и идут с севера на юг почти по меридиану. А рядом в том же направлении тянется цепь впадин: озера, низменная пустыня Данакиль и Красное море...

Странный контраст, правда? Горы соседствуют с озерами, а возвышенности со впадинами. Ученые, которые занимаются геологической историей Земли, говорят, что много-много лет назад здесь, на восточной окраине древнего континента, произошли страшные землетрясения. Земная кора лопнула с севера на юг. Края трещин выпятились, поднялись горными хребтами, а впадины заполнились водой.

На Земле почти везде, где есть глубокие трещины, высятся рядом молодые горы, причем очень часто с вулканами... Африканские катастрофы, по мнению некоторых ученых, сыграли решающую роль в нашей «человеческой» истории. Именно в Африке палеонтологи нашли останки самых древних человекообразных существ, которые умели стоять и ходить на двух ногах, жили и охотились стадом. Так что не исключено, что самые ранние предки людей возникли и начали свой долгий путь развития именно в Африке.

Путешествие во времени и пространстве

По природным условиям Африку делят на ряд крупных районов. Отличаются они и по своей истории, и по народам, населяющим эти области. В Северной Африке находятся Атласские горы и величайшая в мире тропическая пустыня Сахара, занимающая почти треть материка. Однако это не просто однообразная равнина, засыпанная песком. Немало тут гор столовой формы, скалистых пустошей и извилистых сухих русел рек.

Значит, когда-то здесь была вода, вокруг лежали плодородные земли? Куда же все подевалось?..

Ученые считают, что высыхать Сахара стала примерно начиная с 4-го тысячелетия до нашей эры. А до этого она была довольно густо населена. По ее просторам бродило немало охотников и рыболовов. На землях, покрытых тучной травой, пасли свои стада скотоводы. А в поймах полноводных рек селились земледельцы. Сейчас память об этом хранят только наскальные рисунки, встречающиеся на территории пустыни.

Кое-кто из специалистов, правда, считает, что и сегодня под раскаленными песками Сахары хранятся большие запасы пресной воды. Есть даже проекты, как ее оттуда добыть. Только дорогие это все мероприятия! Никакой стране в одиночку с ними не справиться.

Пожалуй, самым древним из культурных государств Северной Африки является Египет — дитя Нила. Так, во всяком случае, сами египтяне еще в древности называли свою страну. Тогда все земли к западу от Египта населяли многочисленные ливийские племена. Ливийцы — предки современных берберов. По древнеегипетским рисункам, это были стройные светлокожие люди, украшавшие свое тело вычурной татуировкой. Густые волосы они заплетали в косу, которая спускалась на висок. А щеголи для красоты еще втыкали в прическу страусовые перья. Ливийские князья не раз, объединившись, пытались захватить Египет. Но это не получалось. Гораздо легче оказалось проникнуть на египетские земли мирным путем. В конце концов на них оказалось так много ливийцев, что на троне появилось даже несколько фараонов ливийского происхождения.

В XII веке до нашей эры на Средиземноморских берегах Северной Африки финикийцы основывали свои торговые колонии. С одной из них, ставшей могучим рабовладельческим государством Карфагеном, мы уже познакомились. Финикийцы и карфагеняне-пунийцы хозяйничали на всем побережье до са-

мой Мавритании — древней области на северо-западе Африки, пока их оттуда не выгнали римляне.

К югу от карфагенских владений кочевали в основном скотоводческие племена. И только в районах оазисов жили земледельцы. Здесь, в узких плодородных долинах-вади, отделенных от знойного дыхания пустыни горными хребтами, возникло загадочное государство гарамантов.

Римский проконсул Корнелий Бальб с отрядом воинов на быстроногих верблюдах огнем и мечом прошел земли гарамантов. Он был так измучен этим походом, что во всеуслышание заявил: южнее той страны не может существовать ничто живое — там такая жара и нет влаги! Это мнение на многие века утвердилось среди обитателей Средиземноморья. И потому никто из них не стремился отправиться в южные земли.

В V веке нашей эры на земли Северной Африки вторглись вандалы. Они создали на территории современного Туниса свое феодальное государство, которое просуществовало не очень долго. Начиная с VII века нашей эры началось завоевание Северной Африки арабами. Они захватили Египет, подчинили себе берберские племена, заставив их вождей принять мусульманскую религию. И в начале VIII века дошли до берегов Атлантического океана. Со временем все население этих районов приняло религию и язык арабов, а также переняло и многие черты арабской культуры.

Следующая географическая область Африки называется Судан. Происходит это название от арабского Билад ассудан, что означает «Страна черных». Это большая область саванн между Сахарой и тропическими лесами Гвинейского побережья, от бассейна реки Конго и Абиссинского нагорья. Чаще всего здесь можно встретить степи, уходящие к самому горизонту.

Слово «саванна» означает тип растительности в тропической и околоэкваториальной зонах. Это островки густой и жесткой травы, между которыми проглядывает красноватая почва. Рядом стоит непролазный кустарник-буш без единой ягоды. Лишь кое-где над морем трав и кустарников поднимаются кривоствольные деревья с кронами, похожими на зонтики, да стоят великаны баобабы.

Ночью саванна наполняется шорохами и голосами невидимых зверей. Страшно путешественнику. Как знать, кто идет в темноте? Хорошо, если это безобидный жираф или отбившаяся от стада антилопа. А вдруг леопард? Или прайд львов вышел на поиски ужина?..

Северные районы Судана арабы называли Сахелем, что означало «берег». Сюда на границу пустыни и саванн приходили кочевники и жители земледельческих районов и вели торг, обмениваясь продуктами и изделиями ремесла. А сколько легенд ходило об этих местах! Помните карту, которую нарисовали монахи-лежебоки? Каких только чудищ не поселили они в неисследованных африканских областях! Пожалуй, самые первые правдивые описания этих мест составили арабские путешественники и географы. Они рассказали, что в верховьях могучих рек Сенегала и Нигера (к северо-западу от современного государства Гана) находится старинное рабовладельческое государство Гана. Жители его занимаются земледелием и скотоводством, но главное — умеют превосходно обрабатывать металлы. Длинные караваны, собранные арабскими купцами, везли в столицу государства соль, а вывозили оттуда золото. В IX—XI веках государство Гана переживало настоящий расцвет. Но потом было завоевано северными соседями. Арабская культура пришла на смену местным традициям, и народы, населяющие Западный Судан, потеряли свою независимость.

Давайте спустимся еще ниже по карте континента в район Экваториальной Африки. В него входят Западная и Центральная Африка со странами Гвинейского побережья. Здесь же находятся и государства Межозерья. В этой климатической зоне всегда жарко. И все-таки именно здесь, в лесах Экваториальной Африки, с давних пор существовали богатые и могущественные государства. Их жители были хорошо знакомы с выплавлением железа, вырабатывали прекрасные изделия из керамики и широко торговали не только с соседями, но и с дальними заморскими странами. В XIX веке нагрянули в эти места европейцы. Пришли с солдатами, с пушками, стали натравливать племена друг на друга и под видом защиты отбирать у коренного населения лучшие земли.

Наша следующая остановка — Восточная Африка — область горных сбросов, нагромождений окаменевших потоков лавы и высоких плато. На побережье Восточной Африки сложилась очень своеобразная культура. Сюда с давних времен направляли свои взоры в поисках легкой наживы арабы и персы. Приходили корабли из Индии. Наверное, потому и смешались здесь языки и наречия, напластовались влияния на первоначальную культуру народов банту. И наконец, еще южнее тянется обширная полупустыня Калахари. Это уже чисто Южная Африка. К сожалению, древняя и средневековая история ее коренных народов изучена пока мало. Но наиболее древними обитателями считаются здесь готтентоты и бушмены. Племена банту, составляющие сейчас большинство населения, пришли сюда из внутренних областей позже.

Как и на других континентах, народы, населяющие Африку, развивались неравномерно. До начала колонизации их культура мало чем отличалась от культуры народов, населяющих другие части света. Задержало их развитие возникновение колониальной системы. Однако в наши дни страны Африки быстро наверстывают упущенное.

Африканские путешествия арабских купцов

В Средние века большие купеческие корабли плавали по всему Индийскому океану. Это были хорошо вооруженные вместительные суда с большой охраной. Пираты опасались нападать на них, потому что купцы устраивали на своих судах огнеметы, далеко выбрасывающие горящую нефть.

Со временем на восточном берегу Африки, на острове Мадагаскар и на Коморских островах поселилось множество купцов — выходцев из Азии. Кого тут только не было: арабы и персы, индийцы, турки... Все они, обуреваемые жаждой добычи, не брезговали ничем. Слоновая кость так слоновая кость, золотой песок, шкуры, драгоценные камни и жемчуг... Но главным предметом торговли были рабы!

На острове Занзибар и в других пунктах восточного побережья, а также в Египте торговцы устраивали невольничьи станции. От-

сюда банды вооруженных охотников за людьми отправлялись в глубь материка. Одни шли в верховья Нила, другие пробирались по реке Конго. Главным «полем охоты» был район болот и озер. Здесь профессиональные «охотники за неграми», как они называли себя сами, производили страшные опустошения. Целые караваны попарно связанных людей уводили они на побережье.

На береговых станциях формировали транспорты. Загоняли рабов на корабли и отправляли в разные страны. Но были, конечно, и другие купцы, не занимавшиеся позорным ремеслом.

Самым знаменитым из арабских купцов-путешественников по Африке был Ибн-Баттута, живший в XIV веке. Его называли одним из величайших путешественников всех времен и народов.

Родился Ибн-Баттута в городе Танжере, расположенном на северном берегу Африки у самого Гибралтарского пролива. Свое первое путешествие он совершил, когда ему исполнилось всего двадцать лет. Сначала казалось, что это обычная поездка сухим путем из Танжера в египетскую Александрию. Но прошел год, и пять, и десять, а Ибн-Баттута все не возвращался.

Он вернулся под родимый кров лишь через двадцать лет. Объехал Египет и всю Восточную Африку, Аравийский полуостров и Среднюю Азию. Побывал в Крыму и на Каспии, проехал по Волге и посетил столицу волжских болгар. Он прошагал с караванами через Центральную Азию и Индию, побывал в Индонезии и Китае.

Но и вернувшись в Танжер после такого долгого отсутствия, он не усидел на месте. Султан соседнего города решил послать посольство на реку Нигер. Кого же из знающих путешественников отправить в такой путь? И снова Ибн-Баттута в дороге. На этот раз он пробрался в такие места Западной Африки, куда еще никогда не ступала нога чужеземца. И из этого чрезвычайно опасного путешествия арабский путешественник вернулся благополучно. Дома он объявил всем, что странствия свои на этом закончил. Нанял писцов и продиктовал им по памяти все, что случилось с ним в его поездках... Сто двадцать тысяч километров прошел этот удивительный человек по суше и по морю. Его книга, переведенная на языки многих народов мира, и по сей день — настоящий клад для ученых, исследующих историю Средних веков.

О принце-мореплавателе, который никуда не плывал

В то время, о котором я хочу вам рассказать, страной Португалией управлял деятельный король Жуан Первый. Он был незаконным сыном короля Педру Первого. Но когда наследник престола умер, Жуан заколол фаворита королевы, которого никто не любил, и стал королем сам. А после того как его войско разбило кастильцев, положение Жуана Первого на престоле стало очень прочным. Вот только денег не было в казне. Войны и аристократы вконец разорили государство. Правда, своеволие феодалов король укротил. Но денег от этого не прибавилось. И Жуан день и ночь ломал себе голову, где бы открыть новые источники доходов. Даже королевские дети были посвящены в заботы родителя.

Часто вечерами, когда усталое солнце опускалось в синие воды океана на ночной отдых, в зале королевского дворца собиралось семейство, чтобы послушать чтение Библии. Правда, принцы часто спорили, что читать. Старший, Дуарти, больше всего на свете любил дрессировать лошадей. И потому он требовал историй, в которых непременно участвовали лошади. Средний принц, Фернанду, предпочитал рассказы о стойкости и храбрости библейских пророков. А младший, Энрики, больше других любил историю про царя Соломона, который знал путь в сказочную золотую страну Офир.

У Соломона не было прочных кораблей, способных выдержать далекое плавание, не было искусных кормщиков. Но у царя была тайна — дорога в золотую страну Офир. И Соломон договорился с соседом — тирским царем Хирамом. В финикийском городе Тире, как и в Португалии, жили самые опытные корабельщики.

«И послал Хирам на корабле своих подданных корабельщиков, знающих море, с подданными Соломоновыми; и отправились они в Офир, и взяли оттуда золота четыреста двадцать талантов, и привезли царю Соломону... И корабль Хирамов, который привез золото из Офира, привез из Офира великое множество красного дерева и драгоценных камней...»

«Ну и богач же был Соломон!» — думал Энрики, мечтая отправиться в сказочную страну. Жаль только, что никто не знал туда дорогу.

В какую сторону отправиться? Не раз обсуждали этот вопрос португальские купцы и мореходы. Все известные в то время пути в море были для них закрыты. Средиземное море находилось под контролем каталонцев и генуэзцев с венецианцами. Они крепко держали в руках торговлю с Индией, которая шла через Египет, и не подпускали к ней никого другого.

На Северном и Балтийском морях хозяйничали купцы мощного Ганзейского союза. С ними португальцам и думать нечего было тягаться. На запад уходил безбрежный Атлантический океан, в котором пока, кроме нескольких необитаемых островов, ничего моряки не обнаружили. Оставалось одно-единственное направление — на юг, вдоль западного побережья таинственной Африки. Но для этого португальцам следовало прежде утвердиться на Гибралтаре. Там же по-прежнему сидели мавры.

И вот, погрузив однажды на корабли рыцарей со всем их тяжелым вооружением, король Жуан отплыл из Лиссабона в сопровождении принцев к мавританским берегам. Дворяне-фидалгу, потрясая оружием, ворвались в мирный город Сеуту и разграби-

ли его. И здесь в плен португальцам попались несколько старых мавританских космографов. Они рассказали королю и его сыновьям столько интересного о неизвестных африканских землях, что те даже забыли предать стариков смерти. А мавры рассказывали о сказочных богатствах, скрытых в глубине Черного континента: о золоте, слоновой кости, о пряностях и о черных рабах, которые так дорого ценятся на невольничьих рынках. Караваны купцов уходили куда-то и возвращались, груженные сокровищами. Но куда они шли? Этого старые ученые не знали. Может быть, они знали путь в сказочную страну Офир или в Индию? Принц Энрики поклялся достигнуть тех мест морским путем.

Вернувшись домой, молодой человек впервые задумался и о своем будущем. Что делать дальше? Королем ему не быть как младшему. Плести интриги и пытаться уморить братьев, чтобы все-таки добиться престола, ему тоже не хотелось. И тогда он принял монашество. Более того: он стал Великим Магистром полумонашеской, полувоенной организации — рыцарского ордена Христа. Орден был богат и во многом влиял на политику в стране.

На южной окраине государства, в провинции Алгарви, на пустынной морской косе мыса Сан-Висенти Энрики заложил укрепленный замок Сагриш, в котором открыл школу мореходов. Португальцы и раньше были неплохими моряками, но их плавания носили каботажный характер, то есть велись вдоль берегов. В открытое море выходить не решались, потому что никто не умел пользоваться картами. И вот первыми учителями в школе Энрики стали каталонские картографы. Следом за ними приехали генуэзские и венецианские капитаны... О, какие интересные рассказы и споры звучали в сумрачных залах замка, когда осенний ветер гудел в трубах, а в камине жарко трещали дрова. В мечтах моряки побывали на краю света и ограбили все «золотые страны» из древних легенд...

Начало португальских плаваний

Постепенно наступило время от рассказов и учебы переходить к делу. А это оказалось значительно труднее. Как только родные берега терялись из виду, храбрые фидалгу становились

беспомощными и робкими, как дети. Они придумывали тысячи причин, чтобы не отрываться от берега. Два года уговоров и угроз понадобились принцу, чтобы его капитаны рискнули на переход от Португалии к острову Мадейра, уже давно известному арабским и итальянским мореплавателям.

Особенно трудно было выгнать капитанов за пределы уже открытых земель. Пробираясь к югу вдоль африканского берега, моряки доходили до мыса Бохадор, который на три мили выдвинулся в открытый океан, но дальше идти не решались. Все были уверены в том, что здесь конец Земли и кто обогнет страшный мыс — будет сожжен испепеляющим зноем. Капитаны не зря называли этот мыс Нон, что означало «Нет».

Между тем каждая экспедиция съедала немало денег. А доходов не давала никаких. Ворчали рыцари на своего магистра. Королевский двор громко выражал недовольство принцем, разорявшим казну. А каравеллы Энрики по-прежнему лишь изредка открывали небольшие, большей частью необитаемые островки да бороздили воды у северо-западного пустынного берега Африки. Редко кому из португальских капитанов везло. Случайно замечали они на пустынных берегах небольшие деревни, и тотчас же устраивалась охота. Несчастные жители становились рабами.

Однажды принцу Энрики донесли, что один из его капитанов, некто Жил Эаниш, торгует рабами, не отдавая в казну положенного процента. Это было серьезное преступление. Капитану грозила петля. И вот, чтобы спасти собственную шкуру, Эаниш стиснул зубы и, запалив фитиль аркебузы, погнал своих матросов на штурм водоворотов мыса Бохадор. Люди прощались с жизнью. Но капитану терять было нечего. Раскачиваясь на волнах, каравелла обходила страшную косу... Каково же было удивление всех, когда за мысом открылся такой же пустынный и необитаемый берег, покрытый надоевшим серо-желтым песком.

Букет скудных цветов, привезенный в Сагриш из-за страшного мыса «Нет», спас жизнь капитану Эанишу и открыл путь дальше вдоль африканского берега другим кораблям. Обследуя сухие долины давно исчезнувших рек пустыни Сахары, португальцы наткнулись на небольшие россыпи золотого песка. И поспешили назвать берег и бухту Золотой рекой. Но золота было мало, а десять чернокожих мужчин и женщин, с трудом пойманных среди

скал и камней, тоже не составили богатства. Где же вожаемые сокровища, о которых рассказывали мавританские космографы?..

И вот в 1443 году очередная экспедиция португальцев под началом Нуньо Триштана обогнула мыс Бланко. Прямо перед собой матросы увидели группу небольших низменных островков. Острова были обитаемы! На рассвете к бортам каравелл подошли большие лодки, полные улыбающихся чернокожих людей. Они приехали поприветствовать белых пришельцев и оказать им уважение и гостеприимство. Бедняги впервые встретились с европейским вероломством. Их пригласили на борт и там надели на них колодки и цепи, превратив в рабов. В Лиссабоне на рынке «живой товар» был выгодно продан, а принц Энрики получил пятую часть барыша.

Следующая экспедиция привезла еще больше черных рабов. Следующая — еще больше... Доходы рекой потекли в казну короля и рыцарского ордена.

С благословения принца-домоседа, Великого Магистра ордена Христа, получившего прозвище Генрих Мореплаватель, португальцы открыли позорные страницы освоения Черного континента европейцами.

Сорок пять лет руководил инфант Энрики из Сагриша португальскими завоеваниями в Африке. За это время торговый флот небольшой европейской страны стал одним из сильнейших в мире. Обученные и воспитанные в сагришской школе мореходы захватили и присоединили к Португалии большие участки на африканском побережье и множество островов, разбросанных неподалеку от Африки в Атлантическом океане.

Вдоль африканских берегов

Медленно продвигались португальские мореплаватели вдоль западного берега Африки. Корабли работорговцев предпочитали опустошать уже знакомые области. А на снаряжение новых разведывательных экспедиций у Португалии не было ни сил, ни средств. Новый король Афонсу Пятый продолжал воевать с маврами, потом затеял длительную и неудачную борьбу за кастильскую корону. Финансировать и организовывать новые экспедиции он желания не испытывал. Более того, одному дво-

рянину из своей свиты, некоему Фернанду Гомишу, он отдал в аренду на пять лет всю гвинейскую торговлю. За это Гомиш должен был ежегодно вносить в казну пятьсот золотых дукатов и продвигаться вдоль побережья Африки по крайней мере на сто лиг за сезон. Это соответствовало примерно шестистам километрам. Расстояние немаленькое.

Почему Гомиш согласился?.. Помните ли вы серебряную карту арабского географа Ибн-Идриси? В основу своих взглядов арабский ученый положил карту мира знаменитого географа древности Птолемея. А тот был уверен, что Атлантический и Индийский океаны не сообщаются. Птолемей считал Индийский океан просто внутренним морем. В то же время среди мореплавателей ходило немало преданий о том, как когда-то в древности финикийские моряки, посланные египетским фараоном, обошли Африку вокруг. Значит, где-то далеко на юге океаны должны были соединяться? Эта мысль грекла душу португальских мореплавателей и разжигала их аппетиты. Обогнув Африку, можно было надеяться достигнуть золотоносной Эфиопии и Индии — страны сказочных, невероятных богатств.

А тут еще за мысом, который на наших картах называется Пальмас, берег Африки круто повернул на восток. Не означало ли это, что доблестные португальские капитаны уже достигли оконечности континента? Может быть, осталось совсем немного — и золото неудержимым водопадом хлынет прямо в трюмы вместительных каравелл... И корабли Гомиша, распустив паруса, шли дальше. Они обнаружили широкую полосу берега, на которой были прекрасные рынки слоновой кости. Туземцы во множестве привозили клыки огромных животных. Некоторые из них достигали двух с половиной метров длины и весили до ста килограммов. Это было великое

богатство. Путешественники так и назвали этот район: Берег Слоновой Кости.

Через год другая экспедиция, продвинувшаяся дальше, нашла на одной из стоянок золотоносную речку. И хотя драгоценного песка было не так уж много, португальцы поспешили окрестить местность Золотым Берегом. Но главное «богатство» ждало их еще впереди.

От устья реки Вольта и до разветвленной дельты Нигера берег казался недоступным из-за страшной силы прибоя, бившего о скалы. Кроме того, здесь было множество подводных камней. Но зато, пробившись через преграды, моряки были награждены спокойными лагунами и укромными бухтами с прозрачной водой. А главное, от самого берега начинались необычайно населенные районы тропической Африки. Селение шло за селением. И люди в них жили высокие, красивые и здоровые на вид.

Очень скоро среди моряков привилось название этих мест — Проклятые лагуны, а те, кто посылал экспедиции, называли новую область не иначе, как Невольничьим Берегом. Но здесь-то и ждало португальцев жестокое разочарование. В 1472 году капитан Сикейра первым из европейских мореплавателей пересек экватор. Он открыл вулкан Камерун и надеялся вскоре выйти на прямой путь в Индию. Но у залива Биафра берег вдруг снова круто повернул на юг. Это был тяжелый удар. Надежда достичь Индии, обогнув Африку, снова лопнула. В общем, споров и прений по этому вопросу было множество. Толком же никто ничего не знал.

Как король Португалии изменил свой герб

В годы, когда Португалией правил король Афонсу Пятый, в небольшом монастыре неподалеку от Венеции жил монах по прозвищу фра Мауро. И был он, по общему мнению, «географус инкомпарабилис», что означало «несравненный географ», величайший географ своего времени. Ему-то через своих послов и поручил Афонсу составить «величайшую карту мира». А чтобы венецианцы не чинили почтенному ученому помех, Афонсу обещал передать венецианскому сенату географичес-

кие отчеты обо всех португальских открытиях. Взамен он требовал копию карты.

Больше двух лет трудился географ. Зато работа его была выше всяких похвал. 6 футов высоты и 7 футов ширины был лист, на котором фра Мауро изобразил землю, и воды, и реки, и горы. Венецианская республика так гордилась картой, что велено было вычеканить особую медаль, а сам шедевр вставить в золотую раму.

Получил и Аффонсу обещанную копию. И что, вы думаете, его поразило и обрадовало больше всего? Африка! Да, да, Африканский континент на чертеже величайшего географа XV века сужался к югу, и его берега со всех сторон омывали океанские волны. Значит, можно было снова пытаться на корабле обогнуть континент и добраться все-таки до благословенных и безумно богатых земель Эфиопии и Индии...

Вот почему, когда камерунский берег снова повернул на юг, все мореплаватели приуныли. Они, конечно, решили, что фра Мауро ошибся и что были правы Птолемей и Ибн-Идриси... Не мог скрыть своего разочарования и король Аффонсу. Срок аренды Гомиша кончался. Денег в казне было, как обычно, мало. Что-то следовало предпринимать. Есть мнение, что именно в это время кто-то из придворных стал подговаривать короля снарядить экспедицию на запад, через Атлантический океан, или Море Мрака, как называли его ученые мавры. Дело в том, что у берегов Марокко нередки туманы. Это обстоятельство и послужило арабам основанием для мрачного названия. Но такое смелое предприятие не решается за раз. Аффонсу послал запрос флорентийцу Тосканелли, потом попытался уговорить повелителя Дании организовать экспедицию для пересечения Северной Атлантики. Обо всем этом я еще расскажу вам в главах о Колумбе. А пока мы вступаем в тот период, когда в Португалии воцарился наследник Аффонсу — король Жуан Второй.

Еще в те времена, когда Жуан был принцем, ему передали все доходы казны с африканской торговли в качестве пожизненной пенсии. И потому, взойдя на престол, он сразу же отправил в Гвинею экспедицию под командой Диогу Кана. Хроники того времени уверяют, что это был «добродетельный человек» и опытный моряк. Однако добродетели португальских

капитанов нам хорошо известны, так что отнесемся к этой оценке критически.

Итак, корабли благополучно обогнули западный выступ Африканского континента, вошли в Гвинейский залив и бросили якорь возле устья реки, которую сегодня называют Вольта. Здесь Диогу Кан велел заложить форт Эльмина, гарнизон которого должен был защищать золотые копи, расположенные поблизости. Затем он снова двинулся в путь. Корабли пересекли экватор и довольно долго шли на юг, пока матросы, черпая соленую океанскую воду, вдруг не закричали, что вода за бортом пресная.

Задача, поставленная перед Диогу Каном, заключалась в «нахождении пути в христианскую Эфиопию к царю-священнику Иоанну». Где лежала Эфиопия, которую называли «Африканской Индией», никто не знал. Возможно, где-то в глубине континента. Поэтому капитан приказал стать на якоря и постараться поймать несколько туземцев, чтобы расспросить их. Сказано — сделано! Что другое, а уж ловить людей португальцы умели. Тем более что эти чудаки вроде бы и не боялись чужеземцев. Скоро Кан уже знал о государстве, лежащем по берегам реки, которую он назвал Риу-ди-Сан-Жоржи, а мы называем Конго; о могущественном правителе Огове, который живет в большом городе в глубине страны. У капитана радостно и тревожно забилося сердце. А вдруг этот правитель — сам «священник Иоанн», набогатеший царь Эфиопии, которого уже столько лет ищут по всему свету?..

Ученые космографы были убеждены, что Эфиопия находится совсем недалеко от устьев рек Западной Африки. Может быть, потому и впал в ошибку Диогу Кан.

Португальцы решили подняться вверх по течению. Некоторое время они настороженно вглядывались в селения, изредка попадавшиеся среди буйных лесов. Ожидали нападения. Но жители были приветливы и добродушны. Они без страха поднимались на борт корабля и рассказывали о городе, расположенном выше по реке, и о вожде, который им управляет.

Очень хотелось португальским морякам самим встретиться с этим правителем. Но плавание по реке на тяжелом и неповоротливом корабле — занятие опасное. Путешественники ограничились тем, что отправили к неизвестному царю несколь-

ких португальцев с подарками. А сами, задержав на борту четырех «эфиопов», двинулись в обратный путь.

Король очень обрадовался, когда экспедиция Диогу Кана возвратилась в Лиссабон. Он посвятил капитана в рыцари, установил ему годовое жалование в тысячу реалов. Сам Жуан Второй тут же принял титул повелителя Гвинеи и велел по этому случаю изменить португальский герб.

Рассказывают, что в дни, когда двор праздновал новый титул короля, в Лиссабон прибыл нюрнбергский купец и ученый по имени Мартин из Богемии. Это был уже знакомый нам Мартин Бехайм, о котором я рассказывал как об авторе первого европейского глобуса. Мартин умел пользоваться навигационными приборами и определять истинное местонахождение корабля. Такие специалисты были в то время редки. И король решил не упускать случая. Он приказал вторично снарядить две каравеллы и обеспечить их экипажами, провиантом и вооружением с расчетом на три года. Командование экспедиции снова поручалось Диогу Кану, штурманом назначили Мартина Бехайма. А приказ был такой: «Зайти за столбы, которые поставил в Африке Геркулес, и по возможности все время держать курс на полдень и на восход солнца».

На корабли погрузились купцы с образцами различных пряностей, которые следовало показывать местным жителям. Взяли моряки с собой восемнадцать коней с полной сбруей для подарков африканским королям. После напутственной мессы Диогу Кан и Мартин Бехайм приказали поднять паруса.

Главным в этом походе было, по-видимому, желание португальцев во что бы то ни стало добраться до повелителя «Африканской Индии» (на самом деле — государства Конго) и завести домой крещенных в Португалии «эфиопов». Церковь очень рассчитывала на то, что новообращенные станут проповедниками христианства в языческой стране.

Кан доставил захваченных на родину. Он честно обменял их на португальских заложников, оставленных здесь более двух лет назад, и принял на корабли еще несколько молодых «эфиопов». Король и епископы требовали привезти их, чтобы «наставить в истинной вере», а потом отослать в Конго вместе с португальскими священниками. Они надеялись, что постепенно государ-

ство, которое невозможно завоевать силой, станет христианским, а потом и само попросится под власть португальской короны.

Везде, где колонизаторы встречались с организованным единым государством, они предпочитали действовать хитростью. Так действовали португальцы. Точно так же потом поступали испанцы, голландцы, французы, англичане, бельгийцы, турки и немцы — все те, кто, как стая воронья, налетели на Африку, чтобы растерзать, растащить континент на колонии.

В глубины Черного континента

Богатства Африки кружили головы европейцам. Скоро на берегах огромного континента не осталось буквально ни одного свободного участка, где бы ни стояли иностранные фактории, склады, а то и просто укрепленные форты. За высокими оградами громоздились мешки и тюки с товарами, расхаживали солдаты, а из сарая доносились стоны и плач. Там содержались рабы...

В XVII веке португальские иезуиты-миссионеры исправили ошибку Диогу Кана и составили довольно точную карту настоящей Эфиопии. Побывали там и английские путешественники. Однако главным районом английских исследований был бассейн рек Гамбии и Нигера. Тогда же вверх по реке Сенегалу поднялась французская экспедиция, возглавлял которую сам директор торговой Сенегальской компании, колонизатор-исследователь Андре Брю. Здесь, в тропической Африке, он первым из европейцев объявил целую территорию колониальными владениями Франции. Португальцы до этого не додумывались. Они строили форты и одиночные фактории на побережье.

Французские исследователи сразу отличились широким размахом. В конце XIX века французский военный моряк Пьер Бразза отправился в путешествие по рекам, впадающим в Гвинейский залив. По пути он подкупам и угрозами заставил местных вождей подписать целый ряд фальшивых договоров. При этом многие даже не понимали, что отныне они теряют свои земли и переходят «под защиту» Франции. На Нижнем Конго Бразза основал город Браззавиль, который в скором времени стал центром огромной колонии Французской Экваториальной Африки.

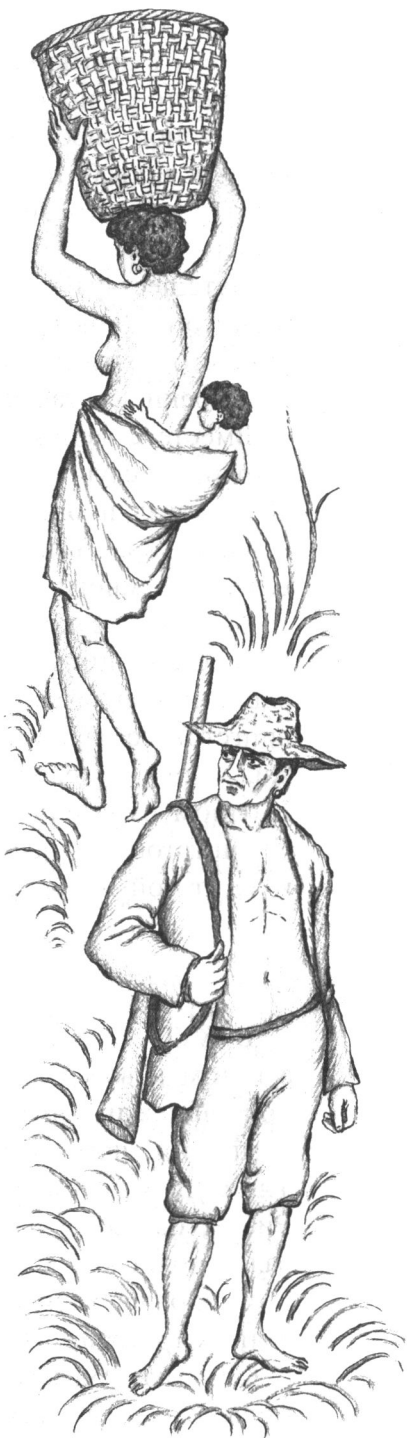
Колонизаторы долгое время скрывали даже названия народов, населявших Африку, — негры, мол, и все. А ведь так же, как Европу или Азию, Африканский континент населяют самые разные народы. Они принадлежат не только к различным расам. У них свои, исторически сложившиеся хозяйственные и культурные навыки, своя цивилизация...

Среди миссионеров, отправлявшихся в разные уголки земного шара, было немало не только священников, но и учителей и врачей. Многие из них честно считали, что несут свет и истину в заблудшие души дикарей. Но гораздо чаще вслед за врачами и пастырями высаживались солдаты. И вчера еще свободная страна становилась колонией.

Из числа путешественников-миссионеров резко выделялся Давид Ливингстон. Он родился на Британских островах в бедной шотландской семье. С трудом добился образования. И когда получил диплом врача, твердо решил ехать в Южную Африку.

Семь лет прожил Ливингстон в стране бечуанов. Миссия его находилась в горном районе Куруман, между реками Вааль и Оранжевая. Он хорошо изучил язык местного племени банту и никогда не нуждался в переводчике. Заручившись поддержкой вождя одного из сильных племен на реке Замбези, Ливингстон организовал в его деревне базу для своего первого большого путешествия

В поездках он всегда относился к своим спутникам как к равным, независимо

от цвета их кожи. И потому ему удавалось часто то, чего не могли сделать другие европейцы. Человек простой и прямодушный, Ливингстон ненавидел рабство и надеялся своими трудами, своей научной работой воспрепятствовать охоте за рабами и прекратить истребительные межплеменные войны. Ливингстон наивно верил, что это окажется возможным, если в Африке укрепится «гуманное британское господство».

Путешествуя с небольшим отрядом по реке Замбези, Ливингстон открыл величайший в мире водопад Виктория. Ширина его почти два километра. А высота, с которой падали вниз воды реки, составляла сто двадцать метров.

Вместе с женой, Мэри Моффет, отважный путешественник с группой слуг и носильщиков пересек Африканский материк. Исследовал и описал неизвестные европейцам земли. И, вернувшись с семьей на родину, издал книгу, которая была переведена на многие языки и прославила его имя.

Английские колониальные власти воспользовались популярностью Ливингстона среди африканского населения и предложили путешественнику должность консула в Келимане. Ливингстон согласился. Он снова отправился в Африку и продолжил свои исследования. Однако на этот раз ему не повезло. В одном из путешествий умерла от тропической малярии жена Ливингстона. А несколько лет спустя, обследуя озеро Танганьика, от той же болезни погиб и он сам.

Город на мысе

В XVII веке на юге Африки португальцев стали теснить, а потом и вовсе выгнали голландцы. Однажды за мысом Доброй Надежды бросил якорь корабль Ост-Индской торговой компании, штаб-квартира которой находилась в Нидерландах. Тяжелый и неповоротливый солдат-коммерсант по имени Ван Рибен, одетый в панцирь, спрятанный под камзолом, облюбовал у подножия Столовой горы место для поселка.

Скоро прибыли и первые переселенцы. Поселок быстро превратился в город. Называли его кто Капстадт, кто Капштадт, а то и Кейптаун. На разных языках — голландском, немецком и английском — означало это слово одно и то же: «Город на мысе».

Отсюда, из Капстадта, и отправлялись голландские экспедиции на поиски золота. Отряды шли на север. Переходили из области прекрасного средиземноморского климата и виноградников в зону безлесных степей и полупустынь. Поднимались на безлюдные плато, где солдатам изредка встречались бродячие охотники — бушмены — статные ловкие люди с желто-коричневой кожей и тугим войлоком шерстистых курчавых волос на голове. Бушмены появлялись как тени и так же пропадали. Ни золотых амулетов, ни серебряных слитков не было на их шеях. И вообще никаких следов золота не увидели голландцы на этой малоплодородной, засушливой земле.

Так, наверное, и окончились бы ничем эти бесплодные экспедиции, если бы следом за солдатами не двигались запряженные волами фургоны переселенцев. Среди них были не только голландцы, но и немцы, и французы. Местные власти с легкостью отдавали прибывшим колонистам земли, принадлежащие готтентотам и другим народам, которые, по их мнению, «годились только на то, чтобы служить белому человеку».

Некоторые колонисты, не прижившись на земле, уходили в свободные охотники. Они добывали шкуры леопардов и зебр, рога антилоп. Отстреливали тысячи страусов только для того, чтобы выщипать у каждой убитой птицы по несколько перьев, так ценившихся модницами Европы. Буквально за несколько лет эти «свободные» охотники уничтожили почти всех слонов, у которых они вырубали топорами только бивни.

К середине XVII века к северу от Капстадта образовалась большая белая Капская колония. Колонисты называли себя бурами, что означало «крестьяне». Многие из них, пообжившись, высказывали недовольство правлением эmissаров Ост-Индской компании, которые обирали переселенцев. И в конце XVIII века среди колонистов вспыхнуло восстание. Буры сбросили власть компании и провозгласили республику. Однако радость по поводу одержанной победы была недолгой. Подстрекаемые служащими компании, против колонистов выступили воинственные племена зулусов. Началась война. Воспользовавшись смутами в стране, Англия предложила оказать помощь белому населению и ввела в Капскую колонию свои войска. А несколько лет спустя прибрала этот участок территории Южной Африки к своим рукам...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КАК ОТКРЫВАЛИ АМЕРИКУ

Что такое «Америка»

Прежде всего договоримся, что мы станем называть Америкой. Географы так называют часть света, которая состоит из двух материков: Северного и Южного, соединенных Панамским перешейком. К ним же относятся и рядом расположенные большие и малые острова. Нормальное определение, давайте и мы его примем!

А теперь посмотрите на карту. Оба материка тянутся от Северного полярного круга почти до Южного, лежат по обе стороны экватора и совершенно не похожи друг на друга. Я даже думаю, что и называть-то их в свое время следовало по-разному. Но... что случилось, то случилось. Не нам переделывать. А вот с какого из материков лучше всего начать знакомство с Новым Светом, это мы можем решить сами.

В своем первом плавании Колумб достиг Багамских островов, Кубы и Гаити, после чего вернулся в Испанию. В дальнейшем европейцы сначала познакомились с Южной Америкой, а потом с Северной. Поступим так же и мы, хотя в этом вопросе немало путаницы.

Большая часть материка — его наиболее широкая, массивная половина — лежит в низких жарких широтах. И потому климат в большей части Южной Америки экваториальный

и тропический. Даже в умеренном поясе «подветренной» Патагонии летом температура поднимается до 34 градусов тепла. Правда, зимой ей ничего не стоит на столько же спуститься ниже нуля.

В Южной Америке большую часть территории на востоке занимают невысокие нагорья и низменные равнины. Здесь среди густого вечнозеленого леса катит свои коричневые воды самая большая и самая полноводная река на земле — Амазонка. Жарко, влажно и сумрачно в сельве. А уж животных, птиц, пресмыкающихся, насекомых — не перечесть!

Север и запад материка окаймляет высокая горная цепь Анд, сложенная из множества хребтов — кордильер. Неприятное это соседство. Среди горных вершин Анд немало действующих и потухших вулканов, затаившихся очагов страшных землетрясений. На острых скалах, уходящих за облака, лежат вечные снега и льды.

В Центральных Андах немало плоских каменистых пустынь, вознесенных высоко над уровнем моря. Называют эти плато пунами. Сегодня Южную Америку населяет множество самых разных народов. Но коренное население — индейцы.

Северная Америка по своему облику имеет совсем иной характер, чем Южная. На севере к ней относят целый ряд арктических архипелагов и громадный ледяной остров Гренландию, а на юге ее граница проходит по Панамскому перешейку. На большей части материка климат сравнительно теплый, хотя и отличается неустойчивой погодой. Это и понятно: горы, расположенные на востоке и западе, создают коридор, по которому одинаково легко вторгаются и холодные массы воздуха с севера, и теплые с юга. Но гор в Северной Америке не очень много. Они занимают примерно одну треть территории. Две трети — равнины и низменности.

Южноамериканские Анды, продолжаясь в Северной Америке, называются Кордильерами. Здесь они дают начало многим рекам, спускающимся по склонам в Тихий океан. Прорезав горные кряжи, они образовали такие глубокие каньоны, что во многих местах до воды даже не добраться. На севере материка лежат тундры и арктические пустыни. Ближе к югу появляются леса, а их, в свою очередь, сменяют прерии и степи.

Самое удивительное в Северной Америке то, что до сих пор в ее недрах не нашли ископаемых костей предков человека. Неужели люди в Новом Свете — пришельцы? После долгих исследований ученые согласились считать, что впервые в Северной Америке люди появились всего двадцать или тридцать тысяч лет назад. Помните, я рассказывал раньше, что именно тогда по неизвестной пока причине стало на Земле холодать. Выморозилась вода из океанов. И между Азией и Северной Америкой, между Старым и Новым Светом перекинулся тысячекилометровый сухопутный мост. И тогда, спасаясь от ледников, по занесенной снегом «Берингии» пошли из одной части света в другую разные животные, а за ними и люди. Яркие костры осветили полярные ночи Аляски. Потом переселенцы проникли южнее, распространились по всему Северному материку и стали аборигенами. Обратный путь им был заказан. Преодолеть снова ледяные громады Северной Берингии было несравненно труднее, чем продвигаться к югу, в зоны все более и более благодатного климата.

Когда же оледенение закончилось и на планете потеплело, растаявшие льды подняли уровень Мирового океана и затопили сухопутный мост. Вода навсегда отрезала перебравшихся сюда людей от очагов старой культуры. Все пришлось начинать сначала. Хорошо, что на новой родине нашлись в изобилии дикорастущие сорта томата, картофеля и других полезных растений. Водились здесь и ламы — крупные животные, которых легко оказалось одомашнить. И постепенно в Центральной, Южной и Северной Америке люди научились обрабатывать землю и разводить животных. Развились самобытные цивилизации. Образовавшееся здесь население составило как бы особую ветвь единой монголоидной расы, хотя по языку, по обычаям и культуре люди разбились на множество групп, сильно отличающихся друг от друга.

В джунглях Центральной и Южной Америки археологи отыскали удивительные города ольмеков и майя — народов, создавших древнейшие цивилизации Нового Света. При этом ольмеки — мало известный науке народ. В III веке нашей эры ольмеки покинули свои города и вообще исчезли, оставив после себя замечательные памятники. В их числе — знаменитые

скульптуры, удивительные постройки и большие каменные платформы.

Наследниками ольмекской культуры стали племена майя. Их влияние распространилось на многие земли, охватив не только современную Мексику, но и Гватемалу, часть Гондураса и даже Сальвадора. Древние майя возделывали землю для полей. Кукурузы и корнеплодов, обычных в рационе американских народов, не знали ни европейцы, ни азиаты. В городах майя были широко развиты ремесла. Жрецы владели письмом и накопили немало научных знаний. Кроме того, среди горожан имела значительная прослойка купцов.

Однако к IX веку города майя погибли под ударами вторгшихся с севера индейских племен. На полуострове Юкатан возникло новое майя-тольтекское государство, которое распалось на отдельные города-государства, подобные тем, что существовали раньше в Старом Свете. Эти города-государства попали в зависимость от ацтеков, а позже были покорены испанцами.

С конца XV века началась колонизация европейцами сначала Южной, а потом и Северной Америки. Много лет существовал миф об индейцах-дикарях, которым европейцы принесли цивилизацию. И только в XX веке благодаря большой и самоотверженной работе ученых-археологов глазам всего мира открылся удивительный по своей культуре мир доколумбовой Америки. И еще более гнусной и позорной предстала перед народами роль завоевателей и колонизаторов, фактически уничтоживших эти цивилизации.

Кто из европейцев открыл Новый Свет первым

Всем известно, что открыл Америку адмирал Христофор Колумб — великий мореплаватель, первым из европейцев приплывший сюда в 1492 году. Так принято говорить.

На самом же деле история открытия Нового Света вовсе не такая простая. Началась она задолго до рождения славного адмирала, а закончилась через много лет после его смерти.

Помните, мы говорили, что в древности мудрецы делили сушу на три части — Европу, Азию и Ливию, или Африку. Дру-

гим континентам быть на Земле не полагалось. А вот неизвестные острова существовать могли.

Великий древнегреческий философ Платон рассказывал о замечательном государстве Атлантиде, погибшем от землетрясения много веков назад. Располагалась Атлантида, по словам Платона, на большом острове перед Геркулесовыми столбами, то есть в Атлантическом океане. «Остров тот был, — писал философ, — больше Ливии и Азии, взятых вместе, и от него открывался плавателям доступ к прочим островам, а от тех островов ко всему противоположащему, которым ограничивался тот истинный понт (море)...

На этом Атлантическом острове сложилась великая и грозная держава царей, власть которых простиралась на весь остров, на многие иные острова и на некоторые части материка. Кроме того, они и на здешней стороне владели Ливией до Египта и Европой до Тиррении».

Тирренией Платон называл северо-западную область древней Италии — по имени жителей, населявших те земли.

Островная «Атлантида» в Средиземном море (ученые называют ее Минойской морской державой) уже за много веков до начала нашей эры располагала мощным флотом. И почему бы не предположить, что отдельные корабли атлантов-минойцев, то ли по своей охоте, то ли унесенные бурей, пересекали Атлантический океан и добирались до Нового Света?.. А некоторые, возможно, и возвращались обратно. Не зря во время научных раскопок в Центральной Америке археологи время от времени находят различные вещицы, сделанные в Древней Греции или в Риме. А на побережье современной Венесуэлы нашли даже целый глиняный кувшин с кладом римских монет IV века нашей эры. Кувшин был зарыт глубоко в песок у самой кромки прибоя. Может быть, принадлежал он купцу-европейцу, потерпевшему крушение у незнакомых берегов?

А однажды — началась эта история в 1956 году — несколько археологов, изучающих очень древнюю культуру охотников-собирателей на южном побережье современного Эквадора, наткнулись на странные обломки глиняной посуды. У людей той эпохи никакой керамики быть еще не могло. Как же появились здесь эти черепки?

Потом рабочий-индеец выкопал из земли и целый сосуд. Это был красный глиняный кувшин с высокой угловатой ручкой, покрытой затейливой резьбой. Такие кувшины делали только в Японии. Но разве мог сосуд из Японии сам приплыть по Тихому океану в Южную Америку? Конечно нет! И вот к каким выводам пришли американские исследователи.

Давно-давно, примерно пять тысяч лет назад, и на побережье Японии, и на побережье Эквадора жили небольшие группы людей, которые добывали себе пропитание, собирая различные растения, моллюсков, охотясь на мелких животных. И у тех и у других был примерно одинаковый культурный уровень. Но жители японских островов, как и все островитяне, умели делать лодки из цельных долбленных стволов деревьев. Они выходили на них в море и ловили рыбу. Это было немалым подспорьем в скудном рационе. Кроме того, они умели делать глиняную посуду. Жители же Эквадора обладали другими навыками, а вот посуду делать не умели вовсе.

Осенью, в октябре, у берегов Японии с давних пор свирепствуют тайфуны. Каждую лодку, угнанную ураганным ветром, в открытом океане тут же подхватывает мощное течение. Недели за неделей могут они нести на себе лодки, перемещая их за сутки на двадцать — тридцать миль. Те рыбаки, которые держивали многомесячный дрейф, попадали на берега далеко отстоящей от них Южной Америки. Они-то и могли научить предков индейцев изготавливать посуду.

Однако большинство мореплавателей, волею судьбы заброшенных на чужой континент, не влияли на своеобразную индейскую культуру.

Первые испанские завоеватели видели у местных жителей большие бальсовые плоты для дальних морских путешествий. А плавание норвежского ученого Тура Хейердала на подобном плоту — «Кон-Тики» — доказало возможность древних визитов как из Полинезии в Южную Америку, так и в обратном направлении. Поэтому строго определить, кто из жителей Старого Света первым открыл берега Американского континента, невозможно. Но такие путешественники были. Их визиты остались в памяти людей в виде сказок и легенд, наполнив океаны, разделяющие материки, «островами блаженства и счастья».

О чем рассказывают исландские саги

Помните, я говорил про норманнов — жителей суровой и скалистой Скандинавии, промышлявших в основном морским разбоем. Эти смелые люди открыли неизвестную страну Снееланд, или Исландию. Покорили многие прибрежные государства Европы.

Однажды — случилось это где-то в начале X века — викинг по имени Гуннбьёрн, сына Ульва Вороны, ветер и волны во время бури отнесли далеко на запад в море. Там он открыл Гуннбьёрновы островки. Но это было не главным. С палубы своего корабля — дракара викинг видел далеко на севере высокие снеговые вершины гор. Значит, там лежала Большая Земля. Гуннбьёрн не стал к ней пробиваться, а повернул обратно.

Дома он рассказал о том, что видел.

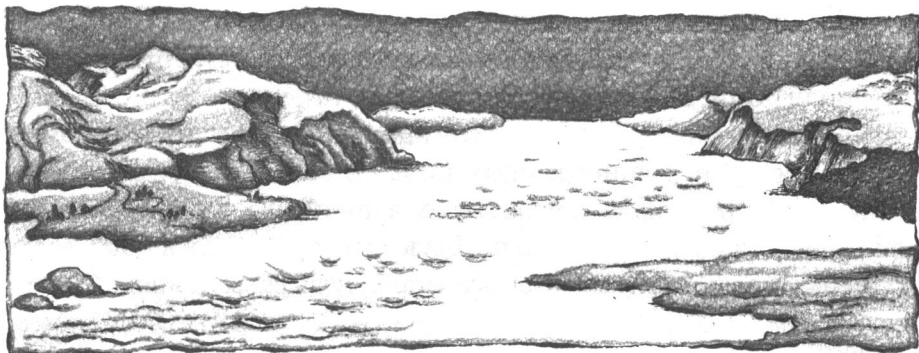
«...Жил человек по имени Торвальд. Он был сыном Асвальда, сына Ульва, сына Бычьего Торира. Торвальд и его сын Эйрик Рыжий покинули Ядр из-за убийств, совершенных ими в распре, и уехали в Исландию... Там Торвальд умер, Эйрик женился на Тьодхильд... Сына Эйрика и Тьодхильд звали Лейв». Так начинается знаменитая исландская «Сага о гренландцах».

Слово «сага» в исландском языке происходит от слова «сказать» или «рассказывать». В большинстве случаев в этих историях речь идет о тех, кто жил в «век саг» в какой-нибудь определенной местности в Исландии.

Конечно, здесь немало и выдумок. Но в основе каждой саги скорее всего лежит реальность.

Одна из саг посвящена Эйрику Рыжему. Снарядив корабль, он сказал всем, что хочет искать ту страну, которую видел Гуннбьёрн, сын Вороны... «Он нашел страну, которую искал, и подошел к земле у ледника, который он назвал Средним... Он назвал страну, которую открыл, Гренландией (Зеленой страной), ибо считал, что людям скорее захочется поехать в страну, если у нее будет хорошее название».

Гренландия — самый большой остров на земном шаре, покрытый мощным ледяным панцирем. Только на юго-западе лед

немного отступает от берегов, и тогда здесь летом среди карликового березового криволесья зеленеет такая яркая луговая трава, что, может быть, именно из-за нее и назвали первооткрыватели остров Зеленой страной — Гренландией. Сюда, на юг острова, и привел Эйрик Рыжий первых поселенцев. Приехавшие разводили коз и овец, коров, охотились, ловили рыбу и промышляли морского зверя. Накопив скудные товары — масло и солонину, шерсть, ворвань, тюленьи шкуры и охотничьих соколов, — колонисты ждали редкие корабли. А нужда была во всем. Требовались лес и железо, хлеб, соль и овощи. Понятно, что в поисках леса и топлива исландские и гренландские норманны не раз направляли свои корабли дальше на запад.

Так, однажды Лейв, сын Эйрика Рыжего, набрал людей и, решив во что бы то ни стало отыскать земли, о которых велось так много разговоров, вышел в море.

Долго блуждали они среди островов и островков, покрытых бесплодным песком и скалами, пока не наткнулись на остров, весь заросший зеленой травой, на которой лежала сладкая роса.

Лейв направил корабль сначала в пролив между островом и мысом, завел его в реку, а потом в большое озеро. Здесь мореплаватели бросили якорь и снесли свои спальные мешки на землю. Там они построили себе землянки, а потом и большие крепкие дома и решили зазимовать. «И в реке, и в озере водилось вдоволь лосося, да такого крупного, какого они раньше и не видывали. Край был столь благодатный, как они скоро увидели, что даже не надо было запасать корм скоту: морозов зимой не бывало, и трава почти не увядала. Дни здесь не так

различались по длине, как в Гренландии или Исландии. В самое темное время года солнце стояло в небе в четверть дня после полудня и за четверть дня до него».

Случилось как-то вечером, что пропал один человек, а потом пришел и принес виноградную лозу. «И Лейв назвал страну по тому, что в ней было хорошего: она получила название Виноградной страны или Винланда. Было это примерно в 1000 году. И Лейва после возвращения все стали называть Лейвом Счастливым».

Не раз и не два плавали норманнские корабли в далекий Винланд. Там даже образовалась вроде бы небольшая колония. Но уже в XII веке связь с нею прервалась, и дальнейшая судьба колонистов неизвестна.

Где же находилась страна Винланд? Множество гипотез высказано самыми разными авторами, исследователями и историками. Но ни одна из них полностью не подтвердилась. Правда, дикий виноград не диво на Атлантическом побережье Северной Америки. Водились и лососи в ее реках, только значительно севернее. Но по сказаниям «Саги о гренландцах» точное место Винланда найти оказалось невозможно. Так оно и остается тайной до сегодняшней поры.

От Лиссабона до Японии

В XV веке во Флоренции жил знаменитый врач и естествоиспытатель Паоло Тосканелли. И было у него много ученых друзей. Один из них — португальский каноник Фернан Мартинш ди Рориш был духовником короля Афонсу Пятого и жил при дворе.

Духовник — это священник, которому верующие исповедуются в своих грехах. А Афонсу было в чем покаяться. Скорее всего, что в одной из бесед каноник рассказал королю о том, что его флорентийский друг-приятель, весьма ученый человек, уверяет, что можно достичь Индии через Западный океан. Король тут же приказал узнать подробности. И вот пришло из Флоренции на имя королевского духовника письмо:

«Канонику Фердинанду Мартиншу в Лиссабоне физик Павел посылает свой привет!

Мне было тем более приятно получить известие о твоих близких отношениях с его величеством королем, что я еще раньше часто вел переговоры о более коротком пути в страны пряностей, чем тот, который проходит через Гвинею. Король требует теперь от меня более наглядных и убедительных объяснений, чтобы понять и представить себе меньшую длину этого пути. Зная, что это нужно было бы показать на шаре, который изображает Землю, решил я все же, для большей ясности и меньшей затраты труда, объяснить путь на морской карте.

Поэтому я посылаю его величеству собственноручно начерченную карту, на которой нанесены как ваши берега и острова, от коих идет путь все время на запад, так и места, к которым нужно прийти, а также, как далеко нужно держаться от полюса и экватора и пройдя какое расстояние, то есть сколько миль, придешь к тем местам, где в наибольшем изобилии имеются все пряности и драгоценные камни...»

Удивительная это была карта! От берегов Западной Европы и до Японских островов лежало чистое море всего с несколькими островами, а дальше шли «Катай», Индия, «Великая» и «Малая» Явы и прочие острова пряностей и богатства.

«От Лиссабона на запад нанесены на карте по прямой 52 отрезка каждый длиной 250 миль, до великого и великолепного города Кинсай, — писал дальше Тосканелли. — Последний достигает 100 миль в окружности, и там 10 мостов. Название это означает город Неба, и много удивительного рассказывают о его мастерах и богатстве. Расстояние до того города составляет примерно третью часть окружности Земли. Расположен он в провинции Манджи, по соседству с провинцией Катай, где находится столица властителя страны.

От также известного острова Антилия, который вы называете островом Семи городов, до весьма знаменитого острова Чипангу 10 отрезков. Тот остров очень богат золотом, жемчугом и благородными камнями; храмы и дворцы покрывают там чистым золотом. Поскольку путь туда еще не известен, то и все эти пути еще не открыты; однако, несомненно, туда можно добраться...»

В этом отрывке почти все неправильно. Название города Кинсай — древнего китайского порта Ханчжоу в узком и извилис-

том заливе Ханчжоуван — вовсе не означает «город Неба». Этот ошибочный перевод сделал в свое время Марко Поло. И расстояние от берегов Европы до Восточной Азии значительно больше, чем треть экватора. Да и сама Земля совсем не такая маленькая, как казалось космографам — географам XV века. Впрочем, совсем и неплохо, что не знали они правды. Потому как в противном случае трудно поручиться, что западное плавание в «Индию» вообще бы состоялось.

Письмо ученого флорентийца стало довольно широко известно среди ученых людей своего времени. И дело здесь не только в том, что у Тосканелли было много знакомых. Пришло время, когда мысль о возможности путешествия в Индию через Западное море широко распространилась. Европейцы научились строить корабли, способные выдерживать дальние переходы, и мнение, что Земля — сравнительно небольшой шар, утвердилось в головах мореплавателей.

В то же время, примерно в 1476 году, в Лиссабон приехал представитель генуэзского торгового дома Кристофоро Колombo. Много лет спорили историки о личности этого человека: где и когда родился, чем занимался до переселения в Португалию? Четырнадцать городов и сел на Корсике, Сардинии, Балеарских островах и на Апеннинском полуострове оспаривали честь называться родиной Колombo. Дату рождения называли между 1446 и 1451 годами. А среди его занятий называли и торговлю и морской разбой.

Лишь в наши дни, после упорных поисков в архивах, историки смогли более или менее точно ответить на все вопросы. Кристофоро Колombo родился осенью 1451 года в Генуе. Был он скорее всего моряком, причем человеком достаточно образованным, хотя сказать, где и в каких плаваниях изучил он морское дело, весьма затруднительно. Из Лиссабона он несколько раз по делам своей фирмы выходил в море, отправляясь в Англию и на Мадейру. А потом выписал к себе своего младшего брата Бартоломео, который был искусным картографом.

Некоторые специалисты считают, что Бартоломео первому пришла в голову мысль о достижении Индии западным путем. В Лиссабоне он познакомился с самыми последними

открытиями португальцев на западном побережье Африки, нанес новые земли на карту и, задумавшись о шарообразности Земли, поделился своими мыслями с братом.

Каким-то образом узнал Кристофоро о письме Тосканелли. И через одного флорентийца попросил уже очень старого к тому времени ученого изложить свои мысли поподробнее. Маэстро Паоло ответил генуэзцу и переслал ему копию своего письма королю, а также карту. Кроме того, он с жаром поддержал моряка в его еще смутно выраженном желании разведать новый путь на запад.

Эта идея стала смыслом жизни Кристофоро Коломбо. Он обратился к королю Португалии Жуану Второму с просьбой финансировать экспедицию. Поразмыслив, король отказался.

Во-первых, генуэзец хотел отправиться в плавание за счет казны, — а она у Жуана Второго была довольно тощей.

А во-вторых, моряк требовал, чтобы в случае удачи король присвоил ему титул вице-короля. На это Жуан Второй согласиться никак не мог. И тогда, одержимый идеей путешествия, моряк перебрался в Испанию.

Здесь он уже не Коломбо, а Колумб, и не Кристофоро, а Христофор. Но и в Испании король Фердинанд и королева Изабелла не спешили подписывать с ним договор.

Прошло восемь лет, полных унижений, насмешек и мучительных ожиданий, прежде чем муниципалитету города Палос был вручен королевский указ. В нем выражалось требование «доставить адмиралу Колумбу две каравеллы, привести их в порядок и оснастить».

Однако палосские толстосумы не торопились. Да и среди моряков не много находилось желающих отправиться в Море Мрака, издавна считавшееся царством дьявола...

В общем, трудно сказать, чем бы окончилось это мероприятие, если бы два богатых судовладельца не предоставили Колумбу своих кораблей. Тогда в компанию попросился еще один капитан, Хуан де ла Коса, со своей каравеллой. И вот наступил август 1492 года.

На полуюте флагманского корабля стоит высокий, плотный человек в камзоле с выпушками гранатового цвета. Август — месяц его рождения, ему исполнился ровно сорок один год. Самое время для свершения главного дела в жизни! У него белая веснушчатая кожа, длинные рыжие волосы с заметной сединой и светлые, стальные глаза. Манеры его решительны. Голос громок. Это адмирал Колумб. В его личном рундуке, в каюте на «Санта-Марии», договор, скрепленный подписями и печатью короны: «Их высочества, как господа морей-океанов, жалуют отныне названного дона Христофора Колумба в свои адмиралы всех островов и материков, которые он лично и благодаря своему искусству откроет или приобретет в этих морях и океанах... Их высочества назначают Колумба своим вице-королем и главным правителем на... островах и материках, которые он... откроет или приобретет...».

На берегу в толпе провожающих — его жена Филипа и двенадцатилетний сын Диего. Адмирал бросает взгляд на палубу. Экипаж набран насильно. В основном здесь жители Палоса, осужденные на год каторги за оскорбление величества, и уголовники — прямо из тюрем. Но моряки они отчаянные!

Колумб широким жестом снимает с головы шляпу и приказывает отдать концы. Плавание начинается.

Что открыл Колумб

В своем первом плавании испанцы побывали на неизвестных ранее Багамских островах, где познакомились со многими новыми растениями, в том числе и с таким, сухие листья которого весьма ценились туземцами. Это был табак... Но матросы и офицеры да и сам адмирал жаждали золота. Небольшие

украшения из желтого металла, которые местные жители носили в носу или на шее, доставлялись, по их словам, откуда-то с юга. И потому, водрузив знамя Кастилии на приветливых, но скудных берегах архипелага, Колумб приказал снова поднять все паруса. Дальше его путь лежал на юг. Там, по словам туземцев, располагался большой остров Куба, населенный богатыми торговыми людьми.

Через некоторое время на горизонте действительно показался берег, и корабли испанцев вошли в устье красивой реки. На Кубе в те времена жило очень мало людей. Они угостили европейцев удивительными «земляными яблоками» — картофелем и попотчевали початками с зернами. Это был маис, или кукуруза. Но золота не было и здесь.

Пока матросы ремонтировали потрепанные бурей корабли, Колумб прошел вдоль берега на северо-запад. Но ничто не привлекало его глаз, жаждавших золота. А так как он был уверен, что достиг берегов Азии, то решил, что перед ним самые бедные области Китая. И что дальше на запад идти бессмысленно. Другое дело — восточное направление. На карте Тосканелли на восток от Китая лежали богатые Японские острова. И адмирал приказал повернуть обратно.

Скоро он обнаружил еще один большой остров, на котором и людей и золотых украшений встречалось больше. Жадность обуюла матросов. Втайне друг от друга они не только грабили, но и убивали туземцев ради крошечной золотой проволоочки, продетой в ноздрю или в ухо. А тут еще один из стариков индейцев рассказал о лежащем неподалеку золотом острове...

Трудно сказать, чем бы закончилась эта эпопея, если бы флагманское судно Колумба не село на мель. Оставив часть людей на большом острове Гаити, названном им Эспаньолой, адмирал на оставшихся кораблях взял курс на Испанию.

Во второй экспедиции Колумба участвовало семнадцать кораблей, на которых насчитывалось до двух тысяч человек. Но и это «солидное предприятие» не принесло удачи адмиралу. Он открыл Малые Антильские острова, прошел вдоль южного берега Кубы и решил, что это полуостров Азии. Потом повернул на юг и вышел к берегам острова Ямайка — он назвал его Сантьяго.

Именно во время этой экспедиции Колумб решил покорить Эспаньолу, чтобы сделать ее испанской базой. Он вывел на берег двести солдат, разбил их на небольшие отряды и пошел в глубь острова. Индейцы имели большое численное превосходство, но совершенно не были организованы. Не могло идти в сравнение с испанским и оружие туземцев. Закованных в латы вояк поддерживали всадники. Жители острова никогда не видели лошадей! А тут еще своры огромных собак, специально тренированных для охоты за людьми... Началось массовое истребление жителей Антильских островов и Эспаньолы — Гаити.

Не лучше вели себя завоеватели и во время третьей экспедиции Колумба к берегам Нового Света. Подозревая, что открытые им острова не принадлежат Азии, Колумб решил повернуть на юг, чтобы дойти до земель, населенных «черными людьми». Тогда-то он и достигнет материка, за которым лежит «полуденная Индия».

Неудачной оказалась эта экспедиция. Королевский наместник Франсиско Бовадилья, прибыв на Эспаньолу, обвинил Колумба в жестокосердности и неспособности управлять страной, заковал его в кандалы и отправил в Испанию. Но богачи, финансировавшие экспедицию «адмирала моря-океана», вовсе не желали его гибели. И королю с королевой пришлось освободить Колумба. Но они разрешили всем кому угодно селиться в новооткрытых землях, добывать там золото, уплачивая долю короне.

Сотни жадных до наживы искателей приключений устремились в Западную Индию — так называли в то время земли, открытые Колумбом. Ехали обнищавшие дворяне, преступники, монахи. Взамен уничтоженных индейцев испанские корабли везли черных рабов. Трудно описать зверства колонистов на Эспаньоле.

Сам адмирал во главе небольшой флотилии добрался до большой земли на юге, но обследовать ее не мог, потому что кончились припасы, а сам он заболел и полуослеп.

В Испании Колумб стал просить разрешения у короля организовать новую экспедицию, чтобы найти путь от открытых им земель в Южную Азию — «в страну пряностей и благовоний». Он решил обойти Землю — совершить кругосветное плавание.

Четыре судна составляли на этот раз его флотилию. Экспедиция была, пожалуй, самой неудачной из всех. Бури, кораблекрушения и болезни преследовали адмирала. Но именно в этом несчастливом путешествии неподалеку от нищего островка Гуанахо каравеллы Колумба встретили большую индейскую ладью с запада. Купец вез товары и, настойчиво показывая рукой в сторону заходящего солнца, повторял, что он идет из страны майя. Но Колумб приказал повернуть на юг. Он надеялся отыскать проход к Индии.

Если бы он знал, какую ошибку допускает!

Четырежды покидал Колумб берега Испании и уходил к своим «Индиям». Он открыл множество островов в центральной тропической зоне Западного полушария. Обнаружил и исследовал часть береговой полосы материка. Но какого?.. Если это Азия, то где же богатая Япония — Чипангу, где драгоценности Китая и где Индия?

Все чаще задумывался адмирал: уж не легла ли на его пути в Индию неизвестная земля? И берега, открытые им, может быть, вовсе не Азия? Однако свои сомнения Колумб никому не высказывал. Азия была символом богатства и роскоши в глазах его современников. И те, кто давал деньги на снаряжение дорогих экспедиций, не простили бы ему крушения своей мечты.

Из этой экспедиции Колумб вернулся в Испанию тяжело больным. Разъяренные кредиторы накинулись на него, требуя уплаты долгов. Король вел себя равнодушно. Вконец разоренный, без средств к существованию, великий адмирал моря-океана Христофор Колумб умер в городе Вальядолиде, где никто даже не заметил его смерти...

Если бы адмирал знал, как ошибся! Ведь он был совсем рядом с богатейшими торговыми городами майя, куда стекались невиданные европейцами товары с половины Центральной Америки.

Земля попугаев, или Рассказ о том, как Новый Свет называли Америкой

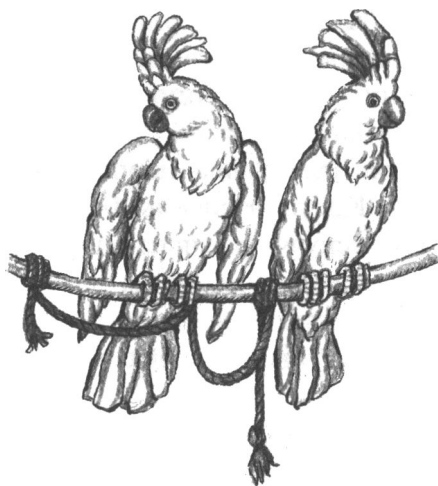
Однажды португальцы снарядили в поход за богатствами Индии целую флотилию из тринадцати кораблей. Под командой молодого придворного Педру Алвариша Кабрала корабли взяли курс на юг вдоль берегов Африки. Но в районе экватора флотилия попала в полосу штиля. Течение понесло корабли на запад. День за днем, неделю за неделей дрейфовали беспомощные корабли с повисшими парусами. Неожиданно вперёдсмотрящий закричал: «Земля!» И действительно, скоро на западе показался берег, покрытый буйной растительностью.

«Какой-то новый остров! — решили моряки. — Он лежит далеко от берега и, кажется, не принадлежит испанцам». Педру Кабрал тут же высадил на берег двух преступников, специально захваченных с собой для подобного случая. Он приказал им построить на берегу форт и назвал новую землю Вера Крус, что означало «Истинный Крест». Затем объявил эту землю владениями Португалии. Он решил, что остров будет снабжать португальские корабли, идущие в Индию, водой и припасами.

Что в действительности представляла собой эта земля, никто не знал. В ее лесах водилось множество попугаев с яркими перьями. И потому матросы прозвали ее Страной попугаев. Вернувшись в Португалию, Педру Кабрал рассказал об открытии новой земли. И король решил отправить экспедицию для исследования новых владений.

В 1501 году из Лиссабона в направлении на юго-запад вышли три корабля. На одном из них в качестве космографа, то есть астронома и математика, был человек по имени Америго Веспуччи. По происхождению — итальянец, приказчик флорентийского торгового дома Берарди в Севилье, фирма которого ссужала деньгами Христофора Колумба для его второго плавания в 1493 году... После смерти Берарди Америго задумал оставить службу в компании. В 1498 году в Андалузии он занимался снаряжением третьей экспедиции Колумба, и ее успех окончательно утвердил его в мысли оставить торговое дело.

Веспуччи был уже немолодым человеком, но выглядел моложе своих лет — стройный и подвижный, с зоркими глазами

и необыкновенно любознательный. Никогда не скучал. В открытом море разглядывал звездное небо. Записывал незнакомые созвездия. В дурную погоду описывал климат новых широт. Он подмечал все подробности внешнего вида и быта индейцев, которых грабили его спутники, описывал незнакомые растения и животных...

Флорентиец писал так живо и ярко, что письма его читали на родине вслух и даже переписывали друг у друга. В то время новыми открытиями интересовались все. А испанское и португальское правительства никогда не публиковали отчетов о результатах плаваний своих капитанов. Поэтому письма итальянца имели такой необыкновенный успех. Предприимчивые книгопечатники даже стали выпускать их переведенными на латинский язык.

Веспуччи писал, что, по его мнению, остров Вера Круш больше похож на материк. Корабль бесконечно долго шел вдоль берега, который никак не кончался.

«...Страны эти следует называть Новым Светом... — размышлял Америго. — ...И хотя большинство древ-

них авторов говорит, что к югу от экватора нет материка, а есть только море... мое последнее путешествие доказало, что такое их мнение ошибочно и совершенно противно фактам, так как в южных областях я нашел материк, более плотно населенный людьми и животными, чем наша Европа, Азия или Африка...»

По рекомендации Колумба король Фердинанд V Арагонский в 1505 году принял Веспуччи на испанскую службу, а через три года его назначили главным кормчим для путешествий в Индию. Он должен был следить за тем, чтобы все открытия были нанесены на главную королевскую карту, которую хранили в тайных сейфах.

Америго было примерно пятьдесят шесть лет, когда в городе Сен-Дье, расположенном в восточной части Франции, было напечатано небольшое сочинение «Введение в космографию». К нему были приложены два письма флорентийского путешественника. Автор этого труда, географ Мартин Вальдземюллер, писал, что если раньше «древние» считали на Земле три части света, то теперь «открыта четвертая часть Америго Веспуччи... и я не вижу, почему, кто и по какому праву мог бы запретить назвать эту часть света страной Америго или Америкой». Это явилось первым предложением назвать новый материк Америкой.

Название, предложенное Вальдземюллером, прижилось. Сначала его употребляли только некоторые географы. Причем на картах мира новый материк назывался то Землей Святого Креста, то Новым Светом. Но несколько лет спустя название «Америка» появилось на картах и на глобусах, обозначая южную часть двойного материка. В то время о Северной Америке географы почти ничего не знали. И только тридцать лет спустя знаменитый фламандский картограф Герард Меркатор первым написал на изображении южного материка — «южная часть Америки», а на северном — «северная часть Америки».

«Что касается имени великого континента, общепризнанного и освященного употреблением в течение многих веков, — писал немецкий ученый Александр Гумбольдт в своем много-томном сочинении „Космос“, — то он представляет собой памятник человеческой несправедливости. Вполне естественно, в конце концов, приписать причину такой несправедливости тому, кто казался в этом наиболее заинтересованным. Но изу-

чением документов доказано, что ни один определенный факт не подтверждает этого предположения... Стечение счастливых обстоятельств дало ему (Америго Веспуччи) славу, а эта слава в течение трех веков ложилась тяжким грузом на его память, так как давала повод к тому, чтобы чернить его характер. Такое положение очень редко в истории человеческих несчастий. Это пример позора, растущего вместе с известностью».

Плавания Джона Кабота — английского «Колумба»

В начале 1496 года посол Испании донес своим повелителям из Лондона, что «некто, как Колумб, предлагает английскому королю предприятие, подобное плаванию в Индию». Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская всполошились. Не прошло еще и двух лет, как их дипломаты не без труда договорились с португальцами разделить Землю. Король Фердинанд тут же предложил своему послу сделать самое серьезное предупреждение правительству Англии. Но увы, король Генрих Седьмой Тюдор не обратил ни малейшего внимания на озабоченность кастильской короны. Он выдал патент — документ на право занятий каким-либо промыслом или торговлей — некоему Джону Каботу с сыновьями. Им разрешалось «плавать во все края, страны и моря Востока, Запада и Севера, края и области, принадлежащие язычникам и неверным и остающиеся до сего времени неизвестными христианскому миру, в какой бы части света они ни находились». За это разрешение король требовал себе всего лишь пятую часть добычи.

Кто же этот «некто Джон Кабот»? Прежде всего, не Джон, а Джованни. И фамилия у него не английская — Кабот, а Каботто, нормальная итальянская фамилия. Да и сам он происходил откуда-то из-под Генуи. Боль-

ше никаких достоверных сведений о его биографии в истории не сохранилось.

Скорее всего, был он моряком или торговцем, много путешествовал, а потом по каким-то причинам переселился с семьей в Англию, в город Бристоль. Потому что именно там и предложил он предприимчивым бристольским купцам свои услуги. Те весьма нуждались в поправке своих финансовых дел. А что для этого придумать лучше, чем открытие «новых земель», которые можно грабить сколько душе угодно?..

На первый раз бристольтцы снарядили и отдали под команду проворному итальянцу один небольшой старый корабль с экипажем из восемнадцати человек. Сопровождаемый добрыми напутствиями, корабль вышел из бристольской гавани и взял курс на запад.

Три месяца о нем ничего не было слышно. А потом он снова появился на рейде с потрепанными парусами и корпусом, расшатанным свирепыми бурями дальних широт.

...Примерно через три недели после того как корабль отвалил от стенки, вахтенный увидел на западе землю. Кабот назвал ее Терра Прима Веста, что в переводе с итальянского означает «Первая Увиденная Западная Земля»...

Историки географических открытий считают, что это были берега острова Ньюфаундленда или Кейп-Бретона, которые почти вплотную прижимаются к Северной Америке. Но прошло много лет после плавания Кабота, прежде чем пролив между этими островами получил его имя. Правда, brave капитан не рискнул высадиться на пустынный берег. Слишком мало было у него на борту народа, а открытые им земли скорее всего обитаемы. Поглядев на лесистые берега, Кабот приказал поворачивать обратно.

Обрадованные бристольские негоцианты за свой счет отправили «мистера Джона» ко двору. И постарались на хорошем английском языке, недоступном чужеземцу, подать, как говорится, товар лицом. Они убедили короля и двор в том, что капитан Кабот достиг «царства Великого Хана». Так англичане именовали в то время далекий «Катай» — Китай. Скупой и расчетливый король подарил смуглому «мистеру Джону» десять фунтов стерлингов, назвал его «великим ад-

---

миралом» и назначил пожизненную пенсию в двадцать фунтов ежегодно.

На следующий год бристоольские купцы снарядили вторую экспедицию по следам первой. Теперь под началом Кабота и его сыновей было уже пять или шесть кораблей. Моряки добрались до материка, прошли вдоль пустынной, покрытой лесом береговой линии, но богатств легендарного «Катая» так и не увидели. Пришлось согласиться, что это были какие-то другие земли...

Эта экспедиция охладила исследовательский пыл англичан. Пройдет еще немало лет, прежде чем у берегов Североамериканского континента снова зазвучит английская речь.

Плавали там испанцы, шедшие с юга, от Центральной Америки. Плавали французы. Бороздили «ничейные воды» у далеких берегов пиратские фрегаты с интернациональными командами. Много наречий, много криков и выстрелов слышали обитатели этих берегов, прежде чем на них появились постоянные европейские колонии: сначала — Новая Франция в Канаде и Новая Англия на берегу залива Кейп-Код. Затем — еще одна английская колония Виргиния на берегу реки Джеймс. Между двумя английскими колониями земли захватили голландские и шведские поселенцы — так возникли Новые Нидерланды на реке Гудзон, где голландцы построили свой город Новый Амстердам (теперь — Нью-Йорк), и Новая Швеция у залива Делавэр. А в XVIII веке Алеутские острова и вся Аляска были присоединены к российским владениям. Так усилиями представителей многих европейских народов завершалось «открытие» и Северной Америки.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КАК ОТКРЫВАЛИ АВСТРАЛИЮ

Легенда о Южном материке

С давних пор географов очень смущало то, что вся известная им суша оказывалась сосредоточенной на севере Земли, а вода — на юге. Такое распределение делало Землю в глазах древних ученых неустойчивой. Ведь камни, песок и глина тяжелее воды. Как бы такая Земля не опрокинулась! И потому картографы, стремясь к гармонии и устойчивости, рисовали на всякий случай в южных морях большой и тяжелый континент, который называли Южным материком. По общему мнению, он должен был там быть. И хотя никто из моряков его никогда не видел, Южный материк продержался на картах больше двух тысяч лет и сыграл очень важную роль в истории географических открытий.

После того как испанцы завоевали земли Нового Света, они почувствовали разочарование. Во-первых, золотые запасы Перу оказались небесконечными и быстро истощились. А во-вторых, владельцы рудников и приисков так жестоко обращались с индейцами-рабами, что те быстро погибали. Кое-кто из испанцев стал поговаривать, что хорошо бы заменить «слабосильных» индейцев выносливыми и живучими неграми. Но откуда их взять? И тут снова вспомнили о Южном материке. Картографы рисовали его начиная от тропиков. Именно в жарком климате,

по мнению ученых того времени, жили люди с черной кожей... И золота в тех странах наверняка больше, чем у индейцев.

И снова испанские идальго собирали деньги, нанимали капитанов и отправляли их через Тихий океан открывать южные земли. Много кораблей, подняв якоря в перуанских портах, уходили на запад. Матросы наперегонки исследовали каждый остров, встречающийся в неизведанных тихоокеанских водах. Все искали начало, форпост «Неведомой Южной земли».

В такой спешке случалось немало курьезов.

Однажды несколько кораблей под командой адмирала Руй Лопеса Вильяловоса отправились из Новой Испании (так называли тогда Мексику) на поиски Южного материка. После долгого перехода моряки заметили впереди по курсу цепь неизвестных островов. Острова были явно населены. На испанских судах поднялась суета. На каком языке разговаривать с туземцами? Как объяснить им, что отныне они принадлежат испанской короне? Кто обратит их в христианство?

Облачившись в роскошный адмиральский кафтан, дон Вильяловос на баркасе, в сопровождении вооруженной охраны, отправился к берегу. Там их уже встречала толпа нагих островитян. Испанцы приготовились к высадке. Но прежде чем адмирал успел ступить на землю, туземцы построились, дружно крикнули по-испански: «Здравствуйте, матросы!» — и немедленно перекрестились.

Можно представить себе разочарование моряков. Они даже не стали допытываться, кто же тут побывал до них. Наскоро назвав острова Матросскими (сейчас они называются Нгулу и относятся к западной группе Каролинского архипелага), адмирал приказал поднять паруса.

Эта экспедиция замечательна тем, что один из капитанов Вильяловоса, некто Иньиго Ортис Ретес, отправленный за помощью обратно в Новую Испанию, после долгих блужданий наткнулся на неведомую землю, совсем не походившую на острова. Она была огромной, и за низменной береговой полосой в глубине ее синели высокие горы. От имени испанского короля Ретес вступил во владение этой землей и назвал ее Новой Гвинеей. Впрочем, заложить поселение ему не удалось. Корабль слишком часто подвергался нападению темнокожих ту-

земцев, приплывавших к его бортам на больших челнах с высокими шалашами, покрытыми пальмовыми листьями.

Когда в Европе узнали об открытии Ретеса, географы решили, что наконец-то Южный материк найден.

И тут же на картах связали его с Огненной Землей, обнаруженной Магелланом. Правда, позже, когда стали известны тайные доклады португальских мореплавателей, оказалось, что землю Ретеса еще раньше открыл португальский капитан Жоржи Минезиш. Но название за ней так и осталось то, какое дал ей Иньиго Ретес. Это не первая и, увы, не последняя несправедливость по отношению к первооткрывателям нашей планеты.

Южный материк сужает свои границы

Примерно лет через двадцать после описанных событий из перуанского порта Кальяо в поисках Южного материка вышла еще одна экспедиция. Командовал ею Альваро Менданья де Нейра. Долгие недели шли его корабли по тропической зоне Тихого океана, не встречая ни одного острова. И вот наконец с левого борта вахтенный заметил большую землю. Это были гористые острова, покрытые богатейшей растительностью. Пробившись через окружающие острова коралловые рифы, шлюпки пристали к берегу.

Менданья де Нейра был очарован: перед его глазами предстали сандаловые и черные деревья, кокосовые пальмы и ро-

щи бананов. Яркие птицы низко летали над головами пришельцев, оглашая воздух резкими криками. Одна из гор курилась... Адмирал решил, что это не что иное, как земля Офир, куда библейский царь Соломон посылал свои корабли за золотом и драгоценным деревом. Деревья были налицо. Оставалось только найти и взять золото.

Де Нейра тут же окрестил острова Соломоновыми. Теперь нужно было идти вглубь. Неожданное сопротивление оказали воинственные местные жители. Они попросту прогнали испанцев со своей земли.

С трудом добравшись сначала до Мексики, а потом и до Перу, Менданья начал рассказывать невероятные басни о богатстве открытой им земли. Кое-кто поверил. Прошел слух, что Соломоновы острова не что иное, как преддверие Южного материка. Ведь они лежали на тех широтах, где давно пора было начинаться таинственным землям. Но и это оказалось не так. К югу за островами снова до самого горизонта лежал океан...

Так постепенно огромный Южный материк по мере открытий и освоения южных морей «съеживался» и сужал свои границы.

О том, как один «великий мореплаватель» убежал от своей флотилии

Следующая экспедиция, с которой связаны поиски Южного материка, вышла в 1605 году тоже из Перу, из того же порта Кальяо. Командовал ею адмирал Кирос, и было под его началом три корабля. Испанцы благополучно пересекли Тихий океан, открыли архипелаг необитаемых Низменных островов (их сегодня называют Туамоту), потом добрались и до обитаемых. Однако, несмотря на то что запасы пресной воды, дров и припасов подходили к концу, высадиться и набрать все необходимое у туземцев никак не удавалось. Людей на кораблях было немного, а местные жители были настроены чрезвычайно враждебно. Наконец истощенный экипаж все-таки нашел гостеприимный островок и пополнил свои запасы. И тут туземцы рассказали, что к югу от них лежит Большая Земля...

После недолгого пути испанские корабли действительно бросили якоря в хорошо защищенной глубокой гавани у берега, простирающегося далеко в обе стороны от стоянки. Кирос торжественно сошел на берег и назвал найденный материк Австралией Духа Святого. В переводе с латинского языка слово «австралия» означает «южная земля». Здесь же в бухте моряки zaloжили город и назвали его Новым Иерусалимом.

А когда через пять недель после небольшого ненастья над морем снова взошло солнце, испанские моряки недосчитались одного из своих кораблей. Пропал флагман. Неужели штормовой ветер унес его в открытый океан и разбил о скалы? Моряки жалели адмирала. Он был выдающимся мореходом. Не зря впоследствии историки называли Кироса «последним испанским великим мореплавателем». Однако горюй не горюй, жизнь продолжалась. И капитан одного из оставшихся кораблей отправился обследовать открытую ими Большую Землю...

Между тем флагманский корабль, как выяснилось позже, вовсе не погиб. Тайно бросив товарищей, Кирос на всех парусах мчался в Мексику, чтобы поскорее сообщить христианскому миру об открытии Южного материка. При этом торопился он не потому, что хотел облагодетельствовать соотечественников. Нет, он спешил, чтобы добиться от испанской короны патента на управление открытыми землями. А там... Там бы уж он сумел запустить руку в ее золотоносные недра. В пути «великий мореплаватель» был занят тем, что целыми днями сочинял хвастливые отчеты о своем беспримерном мужестве у берегов Австралии Духа Святого.

Из Мексики Киросу пришлось отправиться в Испанию, чтобы на месте хлопотать о снаряжении большой экспедиции на Южный материк, но... пока он проводил свои дни в суете и тревогах, капитан Луис Торрес обогнул открытую землю с юга и обнаружил, что она вовсе не так велика. Никакой это был не материк — просто порядочный остров, даже группа островов. (Позже их называли Новыми Гебридами.)

Потом корабль Торреса, немало поплутав среди рифов и неизвестных островков, прошел проливом вдоль южного берега Новой Гвинеи. Торрес выяснил, что и эта земля не часть Южного материка, а тоже остров, правда, очень большой. Торрес записал, что Новая Гвинея отделена труднопроходимым проли-

вом от еще более южной группы островов, на которые он высаживаться не стал. И это явилось его упущением и ошибкой. На сей раз на юге были не острова. Там лежал северный берег пятого континента, пятой части суши на лике Земли.

Торрес этого не знал. Добравшись до Манилы, он сообщил местным властям обо всех своих открытиях. Но те положили его сообщение «под сукно». Спрятали. Сделали тайной.

И должно было пройти много лет, прежде чем восторжествовала справедливость и опасный, но важный пролив, отделяющий Новую Гвинею от материка, получил название Торрессова пролива.

О том, как голландцы открыли Новую Голландию

В начале XVII века в моря Юго-Восточной Азии повадились плавать голландцы. Они были отличными мореходами, поскольку имели за плечами суровую школу северной Атлантики. И чем больше опыта набирались моряки, тем больше богатств накапливалось у голландских купцов. Голландцы стали всеевропейскими перевозчиками и комиссионерами. Объединив капиталы, купцы основывали мощные торговые компании. Их флот бороздил все моря и океаны земного шара.

При этом торговцы были всегда осмотрительны и осторожны. Под видом мирных купцов и приказчиков голландские шпионы действовали во всех столицах, во всех портах морских держав. И когда их агенты донесли, что власть Португалии в заморских владениях ослабла, голландцы тут же отправили свои корабли в моря Юго-Восточной Азии. Очень скоро путь, проложенный португальцем Васко да Гамой, стал поистине голландским путем. А спустя некоторое время корабли голландцев освоили и испанскую дорогу через Магелланов пролив.

Чтобы окончательно закрепиться в новом районе, голландские купцы объединились и основали Ост-Индскую компанию для торговли с Востоком. Ее капиталы были так велики, что компания могла содержать внушительный флот в Юго-Восточной Азии, сильное войско и массу шпионов и лазутчиков, являвшихся одновременно торговыми агентами. На острове Ява голландцы захватили главный город Джакарту и переименовали его в Батавию.

Там основали они штаб-квартиру Ост-Индской компании, ставшей единственной реальной властью на огромной территории.

Шкипер Вилем Янсзон немало лет прослужил на кораблях компании, участвуя во всевозможных экспедициях. Он был опытным мореходом, и потому адмирал Ван дер Хаген назначил его командовать кораблем «Дейфкен» «для разведывательных плаваний и торговых операций на неизвестных островах».

Во время одного из плаваний «Дейфкен» пересек Торресов пролив и достиг низкого западного берега какой-то большой земли. Посоветовавшись с агентом-эmissаром компании, который был на его корабле за хозяина, Янсзон решил, что это часть Новой Гвинеи. Он прошел вдоль берега около двухсот миль и у мыса, названного им мысом Поворота, повернул на север. Здесь в устье реки голландцы заметили темнокожих людей. Матросы тут же обстреляли их из мушкетов и обратили в бегство. А в донесении, отправленном в дирекцию компании, написали, что посетили обширную пустынную землю, населенную черными свирепыми варварами, которые убили несколько членов экипажа...

Ни Янсзон, ни его спутник — эmissар компании даже не подозревали, что открыли пятый континент Земли. Сообщения их были спрятаны в секретном архиве и только много лет спустя обнаружены. Нашли не только описание этого плавания, но даже рукописные карты, начерченные Янсзоном.

Другие голландские шкиперы и капитаны во время своих переездов тоже не раз натыкались на неведомые берега. Но только специальная экспедиция Абея Тасмана, посланная генерал-губернатором Нидерландской Ост-Индии, сумела доказать, что все эти берега принадлежат одному континенту. Назвали его сначала Новой Голландией.

Тасман обошел новый континент вокруг и составил карту его берегов. Он сделал вывод, что Новая Голландия тоже не является Южным материком. И ее южные берега смотрелись в океанские волны, которые катились к горизонту. Еще раз отступили земли загадочного материка. А ведь казалось — отступать уже было некуда...

Сообщения Тасмана также были засекречены голландцами. И потому моряки еще долго сомневались и размышляли над

тем, что представляет собой пятый континент: единый это материк или гигантский архипелаг? Разрешить сомнения могли только те, кто высадятся на его берегах и обследуют новые земли с суши. Но смельчаков не находилось. Тем более что все мореплаватели в один голос твердили о безрадостных пустынях и голых скалах, которые они видели с борта. Лишь восточные берега казались более гостеприимными. Но и на них пока никто из европейцев селиться добровольно не желал.

Мир уникальный, но легкоуязвимый

Все необычно в Австралии. Словно в гигантском заповеднике, в ней до наших дней сохранились древние животные, населявшие Землю еще в мезозойскую эру, задолго до появления человека. Тут настоящее царство «живых ископаемых». Кенгуру, волки, даже кроты вынашивают детенышей в сумках, а утконосы и колючие ехидны откладывают яйца. Рыбы-цератоды могут дышать под водой жабрами, а на суше легкими. А стаи диких собак динго долгое время соперничали с людьми в охоте на страусов эму и на казуаров. Даже лебеди в Австралии не белые, а черные.

Австралия — самый маленький из всех материков Земли. На севере ее берега омывают Тиморское и Арафурское моря, на востоке — Коралловое и Тасманово моря, а на западе и на юге — Индийский океан.

Берега Австралии изрезаны мало, и удобных бухт почти нет. Кроме того, часть северо-восточного побережья закрыта коралловой грядой Большого Барьерного рифа, который тянется на две тысячи триста километров.

Западную и восточную части материка занимают не очень высокие плато и горные хребты. Центральную часть составляет низменность, которая в районе озера Эйр опускается даже ниже уровня моря.

В Австралии мало рек. Огромные пространства внутри континента заняты песчаными и каменистыми пустынями и полупустынями, окруженными зарослями колючего кустарника — скрэба. Там, где дожди выпадают чаще, полупустыни переходят в саванны с редкими эвкалиптовыми лесами. И только на

побережье небольшие участки занимают влажно-тропические леса с пальмами, панданусами и бананами.

Когда воды Мирового океана поднялись, группы перебравшихся на этот материк первобытных людей оказались не только в полной изоляции, но и в совершенно непривычной обстановке. На новой родине не нашлось животных, которых можно было приручить. И потому охотники не превратились в скотоводов. Мало оказалось дикорастущих сортов культурных растений. И потому первобытные собиратели не смогли перейти к оседлому образу жизни и заняться земледелием. Да и речных долин, пригодных для хлебопашества, не было на Австралийском континенте. Волей-неволей первопоселенцы продолжали вести свое хозяйство первобытными способами. Сначала продуктов хватало всем. И племена первобытных австралийцев росли и совершенствовались.

После оледенения солнце грело все сильнее. И постепенно цветущие равнины с обильными травами высыхали и превращались в пустыни. Мелели реки. Уходила вода из озер. Исчезали крупные травоядные животные. В новых условиях уже не могли выжить большие племена людей. Для них просто не хватало добычи. И постепенно племена дробились, мельчали, превращались в небольшие группы, которые бродили с места на место в поисках пищи на оскудевшей земле. «Что это за люди? — удивлялись первые европейцы, высадившиеся на австралийском берегу. — Ведь они не строят даже хижин. У них нет одежды, нет никакой постоянной утвари. Все свое они носят с собой. И ветер пустыни засыпает песком следы их кратковременных стоянок. Что же оставляют они после себя потомкам?»

Первые европейские поселенцы

Очень большое значение в заселении пятого континента европейцами имело плавание Джеймса Кука к берегам Новой Голландии. Кук первым рассказал, что на ее восточных берегах встречаются зеленые бухты, пригодные для жизни человека. Его сообщение пришло как раз вовремя. После потери своих колоний в Северной Америке (в результате войны за независимость) англичане стали подумывать о заселении «бесхозного» континента.

26 января 1788 года капитан Артур Филипп отдал приказ, и девять старых, полусгнивших парусников бросили якоря у берегов пятого континента в бухте Порт-Джексона. Без малого тысяча каторжников — англичан, шотландцев и ирландцев — сошли на берег и принялись устраиваться на новом месте. Дальновидные английские власти не только разгрузили свои тюрьмы, но и «пристроили» нежелательные элементы к освоению новых территорий. Кто знает, не дадут ли они в будущем прибыли «британскому льву»?

Каторжная колония, основанная на далеких берегах, оказалась для заключенных местом пострашнее Ньюгетской тюрьмы. Голодные ссыльные, находясь на грани смерти, не имели сил расчистить и распахать земли вокруг Порт-Джексона. Они медленно умирали.

Некоторые каторжники, захватив лодки, бежали. Большая часть из них погибала. Кое-кто возвращался обратно, принося нерадостные сведения о близлежащих окрестностях. И только когда были организованы первые экспедиции внутрь страны, европейцы открыли за Голубыми горами эвкалиптовые и казуариновые леса, а также огромные пастбищные угодья. Теперь новым континентом заинтересовались английские дельцы. Они принялись скупать за бесценок огромные участки земли и перепродавать их тем, кто хотел уехать из Европы. Началась настоящая «земельная лихорадка».

Колонисты приезжали без капиталов, но с оружием. Прежде всего они заботились о том, чтобы очистить «свои земли» от туземцев. Если же те оказывали сопротивление, то их убивали. И совершенно безнаказанно.

Как Новая Голландия превратилась в Австралию

В 1795 году в Порт-Джексона прибыл двадцатилетний гидрограф с заданием обследовать берега Нового Южного Уэльса — так называли англичане свою юго-восточную колонию. Звали молодого лейтенанта Мэтью Флиндерс, и исследование берегов пятого континента стало делом всей его жизни.

Лишь в конце 1810 года Флиндерс возвратился в Англию. Здесь он написал большой четырехтомный труд «Путешествие

к Terra Australia», что означало «Путешествие к Южной земле». В нем он предложил переименовать Новую Голландию в Австралию. Предложение было принято. Сначала название появилось в бумагах губернатора колонии Нового Южного Уэльса, а потом перекочевало и на официальные карты. Новый термин был принят географами, потому что он сразу указывал на то, что пятый континент принадлежит Южному полушарию: ведь слово «австралия», как вы уже знаете, и означает «южная земля».

Еще сто лет назад Австралия считалась материком с чрезвычайно редким, но пестрым населением. В городах и на фермах работали в основном англоавстралийцы — потомки тех самых каторжников, которых ссылали сюда по приговору имперского суда Великобритании. Но, кроме них, в Австралию переехало немало вольных колонистов, привлеченных «земельной лихорадкой». Они захватили пастбищные земли, стали разводить овец и заниматься земледелием. В труднодоступных местах нашли золото. Это вызвало новый приток эмигрантов.

Сегодня европейца, приземлившегося в аэропорту Канберры или Сиднея, Аделаиды или города Дарвина, вряд ли поразит что-либо особенное, необычное. Ничто не скажет ему: «Ты находишься в другом полушарии Земли, на другом континенте, в мире, подобного которому нет больше на нашей планете». Нет! Впрочем, чувство того, что все окружающее вас в городах и на автострадах вы уже видели, возникает не только в Австралии, но и в Америке, в Африке и Азии. Всюду асфальтированные дороги, промышленные предприятия, гигантские мосты, небоскребы. Театры, стадионы и аэропорты выглядят примерно одинаково во всем мире. Похоже одеваются люди самых разных городов, едят примерно одно и то же. А в магазинах продаются в общем сходные сувениры. И только когда выезжаешь в Национальный парк, понимаешь, что приехал действительно в другой мир. Со всех сторон вас обступает колючий кустарник — знаменитый австралийский скрэб, состоящий главным образом из акаций и эвкалиптов. Вы попадаете в светлые эвкалиптовые леса, населенные безобидными коалами, похожими на плюшевых мишек. На горизонте видите удирающих при виде автомашины диких кенгуру.

Правда, завезенные сюда когда-то собаки динго, а потом лисы, кролики и крысы истребили многих местных животных. А воробьи и скворцы, прибывшие из Европы вместе с переселенцами, вытеснили австралийских птиц из садов и парков. Овцы опустошили пастбища, а фермеры вырубili и выжгли много кустарника и леса. Уникальная природа Австралии оказалась очень уязвимой. Уничтожить ее ничего не стоит. И только в последние годы люди начали это понимать. Запретили пасти скот на альпийских лугах заповедников. Прекратили выжигание растительности. Больше стало Национальных парков, оберегающих участки нетронутой природы. Однако появилась новая угроза — туристы...

Основателей Национальных парков прежде всего интересует коммерческая сторона дела, и потому среди «нетронутой природы», как правило, располагается множество кемпингов, автостоянок, ресторанов и отелей. По широким шоссе непрерывным потоком от городов к Национальным паркам идут машины.

Австралийский Союз — индустриально-аграрная страна. Большие площади, засеянные пшеницей, огромные стада овец сохраняют за Австралией роль поставщика хлеба и мяса, шерсти и масла на мировой рынок. Одновременно развиты металлургия и машиностроение, горнодобывающая промышленность. Разрабатываются месторождения золота и серебра, разведаны залежи свинца и цинка, работают оловянно-вольфрамовые и урановые рудники.

В наши дни авиационные трассы связали между собой все материки и Австралия уже никому не кажется таким бесконечно далеким континентом, как сто или двести лет назад.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

КАК ОТКРЫВАЛИ ЛЕДЯНОЙ КОНТИНЕНТ

Сначала о поисках самых южных земель

Я уже рассказывал, что древние философы и космографы предполагали существование в Южном полушарии огромной суши, неизвестного Южного материка. Он должен был «уравновешивать» Землю и не давать ей «опрокинуться». Это представление жило века, обрастало легендами, но никто из капитанов не мог с чистым сердцем сказать, что видел Южную землю. Кое-кто, конечно, пробовал хвастаться. Но чаще рассказчики просто ошибались, принимая малоизвестные берега за Южный континент...

В 1520 году знаменитый испанский путешественник Фернан Магеллан первым совершил кругосветное путешествие. Он прошел из Атлантического океана в Тихий проливом, который потом называли его именем. По левому борту, к югу, матросы да и сам капитан видели берег, на котором по ночам яркими точками светились костры туземцев. Терра дель Фуэго — Земля Огней (или Огненная Земля) — так назвал прославленный мореплаватель открытую им сушу. Но картографы того времени были уверены, что Магеллан видел не что иное, как неведомый Южный материк.

За него принимали берег Новой Гвинеи, Соломоновы острова, Новые Гебриды, Новую Голландию, получившую наконец название Южной земли — Австралии, и Новую Зеландию.

И каждый раз находился смельчак, который обходил вновь открытую землю со всех сторон и убеждался, что с юга она тоже окружена холодными океанскими волнами.

Первое кругосветное плавание английского мореплавателя Джеймса Кука в 1768—1771 годах доказало, что и Новая Зеландия не является Южным материком. Неужели неуловимый континент прятался в еще более южных холодных широтах? Англичанам очень хотелось первыми поставить на нем заявочный столб. Вдруг там окажутся сокровища. Почему-то считалось, что, чем дальше к югу, тем больше золота и драгоценностей должно скрываться в земле и тем легче их будет добывать с помощью живущих там туземцев.

Однако сведения, собранные капитаном Джемсом Куком в первом плавании, не давали ответа на вопрос: есть ли суша на Южном полюсе, то есть существует ли Южный материк? Ни Новая Зеландия, ни Австралия не являлись его частями, английское правительство, с целью положить конец сомнениям, задумало новую экспедицию, специально чтобы ответить на каверзный вопрос о Южном материке. Вполне понятно, что возглавить плавание должен был человек опытный. А кто лучше капитана Кука знает те воды?

Английское адмиралтейство приобрело корабль «Резольюшен» («Решимость»). Кук очень внимательно следил за оснащением судна. Плавание предстояло долгое. Одних продуктов погрузили из расчета на два с половиной года. Перед отплытием на палубу поднялись художник Уильям Ходжес, два естествоиспытателя — Иоганн Форстер с сыном Георгом — и два астронома — Уолс и Бейли. Казалось, все было предусмотрено для успешного путешествия.

Спустившись вниз по Темзе, Кук распечатал пакет, который ему доставили накануне отплытия из Адмиралтейства. В нем находилось предписание: считать главной целью экспедиции поиски Южного материка и идти на юг, пока это будет возможно. Кроме того, секретное требование гласило: если южный материк все-таки не отыщется, то обследовать Новую Зеландию и по пути открывать новые острова, объявляя их владениями английской короны.

Плавание проходило в очень трудных и опасных условиях. Людей мучали туманы и холод. Были открыты несколько но-

вых островов, но и в самых холодных водах обнаружить Южный континент не смогли. Слишком много было в океане льда.

В такие высокие широты еще ни разу не заходил ни один европейский корабль. Опыта путешествий среди льда и снега, в бураны и метели у англичан не было. На палубе, обледеневшей и потому скользкой, как каток, невозможно было устоять. У некоторых матросов из-за долгого плавания и отсутствия свежих продуктов началась цинга...

Через год Кук записал в своем дневнике: «В 4 часа утра на юге заметили ослепительно белую полосу — предвестник близких ледяных полей. Вскоре с грот-мачты увидели сплошной ледяной барьер, простиравшийся с востока на запад на необозримом пространстве. Вся южная половина горизонта сияла и сверкала холодными огнями. Я насчитал 96 вершин и пиков вдоль кромки ледяного поля. Некоторые из них были очень высоки, и гребни этих ледяных гор были едва различимы в пелене низких туч и молочно-белого тумана... Таких льдов никто никогда не видел в Гренландском море, да и вряд ли можно сравнить ледяные поля Северного полушария с тем, что открылось нашему взору здесь, на юге... Так как нельзя было пробиться к югу ни на один дюйм, я решил повернуть на север...»

Два года десять месяцев и семнадцать дней продолжалось это плавание. Ученые, сопровождавшие Кука, привезли с новооткрытых островов прекрасные гербарии, художники сделали тысячи рисунков. Сам же Кук так подвел итоги своих попыток проникнуть к Южному континенту: «Я не стану отрицать, что близ полюса может находиться континент или значительная земля. Напротив, я убежден, что такая земля там есть, и возможно, что мы видели часть ее... Это земли, обреченные природой на вечную стужу, лишённые тепла солнечных лучей... Если кто-нибудь обнаружит решимость и упорство, чтобы разрешить этот вопрос, и проникнет дальше меня на юг, я не буду завидовать славе его открытий».

Русское открытие Антарктиды

После победы над Наполеоном Россия почувствовала себя уверенно на политической арене. Забурлила, зашумела вся русская жизнь. Бурная деятельность Морского министерства сов-

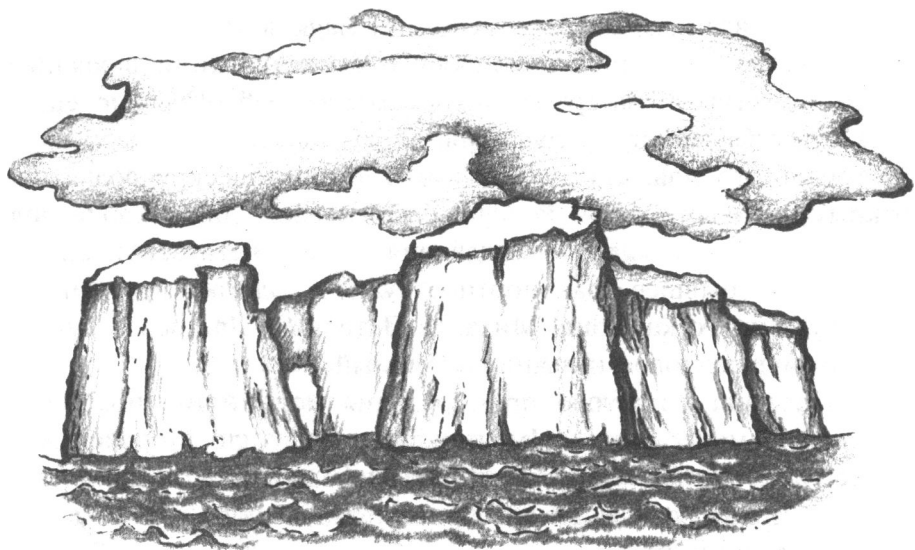
пала с оживлением работы Академии наук в Петербурге. Географы вновь вернулись к вопросу о существовании в южных широтах могучего материка, который должен был уравновесить сушу Северного полушария. В результате появилась идея кругосветного плавания с заходом в антарктические воды для открытия новых земель. Решено было послать два корабля под командованием Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена: шлюп «Восток» и бывшее транспортное судно «Ладога», превращенное трудами его капитана Михаила Петровича Лазарева в шлюп и получившее новое название «Мирный».

«Открытия... с целью приобретения полнейших познаний о нашем земном шаре». Именно так определило Морское министерство России главную задачу экспедиции в антарктические воды, которая вышла из Кронштадта в июле 1819 года.

Пять с лишним месяцев понадобилось морякам, чтобы добраться до островов Южной Георгии. Отчалив от последней стоянки, они вскоре обнаружили три вулканических острова, не нанесенных ни на одну карту. Беллинсгаузен назвал их островами Маркиза де Траверсе, в честь морского министра, много сделавшего для осуществления экспедиции. Однако пробиться дальше к югу кораблям не удалось. Многочисленные ледяные поля и айсберги преграждали путь. Начальник экспедиции решил повернуть на восток, и оба судна почти четыреста миль прошли вдоль шестидесятой параллели, прежде чем удалось найти участок, относительно свободный ото льда. Мореплаватели достигли семидесятой параллели. За полосой ледяного припая угадывался далекий берег. Однако ветер и подвижка льдов вынудили моряков поспешно ретироваться, чтобы не застрять в ледяном плену. Продолжая двигаться на восток, Беллинсгаузен и Лазарев еще дважды поворачивали к югу и за ледяным барьером, как им казалось, видели землю. Был ли это неизвестный остров или берег материка... Оба мореплавателя считали, что за льдами лежит Южный материк.

Полгода спустя корабли подошли к последнему клочку суши на пути к Южному полюсу. Это были три небольших скалистых острова, покрытые вечным льдом и снегом. Через десять дней русские корабли пересекли Южный полярный круг и попали в окружение тяжелых льдов. «Отсюда продолжали мы

свой путь к осту, — писал Лазарев, — покушаясь при всякой возможности к зюйду, но всегда встречали льдиный материк, не доходя 70°. Кук задал нам такую задачу, что мы принуждены были подвергаться величайшим опасностям, чтобы, как говорится, не ударить лицом в грязь».

Приблизившись вплотную к северо-восточному выступу побережья Антарктиды, который через сто двадцать лет норвежские китобои назвали Берегом Принцессы Марты, и еще дважды уходя за Южный полярный круг, русские корабли в середине марта повернули на север, потому что короткое антарктическое лето подошло к концу.

На следующий год Беллинсгаузен и Лазарев еще трижды пересекали Южный полярный круг, но каждый раз отступали из-за тяжелой ледовой обстановки. 22 января 1821 года из облаков выглянуло солнце, и все путешественники увидели невдалеке остров, усеянный черными скалами, на которых не мог задержаться даже снег. «Разбитый лед, густою массою окружавший со всех сторон остров, не позволял к нему приблизиться... Матросы, поставленные на обоих шлюпах по вантам, прокричали трижды «ура»... Открытый остров... назван именем создателя русского флота... Петра Первого» — так описывал это событие участник экспедиции, офицер с «Мирного» Павел Михайлович Новосильский. А неделю спустя при совершенно

ясной погоде с обоих кораблей одновременно увидели на юге землю. Беллинсгаузен назвал ее Берегом Александра Первого.

Через сто двадцать пять лет американская экспедиция установила, что Земля Александра Первого — большой остров, отделенный от континента узким проливом. Но поскольку пролив заполнен толстым ледником, то, возможно, под ним есть перешеек, и тогда Земля Александра Первого все же не остров, а полуостров Антарктиды — Ледяного континента?

Беспримерной по смелости и выдающейся по результатам была русская экспедиция Беллинсгаузена и Лазарева, завершившаяся открытием Южного материка, так долго бывшего призраком, легендой у всех народов мира.

Корабли проделали огромный путь, нигде не разлучаясь ни из-за штормов, ни из-за разницы в ходе. А ведь шлюп «Восток» был более быстроходным. Оставив за кормой 49 тысяч морских миль, что составляет 90 тысяч километров, оба корабля обошли Землю в кругосветном плавании и через семьсот пятьдесят один день вернулись в родной Кронштадт, потеряв лишь двух человек и не имея на борту ни одного серьезно больного члена команды.

Экспедиция продолжалась с 1819 по 1821 год. За время плавания были открыты двадцать девять островов, два из которых в области Южного Полярного океана. Первый Беллинсгаузен назвал островом Императора Петра Первого, второй, более похожий на часть заснеженной суши, получил название Берега Императора Александра Первого. Своим путешествием русские моряки доказали, что в Антарктическом океане есть суша, и положили начало длинному ряду английских, французских и американских исследований. Так был открыт последний, шестой континент на земном шаре — материк Антарктида.

Нельзя не отметить, что во все время плавания на русских кораблях царили порядок и дисциплина. По возвращении Беллинсгаузен был представлен к ордену Святого Владимира III степени, получил чин капитан-командора, пенсию в 1200 рублей и поместье в Курляндии. Его описание путешествия «Двукратныя изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенное на шлюпах «Восток» и «Мирный» под начальством капитана

Беллинсгаузена» было напечатано за государственный счет и пользовалось большим успехом у читателей.

Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен родился 18 августа 1779 года на острове Эзель, что лежит в Балтийском море при входе в Рижский залив. В то время Эзель вместе с другими мелкими островами входил в Эзельский уезд, составлявший островную часть Лифляндской губернии России. Родители отдали мальчика в Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге. Учился мальчик хорошо и в 1797 году после производства в мичманы был отправлен на фрегате «Надежда» под командованием Ивана Федоровича Крузенштерна в кругосветное плавание. Этот поход многое дал молодому человеку. Аккуратный и точный во всем мичман Беллинсгаузен особенно отличился в составлении и исправлении морских карт...

После прославленной экспедиции дальнейшая служба Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена проходила вполне успешно. Два года он командовал флотским экипажем и три года занимал должность дежурного генерала и генерал-цейхмейстера морской артиллерии. В 1826 году на корабле «Царь Константин» и на фрегате «Елена» он командовал отрядом судов гвардейского экипажа в Средиземном море, где его произвели в контр-адмиралы. По возвращении из плавания Беллинсгаузен был назначен командиром гвардейского экипажа, с которым в 1828 году совершил сухопутный поход в Турцию. Во время турецкой войны он участвовал во взятии крепости Варны, имея свой флаг на корабле «Пармен». По возвращении с Черного моря в чине вице-адмирала командовал 2-й флотской дивизией, а в 1839 году был назначен главным командиром Кронштадтского порта и военным губернатором города Кронштадта. В 1843 году он получил чин полного адмирала, а через четыре года по случаю пятидесятилетия офицерской службы ему пожалованы на эполеты вензеля государя императора.

Михаил Петрович Лазарев был сыном правителя Владимирского наместничества и с детства обладал всеми задатками лидера. Отданный в Морской корпус он пользовался уважением учителей и авторитетом у товарищей кадетов. В пятнадцать лет, будучи произведен в гардемарины, вместе с несколькими товарищами был отправлен в английский флот волонтером и прослужил около пяти

лет. За это время молодой моряк избородил немало океанов и приобрел опыт бывалого мореплавателя. А в 1808 году, произведенный в мичманы, Михаил Лазарев уже воевал с Англией и Швецией. Атакованный двумя английскими кораблями он попал в плен, но вскоре был освобожден и плавал в Балтийском море, где и был в 1811 году произведен в лейтенанты. В 1813 году его пригласили в Российско-Американскую компанию.

Михаил Петрович получил под команду судно «Суворов» и вышел в первое самостоятельное дальнее плавание. Он обогнул Южную Америку и бросил якорь в селении Новоархангельском на Русской Аляске. Но приключился скандал. Уполномоченный компании Баранов, человек весьма крутого нрава, привыкший единолично распоряжаться вдали от России так, как считал нужным, потребовал от Лазарева услуг, не предусмотренных договором с компанией. Офицер отказался. Спор дошел до критической черты, и Лазарев ночью, не оповестив никого, снарядил свое судно и утром вышел из гавани Ситхи в море. Баранов был обозлен до такой степени, что велел стрелять из пушек по невооруженному судну. Но канониры были плохо обучены, и ядра пролетели мимо, а Лазарев командовал взять курс на Европу. В этом плаваньи проявились энергия Лазарева, его отличное знание морского дела и умение обращаться с подчиненными. Весь экипаж был на стороне капитана и полностью доверял ему. После длинного перехода судно «Суворов» благополучно прибыло в Кронштадт. Лазарев представил компании свой отчет, и в результате Баранов за превышение полномочий был уволен от должности.

В 1819 году Лазарев вновь поступил в российский императорский флот и плавал в Балтийском море, пока не получил приглашения принять участие в экспедиции под командованием Беллинсгаузена.

По завершении путешествия Михаил Петрович был произведен в капитаны второго ранга, получил под команду корабль «Крейсер» и на три года ушел в кругосветное плавание. Затем он участвовал в нескольких морских битвах, в которых, по свидетельству участников, действовал «с хладнокровием, искусством и мужеством примерным». За участие в Наваринском сражении Михаил Петрович Лазарев был произведен в контр-ад-

миралы и получил ордена от английского, французского и греческого королей. В 1832 году император Николай I назначил его начальником штаба Черноморского флота с большим денежным пожалованием. Год спустя Лазарев был назначен главным командиром Черноморского флота и портов.

За семнадцать лет управления Черноморским флотом Михаил Петрович Лазарев сделал очень многое для укрепления мощи России на Черном море. Начальником штаба при нем служил Владимир Алексеевич Корнилов, будущий вице-адмирал, знаменитый защитник Севастополя. А флаг-офицером Лазарева был Павел Степанович Нахимов, в девятнадцать лет уже служивший под командой Лазарева в кругосветном плавании.

Государь высоко ценил и щедро награждал Лазарева. 10 января 1843 года Михаил Петрович был произведен в адмиралы и получил орден Святого Владимира I степени и орден Андрея Первозванного.

Лазарев был почетным членом Императорского русского географического общества, Казанского университета и Одесского общества истории и древностей.

Плавания в антарктические воды западноевропейских моряков

14 июля 1830 года из лондонского порта вышли на тюлений промысел в антарктических водах бриг «Тьюла» и куттер «Лайвли». Суда принадлежали английским промышленникам и отправились в дальнейшее плавание под командованием опытного капитана-китобоя Джона Биско. Через четыре месяца корабли зашли на Фолклендские острова, после чего направились к Южным Сандвичевым.

На пятьдесят девятой параллели сплошные льды заставили моряков повернуть на восток, но они успели заметить множество буревестников и других птиц, обитающих возле суши, а также появление ветра, дующего с юго-запада. Все это говорило о близости большой земли. И вот она показалась на $65^{\circ}57'$ южной широты и 45° восточной долготы. По правому борту, в сверкающем отблеске полыхавшего над головами южного сияния, виднелась гористая земля, покрытая снегом. Но как ни

старались моряки приблизиться к ней и высадиться, льды не позволяли им сделать это.

Через год промысла корабли Джона Биско оказались в районе, где было множество альбатросов, пингвинов и китов. А затем на их пути появилась земля. Но, увы, то был лишь неизвестный остров, которому Биско дал название Аделейд. Позже моряки убедились, что открытая ими земля входит в целую цепь островов.

По возвращении капитан-китобой получил за свои труды две большие золотые медали Лондонского и Парижского географических обществ. Его путешествие возобновило споры о существовании Южного материка, а также о наличии чистой воды за пределами ледяного барьера. Три государства — Англия, Франция и Северо-Американские Соединенные Штаты — одновременно решили послать экспедиции в Антарктику.

В 1840 году Англия послала два корабля: «Эребус» и «Террор» под началом опытного моряка, тридцатидевятилетнего Джеймса Кларка Росса. Еще в двенадцатилетнем возрасте он плавал с дядей, полярным исследователем Джоном Россом, к берегам Северной Америки изучать Баффинов залив. Позже он руководил научными экспедициями в высоких широтах и, совершая длительные переходы по льду пешком и на собаках, открыл Северный магнитный полюс.

Теперь, согласно инструкции, Росс должен был из трех лет, отведенных на экспедицию, большую часть времени заниматься исследованиями антарктических районов, покидая льды только для ремонта судов или для замены больных членов команды. До 1843 года Росс совершил три плавания в Антарктиду. Открыл окраинное море Тихого океана у берегов Антарктиды, покрытое шельфовым ледником со многими плавающими льдами и айсбергами, и ледяной барьер, названные его именем. Еще он открыл Землю Виктории и два вулкана, получившие названия его кораблей «Эребус» и «Террор».

Иные задачи стояли перед французами и американцами. Французская экспедиция была составлена по проекту знаменитого капитана Дюмона д'Юрвиля, уже участвовавшего в нескольких научных плаваниях. В его распоряжение были предоставлены два корвета: «Астролябия» и «Зеле» («Ревностный»).

Морякам предписывалось двигаться к Южному полюсу, пока не остановят льды. Кроме того, они должны были завершить исследование островов Фиджи, начатое ими же десять лет назад, изучить Соломоновы острова, посетить остров Чатам и часть Каролингского архипелага, исследованную русским капитаном Федором Петровичем Литке. Оттуда они должны были направиться на Борнео, в Батавию и вернуться во Францию через мыс Доброй Надежды. Это было весьма обширное задание на кругосветное плавание, в котором антарктические исследования занимали лишь небольшую часть. «Его величество, — писал адмирал Розамель от имени короля Луи-Филиппа, — имеет в виду не только прогресс гидрографии и естественных наук; королевская забота об интересах французской торговли и о развитии инициативы наших судовладельцев заставляет его с более широкой точки зрения подойти к задачам вашей экспедиции и к ожидаемым от нее результатам. Вам предстоит посетить множество пунктов, изучение которых чрезвычайно важно для определения ресурсов, какие могут быть использованы нашими китобойными судами. Вы должны собрать все возможные сведения, чтобы, руководствуясь ими, они с большим успехом могли совершать свои плавания. Вы будете заходить в гавани, где уже завязаны торговые отношения и где появление военного корабля может оказать благотворное действие, и в другие места, в которых изделия нашей промышленности, возможно, найдут себе рынки сбыта, до сих пор неизвестные, и о которых по возвращении вы сможете сообщить ценные данные».

Луи-Филипп лично пожелал Дюмону д'Юрвилю успеха, а Географическое общество проявило живейший интерес к его начинанию. К сожалению, этого нельзя сказать об Академии наук, хотя в течение двадцати с лишним лет капитан д'Юрвиль не переставал заботиться о пополнении богатств Естественно-исторического музея.

«Было ли это результатом кастовой замкнутости или предубеждения против меня, — писал д'Юрвиль, — но руководство Академии наук проявило мало внимания к готовившейся экспедиции, и выражения, примененные при составлении инструкций, были по меньшей мере так холодны, как будто предназначались для человека, Академии совершенно неизвестного».

Экспедиция Соединенных Штатов состояла из шести судов. Командиром флотилии был назначен лейтенант Чарлз Уилкс. Он был снабжен длинной инструкцией, разбивающей его плавание на многочисленные этапы. Открытие Южного материка являлось сверхзадачей и стимулом для конкурентной борьбы.

«29 января, — сообщает Уилкс в своем донесении Вашингтонскому национальному институту, — мы вошли в залив, названный мною бухтой Пайнерс, — единственное место, где мы могли высадиться на голые скалы; но внезапно налетевший шторм, столь обычный в этих морях, отбросил нас от берега. Когда мы выходили из залива, лот показывал глубину в тридцать саженей. Шторм продолжался тридцать шесть часов; после того как нам много раз удалось избежать опасности разбиться о льды, мы оказались в шестидесяти милях от залива, в подветренном направлении от него. Так как было весьма вероятно, что открытая нами земля простирается на большое расстояние, я счел более целесообразным следовать вдоль нее к западу, чем возвращаться к заливу Пайнерс, не сомневаясь к тому же, что нам представится случай произвести высадку в каком-нибудь более доступном месте. Однако я обманулся в своих ожиданиях, и сплошной лед все время не давал нам приблизиться к земле. У края ледяного припая мы встретили большие льдины, усеянные глинистыми наносами, обломками скал и камнями; мы смогли набрать такое количество образцов, словно сами отбили их в горах. Покрытая снегом земля была ясно видна во многих местах, и окружавшая нас обстановка почти не оставляла во мне сомнений в том, что замеченные нами отдельные участки суши соединены между собой сплошной линией берега и заслуживают данного нами названия — Антарктический материк. Когда мы достигли 97° восточной долготы, обнаружилось, что ледяные поля отклоняются к северу. Мы следовали вдоль них в этом направлении и очутились в нескольких милях от того места, где Кук в 1775 году был остановлен ледяным барьером».

На обратном пути Уилкс отправился в Сидней, а оттуда отплыл в Новую Зеландию, на Тонгатабу, и на острова Фиджи. Туземцы Фиджи в короткой стычке убили двух молодых офи-

церов из числа участников экспедиции, и Уилкс жестоко покарал население острова.

Далее он прошел мимо островов Дружбы, Мореплавателей, Сандвичевых, посетил устье реки Колумбия на западном берегу Америки; проливы Адмиралтейства и Педжет, остров Ванкувер, Марианские острова, Манилу, Сулу, Сингапур, Зондские острова, остров Святой Елены, Рио-де-Жанейро — и 9 июня 1842 года, проследовав через многочисленные этапы длинного путешествия, ошвартовался в нью-йоркской гавани после плавания, длившегося три года и десять месяцев.

Антарктида как материк

По своим размерам Антарктида вовсе не такая маленькая, как это представляли себе люди, так долго ее искавшие. Территория шестого материка почти в два раза больше Австралии и в полтора раза больше Европы.

Это самый высокий на Земле континент. Средняя высота его больше двух километров, тогда как из «старых» частей света самая высокая — Азия имеет средний «рост» всего в девятьсот шестьдесят метров.

Чтобы в общем виде представить себе Антарктиду, ее можно сравнить с большой плоской льдиной или, еще лучше, с ледяной лепешкой, образовавшейся на луже, разлитой среди кочек. Все впадины и ущелья забиты льдом и запорошены снегом. Получилась плоская как блин, величайшая на Земле поверхность-плоскогорье, вынесенная за облака. Настоящий «заоблачный континент». Это затрудняло его исследование, потому что на больших высотах в глубине континента атмосферное давление оказывается очень низким и полярники болеют горной болезнью. Хуже работают в таких условиях и моторы. Мощность двигучих вездеходов падает, самолетам приходится дальше разбегаться, чтобы взлететь. А поварам — просто несчастье... Вода закипает быстрее, при более низкой температуре. А попробуй-те-ка сварить мясо или пельмени не в горячей, а только в теплой воде. Хочешь не хочешь, надо запастись герметическими кастрюлями-скороварками!

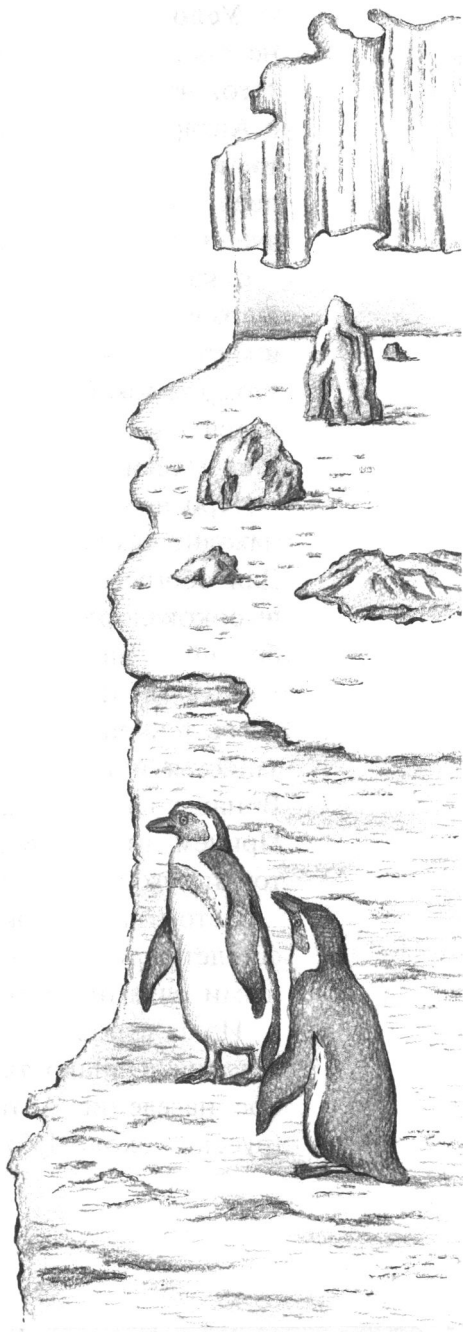
Земля самого яркого солнца и самых сильных морозов

Занятно смотреть, как собирается бывалый зимовщик на далекий Ледяной континент. Вместе с необходимым, чисто мужским снаряжением он никогда не забудет упаковать в свой чемодан несколько палочек губной помады. Зачем? В начале южного лета, когда время от времени выдаются солнечные дни, лучи нашего могучего светила здесь, в Антарктиде, куда более жестокие чем даже в тропиках, на экваторе: лицо и нос не только мгновенно загорают, но и обгорают до глубоких ожогов. А губы обгорают настолько, что распухают и трескаются. Вот и запасаются зимовщики губной помадой, которая предохраняет губы от ожогов; надевают на лица маски, а на глаза — темные очки...

Что же это получается? Выходит, полярный континент в ясные дни получает от солнца почти столько же тепла, сколько тропики? Почему же там находится Полюс холода?

Солнечным лучам, падающим на поверхность Антарктиды, приходится проходить через меньший слой воздуха, потому что весь континент высоко поднят над уровнем моря. Это раз! Затем сам воздух над Антарктидой обладает удивительной прозрачностью. Ни пылинки, ни частички сажи... Все это и приводит к тому, что солнечные лучи здесь такие беспощадно яркие.

Ну а почему же в Антарктиде так холодно? Очень просто. Снег и лед, покрывающие Ледяной материк, отражают почти всю приходящую солнечную энер-

гию обратно в космос. Да и дней солнечных, приходящихся на короткое антарктическое лето, здесь немного.

Зимой, 24 августа 1960 года, на станции «Восток» был отмечен мировой рекорд холода. Столбик спирта в термометре упал до отметки минус 88,3 °С. Такой низкой температуры воздуха еще нигде на нашей планете не отмечали. И потому район станции «Восток» получил название Полюса холода.

Условия обеспечения жизни на Антарктиде, конечно, не простые и не легкие. Они зависят от условий погоды и от того, что считать предметами первой необходимости. Ученые в Антарктиде, как правило, живут на базах, где все предусмотрено. Это своего рода гостиницы только без обслуживающего персонала! Но из теплого помещения, из окна много не исследуешь. Геологи привыкли к полевым условиям и понимают, что какой бы ни была погода, выходы «в поле» обязательны. Кроме того, каким бы надежным убежищем ни была база, в мире пурги и жестоких морозов надо все иметь в запасе. Поэтому рядом с базами обычно находятся склады, в которых хранятся палатки, запасы одежды, еды, необходимого оборудования и техники.

При необходимости, перейдя в палатку, исследователь также находит там все необходимое для жизни в суровых условиях. Для обогрева — керосиновая печь с запасом топлива и лампа, высококалорийная еда, подстилки и надувные матрасы, два больших спальных мешка и дополнительная теплая одежда.

Каждый полярник знает, что нужно иметь на теле несколько слоев тонкой одежды, что важно закрыть ноги и лодыжки, руки, запястья и голову. Раньше одежда зимовщиков была меховой. В наше время ее шьют в основном из синтетических тканей. Причем, чтобы не замерзнуть, одежда должна быть всегда чистой и сухой, а обувь специальной, не пропускающей тепло.

Летом на Антарктиде весьма существенна опасность ультрафиолетового облучения. Зимовщики снабжаются солнцезащитными очками со специальными линзами.

Из-за суровости климата в Антарктиде нет постоянного населения. Однако там расположены научные станции. Временное население Антарктиды колеблется от 4000 человек летом (русских около 150) до 1000 человек зимой (русских около 100).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная география, которой посвящена эта книга, ныне — целый комплекс наук, изучающих географическую оболочку Земли, то есть ту сферу, в которой происходит взаимодействия земной тверди — литосферы, жидкой оболочки — гидросферы, воздушного слоя, окутывающего Землю, — атмосферы и области активной жизни — биосферы. Все эти сферы проникают одна в другую, взаимодействуют друг с другом и создают то, что можно назвать жизнью планеты Земля. Современная география — это сложная система наук, в которой наряду с естественной, или физической, географией существуют общественные географические науки и особое место занимает картография.

Чтобы создать весь этот грандиозный комплекс знания, людям понадобились многие столетия, во время которых существовало немало мифов и заблуждений, вольных и невольных ошибок, но главное — был гигантский труд первопроходцев, замечательных людей, которых не страшил шаг в неизвестное, которые трудились и шли навстречу опасностям не только ради наживы, но и для того, чтобы оставить крупницы своего знания нам с вами. И это им удалось.

Сегодня, за исключением отдельных труднодоступных уголков, наша планета исследована вдоль и поперек. Высокомерно взглянув на «маленькую Землю», люди отправили космические корабли к другим планетам...

Но, как всегда, когда нам кажется, что все уже изучено и все ясно, природа дает хороший урок зазнавшемуся человеку. И тогда оказывается, что еще далеко даже до полузнания и что пока мы только поскребли по поверхности планеты. А далеко впереди — еще непочатый край тайн, загадок и большой интересной работы.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ
Серия «Твой кругозор»

Томилин Анатолий Николаевич

Как люди открывали свою Землю

ДЛЯ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Зав. редакцией *В. И. Егудин*

Редактор *Е. Г. Таран*

Художественный редактор *Т. В. Глушкова*

Компьютерная верстка *А. Н. Кильдин*

Технический редактор *С. Н. Терехова*

Корректоры *В. М. Фрадкина, И. В. Чернова*

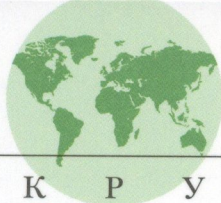
Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000.
Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.05.01. Подписано в печать с оригинал-макета
27.08.07. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Ньютон. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 10,85. Тираж 10 000 экз. Заказ № 2330.

Открытое акционерное общество «Издательство «Просвещение». 127521, Москва,
3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР». 170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября,
д. 46.

Т В О Й   К Р У Г О З О Р

А. Н. Томилин

КАК ЛЮДИ ОТКРЫВАЛИ СВОЮ ЗЕМЛЮ

ЭТО НАСТОЯЩАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ, РАССКАЗЫВАЮЩАЯ
О ТОМ, КАК МЕНЯЛИСЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НАШЕЙ
ПЛАНЕТЕ У РАЗНЫХ НАРОДОВ, КАК БЫЛИ
ПРИДУМАНЫ ГЛОБУС И КАРТА, КАК ОТВАЖНЫЕ
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ОТПРАВЛЯЛИСЬ НА ПОИСКИ
НОВЫХ ЗЕМЕЛЬ. САМЫЕ ЯРКИЕ СТРАНИЦЫ ИЗ
ИСТОРИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ НА ВСЕХ
КОНТИНЕНТАХ РАСКРОЮТСЯ ПЕРЕД ВАМИ

«Твой кругозор» – это проверенные временем традиции научно-познавательной литературы для детей. В серию вошли лучшие книги по гуманитарным и естественно-научным предметам, написанные российскими и зарубежными авторами. Книги серии позволят вам расширить кругозор, повысить свой образовательный уровень и стать знатоками в различных областях знаний.

МАТЕМАТИКА РУССКИЙ ЯЗЫК ФИЗИКА ГЕОГРАФИЯ ИСТОРИЯ

ISBN 978-5-09-018068-9

9 785090 180689 >